

Альманах
библиофила

32

Выпуск

**Международный союз
общественных объединений книголюбов**

УДК 002.(47+57)(082)
ББК 76, 106(100)
С70

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Л.В. Шустрова

РЕДАКЦИОННЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

*В.М. Бакуменко, И.В. Быков, М.Б. Горнунг,
Е.П. Жарницкий, О.Г. Ласунский, В.А. Петрицкий,
А.П. Толстяков, Л.И. Чертков*

Альманах Библиофила

Выпуск тридцать второй

© Международный союз общественных
объединений книголюбов, 2008

ISBN 978-5-93863-024-6

Альманах АБ библиофила

Альманах
библиофила

Выпуск XXXII

Москва
2008

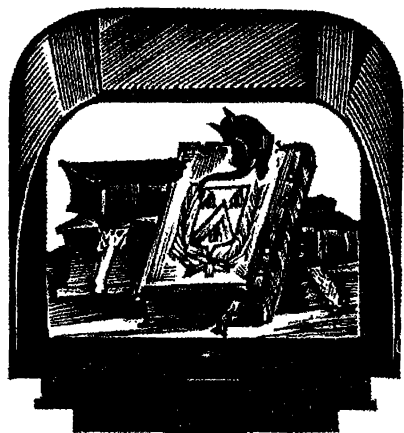
**Из речи Президента Российского
Книжного Союза С.В. Степашина
на VI съезде РКС
3 декабря 2008 года**

Социокультурная модернизация России, развитие гражданского общества, о чём говорилось в недавнем Послании Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному собранию, невозможны без развитой издательской отрасли, выполняющей в обществе важнейшую задачу формирования системы ценностных ориентиров и морально-нравственных норм. Несмотря на бурное развитие современных информационных технологий, книга по-прежнему активно воздействует на духовный мир отдельного человека и нравственное здоровье нации в целом. Именно книга призвана приобщать к уникальному культурному наследию самую широкую, в особенности молодежную, читательскую аудиторию. Сегодняшний издатель – это не просто менеджер, отвечающий за производство определённого товара, это прежде всего просветитель, осознающий свою ответственность перед обществом.

ИЩУЩИЕ ПОДЪЕМНИК

СОЮЗ

РАБОТАЮЩИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Через тернии – к звёздам 8

ПАМЯТНИКИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Татьяна Исаченко

Книгописание в Чудовом монастыре 11

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

Николай Яценко

Геральдический экслибрис в частных библиотеках Симбирска 32

Гарольд Злочевский

Подвиг великой любви 39

Владимир Колупаев

Книжный знак Севастопольской морской библиотеки 90

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Яков Бердичевский

Об одной старой берлинской фотографии ... 98

Александр Тетерин

Продолжение морских дорог 109

Закономерное продолжение 119

Геннадий Смирнов

Книги войны 121

Вам открытка с миниатюрой 126

Неизвестные издания И. Д. Сыгина 129

Неожиданная находка 130

РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Виталий Бакуменко

Экслибрисы Германа Ратнера 131

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Александр Громов	
Кто есть Who	137
Олег Любченко	
Просветитель	157
Григорий Бабич	
Labore et Constantia	176

PERSONALIA

Виталий Бакуменко	
Е.И. Осетров – первый главный редактор «Альманаха библиофила»	181
Анатолий Ракитянский	
Художники экслибрис. Попутные заметки	189

ЮБИЛЕИ

Юрий Бородаев	
О жизни, о себе, об экслибрисах... (к 85-летию со дня рождения)	194

IN MEMORIAM

Олег Ласунский	
Родная Душа (памяти М. А. Грузова)	200

ХРОНИКА

Мария Богданович	
XVIII встреча ОРБ. Вятка–2008	213
Светлана Никольская	
Клуб миниатюристов продолжает работу	215
Игорь Быков	
Клуб «На Пушечной»	216
Именной указатель	217
Коротко об авторах	220

Через тернии – к звёздам...

В удивительное время мы живём с вами. Прошёл ещё один 2008 год. Россия и всё мировое сообщество вступило в глобальный экономический кризис, рушатся банки, крупные и средние компании, мелкие фирмы, а Книгу, книжное библиофильское сотоварищество это как будто не касается. В издательском плане, конечно, грядут большие перемены, очевидно, связанные с уменьшением тиражей и наименований выходящих изданий, но в общем, отношение к Книге, работе по привлечению молодёжи к чтению не меняется, наоборот.

2008 год ознаменован, как и предыдущий, повышением активности в этом процессе. Очередная конференция Российской библиотечной ассоциации в Ульяновске ещё раз продемонстрировала консолидацию библиотечных работников в отстаивании своих профессиональных интересов. Эта позиция подтвердилась на форумах школьных библиотекарей в Михайловском, Анапе и Ульяновске. В ноябре 2008 года в Москве прошла Вторая Всероссийская конференция «Национальная программа поддержки и развития чтения: проблемы и перспективы».

VI съезд Российского Книжного союза, состоявшийся в декабре 2008 года в Звенигороде Московской области, подвёл итоги работы организации за последние два с лишним года и констатировал как одно из значительных достижений – принятие Региональной программы поддержки и развития чтения, открытие шести филиалов и девяти представительств в регионах России. Отрадно отметить, что исполнительным директором РКС-Волгоград стала Председатель Правления

Волгоградского областного отделения общества книголюбов, член Совета МСК Дзюба Л.А.

В декабре 2007 года 75-летие отметил Литературный институт им. М. Горького, а осенью по городам и весям от Москвы до Владивостока отправился «Литературный экспресс». Давно забытая с советских времён добрая традиция Всесоюзного общества книголюбов: организация встреч писателей с читателями, наконец-то, возрождена.

Живым бодрящим родничком пробивалась в этой массе грандиозных официальных мероприятий и наша библиофильская жизнь. Прошло шесть выставок графики и экслибриса в Музее экслибриса МСК. Год завершился великолепной экспозицией памяти замечательного русского графика Ф.Д. Константинова. Делегация РАЭ МСК приняла участие в XXXII Международном конгрессе экслибриса в Пекине, а группа студентов-графиков посетила Всемирный центр экслибриса в Бельгии. Прошла традиционная библиофильская встреча в Вятке. Отметили юбилеи: клуб библиофилов «Бироновы конюшни» (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский клуб любителей миниатюрной книги. Вышли в свет 7 и 8 номера «Российского экслибрисного журнала» и новое издание «Библиофильские известия». Жизнь продолжается...

И продолжает издаваться наш «Альманах библиофила». XXXII номер традиционен своими основными разделами: «Библиотеки и библиофилы», «Поиски и находки», «Наши публикации», «Personalia». В 2009 году Международному союзу книголюбов исполняется 35 лет, и, как показывает складывающаяся практика большинства новых мероприятий, проводимых на поприще

пропаганды книги, чтения, многие из них – это хорошо забытый прежний опыт организации книголюбов. Будем писать о нём в наших следующих номерах. В рубрике «Юбилей» редколлегия альманаха и все читатели сердечно поздравляют с 85-летием выдающегося лекционера и библиофила Юрия Сергеевича Бородаева.

А в остальном, всё по-прежнему. «Альманах библиофила» № 32 вышел в свет, надеемся, что пройдя без потерь экономические бури, он вновь порадует нас в 2009 году. Желаем всем нашим читателям здоровья, смирения, терпения и выносливости в преодолении всех преград. Пусть их в наступающем году будет как можно меньше, а радости и счастливых дней больше. Через тернии – к звёздам...

С добром и любовью

Ваш главный редактор Л.В. Шустрова

Памятники книжной культуры

Татьяна Исаченко

Книгописание в Чудовом монастыре

Со времён основания Чудов монастырь стал своеобразным приютом науки. Переведенный святителем Алексием в Константинополе Новый Завет положил начало трудам в области библейской филологии последующих трёх веков. В 1506 г. здесь жил и трудился над переводом Псалтири преп. Максим Грек, вызванный с Афона из Ватопедского монастыря. Короткий период затишья сменился эпохой расцвета, когда монастырь стал центром отечественной культуры и просвещения: «Здесь господствовал... характер строгой церковности и той серьёзной и осмотрительной сосредоточенности богословствующей мысли, какая естественно возникает при постоянных занятиях переводами из Священного Писания и свято-отеческих творений», — писал об атмосфере в Чудовом известный знаток дореволюционной истории Н.Ф. Каптерев.

Путешествовавший по России Адам Олеарий в 1633 г. уже видел в монастыре школу, с обучением на греческом и латинском языках. Чудовское училище находилось на попечении патриархов и называлось патриаршим.

Вторая половина XVII в. вошла в историю Чудова монастыря учёным монашеством, трудившимся над переводами важнейших церковных трудов, составлением словарей и указателей к переведенным текстам. В эту школу, после переезда в Москву в 1649 г., был направлен учительствовать и иеромонах Епифаний Славинецкий († 1676), живший в Чудовом и оказавшим заметное влияние на поколение справщиков 70–90-х гг. (Евфимий Чудовский, Феодор Поликарпов, Николай Семёнов, монах Герман, иеродиакон Дамаскин и другие). Сегодня не вызывают сомнения важность и актуальность переводов, подготовленных в скриптории Чудова монастыря. Одно из важных мест среди них, несомненно, занимает перевод Нового Завета (1674–1679), а также корпус церковно-канонических текстов и переводов, осуществлённых старцем Епифанием и его учеником Евфимием. Не потеряли своей актуальности произведения полемической литературы. Малоизвестна и в большинстве своём не опубликована полемика представителей чудовской школы с «латинствующими» и «протестантствующими».

Замечательное собрание рукописных книг Чудова монастыря, по которому мы можем судить о характере его книжности, ныне хранится в Государственном историческом музее, но большая часть рукописей оказалась с 1889 г. включена в собрание Синодальной библиотеки, в результате чего, отдельно выделенное в ГИМ, Чудовское собрание рукописей невелико. Это затрудняет изучение бытования его памятников в полном объёме. Но в рукописных собраниях РГБ, БАН, РГАДА, РНБ, Суздаля, Ярославля, Новгорода сегодня находится целый пласт рукописей патриаршего скриптория. Выявление этих рукописей помогает восстановить картину книжной

деятельности в указанный нами период.

Нами изучался пласт рукописей Чудова монастыря, относящихся к XVII в. Творческое наследие чудовских иноков – писателей, переводчиков, полемистов, библиографов, составителей многочисленных словарей и синтагм, ярких проповедников сегодня получило дополнительное освещение. Не потеряли своей актуальности произведения полемической литературы (*Паничи, 2004, 2007*), среди которых важнейшее место занимает, всё ещё не изданная, «Книга на оглаголающия славянскую Библию».¹

В истории литературных языков существуют типологически универсальные социолингвистические ситуации, через которые проходит языковое развитие, но параллельно с этим обнаруживается и ряд прямых заимствований в области идей, способных оказывать влияние на языковое развитие или, напротив, бесследно исчезать в чадю полемики. Создается впечатление,

1716/17

КНИГА СЛАВЯНСКАЯ

и др. стилистика и ритмика...
Книга славянская...
и др. стилистика и ритмика...
Книга славянская...

ВІВАОУ...
и др. стилистика и ритмика...
Книга славянская...
и др. стилистика и ритмика...
Книга славянская...

КНИГА...
и др. стилистика и ритмика...
Книга славянская...
и др. стилистика и ритмика...
Книга славянская...

изг. Епифаніи

Лист из рукописи Чудовского Нового Завета старца Епифанія

что в области языковых программ чёткие соответствия между классовыми и сословными интересами и языковыми пристрастиями отсутствуют, тогда как в области языковой практики эти соответствия могут проявляться с большой настойчивостью.

Попытки обобщения приводят нас к выводу, что для идеи *Slavia romana* – *Slavia orthodoxa* проблематика языкового вопроса не даёт никаких отчетливых «изоглосс». В эпоху славянского средневековья концепция языковой правильности отождествляется с концепцией православия, это ведёт к стремлению упорядочить орфографию. Значимым становится различие омофонов и омографов (О/Ў). Буквы рассматриваются как проявление божеского присутствия («Сказание изъявлено о письменех» Константина Костенечского). Достоинство церковнославянского языка определяется тем, что он является преемником языков древнееврейского и греческого, а нормативной базой церковнославянского языка должен служить его восточнославянский перевод.

Языковая практика второй половины XVII в. показывает, что чудовские иноки, следуя идее Первообраза, воспроизводят в своих трудах греческий оригинал с той степенью буквальности, какая была достигнута в Чудовском Новом Завете Святителя Алексия XIV века. «Православное достоинство» церковнославянского языка приобретает первостепенное значение, а язык получает столь же высокий статус, какой он имел в середине XV в. (1459 г.) после приобретения Москвой церковной автокефалии. Вслед за падением Константинополя, когда были созданы условия для возникновения политической доктрины: «Москва – третий Рим», появились риторические переработки старых текстов в духе Пахомия

Логофета. Они в дальнейшем нашли свое место в Великих Минях Четых митрополита Макария. Но наиболее отчётливо эпоха «второго южнославянского влияния» проявилась лишь в XVI веке (*Жуковская, 1982*). Одновременно с этим, уже с конца XV в. в кружке архиепископа Геннадия, а затем в Новгороде вообще, и даже в деятельности преп. Максима Грека проявляются черты поворота к латыни и к европейской культуре. Немаловажную роль в этом движении продолжают играть лица, помогавшие владыке Геннадию в составлении свода 1499 г. (Дмитрий Герасимов, Николай Бюлов). Смутное время и последующее присоединение Украины к России способствуют продвижению латинской культуры в мир *Slavia orthodoxa*. Одновременно активизируется деятельность русских полемистов в её защиту (*Опарина, 2007*).

Из этого ясно, что выстроить цепочку следующих друг за другом событий совсем не легко, если не принимать во внимание одновременное существование разнонаправленных течений в одной и той же культуре.

Школа Чудова монастыря Чудовской инок Евфимий и его окружение

Чудовская школа перевода – одна из ведущих школ второй половины XVII в. – представлена множеством текстов, созданных в ближайшем окружении патриархов и при их благословении. Позиция этой школы зафиксирована в ряде трактатов и предисловий к переводным сочинениям, что позволяет сформулировать принципы и выявить внутренние противоречия. Основной герменевтический принцип школы Чудова монастыря (так называемый «буквализм») непосредственно вытекает из ситуации, заданной обозначившейся полемикой со

старообрядцами. С одной стороны, чудовским переводчикам предстояло дать новое толкование местам, превратно толкуемым старообрядцами (то есть оказаться в следовании греческим подлинникам более точными их интерпретаторами, чем самые рьяные начётчики-старообрядцы). С другой стороны, эта чрезвычайная (и, к сожалению, даже чрезмерная) степень точности была необходима для обличения «неправильности» (а значит и несправедности) новых западных переводов. Можно сказать, что в следовании образцам, грекофилы XVII в. более точны, чем сами старообрядцы, а субстанциональное начало, отношение к Имени и Сущности, сближает тех и других. И те, и другие традиционалисты в отношении к Слову: Слово и Бог составлены из одной материи, «читать такой текст - значит войти в сферу влияния той же материи, так что исчезает разница между субъектом и объектом восприятия». ² «Образъ не БГъ, но БГа показуеть знати, убо достоит БГа образъ чествовати», говорит чудовской инок Евфимий, выражая, тем самым, свое отношение к идее Первообраза. ³

Проблемы авторства для традиционалистов заслонены авторитетом источника. Эти взгляды кардинально отличны от рационалистического отношения к тексту рационалистов-западников, представителей релятивистской концепции Симеона Полоцкого (в терминологии Матхаузеровой). В основании этой концепции, по мысли Матхаузеровой, лежит отношение к тексту как к объекту, критически воспринимаемому субъектом.

«Глаголемыя старообрядцы», насколько можно видеть, анализируя высказывания лидеров старообрядчества, умышленно дистанцируются от восточных («греческих») нововлияний, не в меньшей степени, чем от западной

(«немецкой») книжности. Вспомним отеческое обращение протопопа Аввакума к царю Алексею: *«Умеешь многи языки говорить, да что в том прибыли? воздохни-тко по-старому..., и рци по русскому языку: «Господи, помилуй мя грешнаго!», а кирелейсон-от отставь; так елленя говорят; плюнь на них! ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай его, и в церкви, и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так и подобает говорить...»*.⁴

Отсюда очевидно, что, предложенная С. Матхаузеровой модель, нуждается в уточнении. На смену «двум теориям текста» должна прийти quadriрующая модель, основанная на внутренних различиях в обеих теориях: традиционалисты не тождественны между собой (Аввакум ≠ Евфимию), не тождественны другу другу и рационалисты. Внимательный анализ позволил выявить во второй из названных школ две религиозно и культурно окрашенные тенденции, отразившиеся в различных мировоззренческих установках. Это, во-первых, «латино-мудрствующие» (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев) и, во-вторых, «протестанствующие», ярким представителем которых является переводчик Псалтири 1683 года Авраамий Фирсов.⁵ Представители обоих указанных направлений зачастую работают в рамках одних и тех же («западнических») культурных и даже языковых традиций, хотя они различаются между собой не менее отчётливо, чем лежащие в их основе школы перевода Иеронима и Лютера, ориентирующиеся на Септуагинту и на Масоретскую Библию.

Из сказанного ясно, что лишь всесторонний анализ, отражающий сложный процесс взаимопроникновения и сосуществования тенденций общественного развития на рубеже XVII–XVIII вв., может объективно воссоздать

картину распределения сил в обществе. На смену понятию «теория текста» должно прийти понятие «школа» как необходимый этап его конкретизации.

В переводческой практике «грекофилов» - буквалистов конца XVII в., как и в древнерусской практике киевского периода, действует феномен, получившим название «мышление по подобию». В узком смысле этот феномен понимается как прорыв греческого языка в перевод (нередко разрушающий славянские языковые конструкции, способствующий введению разговорных греческих форм). В широком смысле феномен понимается как воздействие языка – выразителя мировоззрения и языка в целом, со всеми используемыми в нём литературными и стилистическими приёмами. При этом язык-архетип и язык перевода находятся в отношении, имеющем фундаментальную первооснову для средневекового мировоззрения, в отношении прототипа и образа, а книжная справа второй половины XVII в. предстаёт перед нами как выражение идеи книжного образа.

Греческий язык – основа перевода – мыслился как прототип, это придавало определённый вес языку перевода, на который переносился авторитет оригинала, и который выступал в данном случае как образ оригинала (Чернышева, 2005, с.415-434).

Таким образом, общее отношении к авторитетному образцу, каким являлся для чудовских переводчиков XVII в. греческий текст (и, следовавший ему текст ЧНЗ святителя Алексия) составлял для справщиков епифаниевского окружения фундаментальную первооснову, о которой, например, Евфимий Чудовский заявляет в своём предисловии к Четвероевангелию в списке Ундольского № 1291, называя в числе образцов перевод

LXX Толковников и сравнивая его с серебром, изъятым от земли и седмерицею очищенным: «яко словеса Гня – словеса чиста, сребро разжено искушено земли, очищено седмерицею. Таковъ преводъ видѣти есть утрудившихся прежде бл҃годати, исполненных Дѣха бл҃годати Седмидесятых старцевъ» (л. 1 об.).

Он также апеллирует к традиции Первоучителей и святителей: Константина (Кирилла), Алексия Московского, преп. Максима: «въ различная времена различнии премудрии мужіе в Россіи явлшесея трудолюбезно преводиса, храняще свойство и знаменованіе греческихъ реченій. Вѣрны свидѣтеліе гл҃ѣмымъ – списанія ст҃аго Кирилла, мужа ст҃а и учителя Россіи перваго преводъ, ст҃аго Алексія митрополита, московскаго чудотворца, Максима Грека, мужа премудра, яже и до днесь сего зрятся любомудрствующими въ книгохранилищи великія цр҃кве» (иными словами: «Мудрейшие мужи России в разные времена являли свой перевод, сохраняя его сущность и по начертанию греческого образца. Верные свидетельства того – первый в России перевод св. равноап. Кирилла, перевод свт. Алексия митрополита, московского чудотворца, а также перевод преп. Максима Грека, многомудрого мужа. Все они доньше хранятся, любящими мудрость Божию, чадами в книгоположницах Российской Церкви.

Евфимий упоминает имя митрополита Киприана, переведшего, как считал Евфимий, «с греческих книг на русский язык» книгу Служебник, толкователей Григория Богослова, Федорита Киррского, Иоанна Златоуста, Икумения, ссылается он и на книгу иерусалимского патриарха Нектария: «из книги ст҃ѣйшаго Нектарія, патриарха Іерусалимскаго, лість 59. описки въ преведеніи не токмо

за невѣденіе еллинскаго языка, но и за неправое претолкованіе съ еллинскаго на латинскій» (*там же, л. 16 об.*)

«Завеща ничтоже пременяти преводу его, - говорит Евфимий о Киприане в трактате «О исправлении преждепечатных книг Минеях» (*Чудовское собр. № 286*), - ниже что отимати... Аще ли же кто восхошет сия книги переписовати, смотряи не приложити или отложити едино некое слово, или точку едину, или крючки (*запятые*)... или пременити слогню едину, или преложити обычных, их же первое приывк, или паки отложити... да не от небрежения в грех впадет, занеже от небрежения спасти в грех, горши есть неже от неведения бываемаго... Внимати подобает каково опасно имяху святии, еже приписывати, наипачи же преводити со языка на ин язык, не пременяти не токмо разума речений, но и строчных препинаний, сиречь точек, запятых, ниже верху полагаемых просодии...» (*Розенкампф, 1839*).

Принцип перевода «с точностью до запятой», идеологическая и сакральная значимость греческого текста подчёркиваются Евфимием неоднократно: «...неможно есть на ином коем диалекте без еллинскаго совершенно богословствити того ради и священный символ главизна веры наша сложися еллинским диалектом: и на всех синопсах вселенских святии отци излагах догматы и уставы, и каноны вся еллинским диалектом... И не токмо речение, лежащее во святом Писании, пременити не безбедно есть, но и само строчное препинание, запяту или точку не на подобающем месте положить, в елику творит тщету и разум писания растлевет».⁶

В конце 90-х гг. XVII в. иноком Евфимием была подана записка на имя патриарха Адриана, в ней обосновывалась необходимость издания важнейших трудов «греческого» направления, говорилось о готовности их

к печати. Записка опубликована А.В. Горским и К.И. Невоструевым по Синод. сб. № 346 («Щит веры», помещена на лл. 5-9 об.). Из этого следует, что следование издательским планам стало приоритетной задачей трудолюбивых книжников Ростова, Ярославля, Новгорода, Тихвина, Холмогор, Великого Устюга, которые включились в работу по изготовлению списков. В связи с этим отметим, что распространение названных сочинений уже не затрагивало тех частных вопросов, которым была посвящена собственно полемика (например, разгоревшийся в Москве спор о времени Пресуществления Святых Даров). Для сторонников и проводников «греческой» линии важно было отстоять сам православный способ мышления и верования.

Вопрос о том, на каком языке говорить, какую литературу и как нужно переводить, вставал перед книжниками-славянами на протяжении многих веков, начиная с ранних эпох освоения византийского культурного наследия. Первоучители славянства не оставили и трактатов с изложением своих воззрений, но они создали на младописьменном языке славян, народа пастухов и земледельцев, сам текст который доходчиво выразил идею и донёс до молодого славянского народа суть христианского вероучения. Не нашла своего выражения в теоретических формулах и позиция таких книжников, как Троицкий архимандрит Дионисий (Зобниновский), чуть было не поплатившийся за попытку внести изменения в богослужебные книги, и даже протопопа Аввакума, который принципиально отказывался от обвинений, называя подобные рассуждения «риторством». Но и эти теоретические установки также легко реконструируются по работам учеников и последователей.

В отличие от предшествующего периода, когда воззрения книжников фиксировались от случая к случаю, преимущественно в форме отдельных высказываний, в XVII в. именно чудовская школа в лице иноков Епифания, Евфимия и Дамаскина осуществила попытку полного обоснования своих взглядов. При этом идея следования Образцу-первобразу – важнейшая идея средневекового мышления – была воплощена в форму филологического трактата.

Трактат Евфимия Чудовского «Учитися ли намъ полезнее грамматики, риторики... или, не учая симъ хитростемъ, въ простотѣ Богу угождати... и котораго языка учитися намъ, славяномъ, потребнее и полезнѣе — латинскаго или греческаго?», помещенный в рукописи СПбДА № 423, стал выражением филологического и богословского учения чудовской школы.⁷

«...Яко латинскій языкъ скуденъ и убогъ по себѣ самому и за скудость свою овогда употребляетъ еллинская реченія и имена, овогда же иными реченми измѣняетъ, слыши святаго Григорія Богослова, глаголюща: не могущимъ латиномъ за тѣсноту языка и именъ убожество, раздѣлити отъ существа ипостась, лице же гречески не ипостась.. и того ради вместо (ипостасей) лица вводятъ, да не три существа укажутся...»

Отсюда видно, как филология соединяется в трактате инокa Евфимия с богословием.

Графической иллюстрацией теории является лицевой Букварь чудовского инокa Кариона Истомина, созданный в 90-е гг. XVII в.: прописи заглавных славянских и греческих букв свидетельствуют о их подобии и согласии. В тексте об этом сказано: «Греческая же писмена и славенская, яко овча съ матерію... обоя

между собою подобствуютъ и согласутся». Развивая да-
лее мысль о предвечности греческой графики, Евфи-
мий пишет: «Лука Евангеліе и Дѣянія Святыхъ Апо-
столовъ писа по гречески. Іоаннь Святый Богословъ

*Лист из Букваря, составленного Карионом Истоминым, гравированного
Леонтием Гуниным, отпечатан в 1694 году в Москве*

Евангеліє и Апокалипсисъ писа по гречески, въ немъ же греческихъ стихіи имена алфа и омега, ими же являеть само Слово Божіє безначальє свое и безконечіє, рече самого себе: «Азь есмь Алфа и Омега, Первый и Послѣдній» Не сказа своя предвѣчности отъ латинскихъ литеръ. Чесого ради? Зане латинское «а» не можетъ явити таковое таинство, «омега» же писмене латинницы не имуть» (с. XXI; *цит. Апок. XXII, 13*).

Графика письма

Таким образом, становится очевидно, что выбор графики письма основывается на определённых философских воззрениях, которые последовательно излагаются далее. По убеждению инока Евфимия истинное богословие может существовать лишь на греческом языке, который для Евфимия является Первообразом языка, языком-архетипом, и потому им провозглашаются «еллинословенское» единство двух «преискренних» друг другу «диалектов» – единство в начертаниях, в грамматике, лексике и, как следствие – в передаче смысла:

«Славенскій же языкъ и ученіє купно со греческимъ имуть оную стихію и добръ оба тїи языцы вся имена зовутъ. И аще случится и преложити что на славенскій съ греческа, удобно и благостройно и чинно прелагается, и орфографія цела хранится, яко: евангеліє – благовѣстіє, апокалипсисъ – откровѣніє, патріархъ – отценачальникъ, омофорій – раменоносивое, Стефанъ – вѣнецъ, Феодоръ – богодаръ, порфира – червленица. Латины же мѣсто порфиры – пурпура зовутъ, зане, яже не могутъ тако чинно преложити, окружными (л. 9 об.) многими реченіи пресказуютъ, яко: архимандритъ – *qui pluribus monachis praeest* «иже многимъ монахамъ предстательствуетъ».

«Зри, – замечает Евфимий, ссылаясь на авторитет знатоков латинского и греческого языков преп. Максима Грека и иеромонаха Епифания Славинецкого, – како согласенъ славенскій языкъ съ греческимъ, и, учася тому, не погрешить истины о богословіи; латинской же.. далече отсутствуетъ истины... Греческій же языкъ и учение всю селенную просвѣщаетъ, яко мудрый въ философіи и феологии іеромонахъ Епифаній Славинецкій, въ греческомъ и латинскомъ и славенскомъ искусный языцѣхъ глаголетъ въ словѣ о ученіи греческаго языка и ученія сице: «о, како веліе есть благо яснаго ученія греческаго луча, ею-же мрачная невѣдѣнія тма разрешается, востокъ и западъ озаряется, сѣверъ и югъ просвещается и вся селенная облистана бываетъ»».

«Яко убо учение греческое наипаче въ богословіи истина и свѣтъ и яко латинское учение намъ непотребно довольно показася. Нужно явити, яко латинское о богословіи учение растлѣнно и губительно и къ прелести тѣхъ удоботводительно (л. 16)... яко глаголетъ мудрый грекъ Максимъ: «пагубная латинская учения и мудрования богоносныхъ отцевъ преданіемъ и ученіемъ толико далече отстоятъ» (Л.16 об.)

Грамматический строй

«Книги греческія, – считает Евфимий, – латинскимъ языкомъ добрѣ на славенскій диалектъ превести отнюдь невозможно...Аще кто и добрѣ научится по латинѣ, сице будетъ преводити съ латинска... И аще Символь тако и не инако с латинска преведется, внимати прирадиво подобаеъ, яко вся наша растляется и в ничто же будутъ...»

Отсюда вытекает важность поднятого иноком Евфимием вопроса о философской концепции и морфологической структуры языка и обсуждает временные

значения глагольных форм. Для него грамматика значима именно вследствие того, что она «*гречески словенски зело согласна*». Временные значения глагольных форм Евфимий рассматривает в богословских категориях вечного и тленного, приводя пример важности причастия *сый* которое, по св. Иоанну Богослову, означает «Единородный Сын» («Павел апостол глаголет: иже въ образъ Божій сый... Словенски: азъ есмь сый»), указывая, что причастие *сый*, выраженное одним словом, имеет в латинском двухчастное образование *иже есть, иже есть, иже бысть*: «Подобно и поляки от латинского языка и учения глаголют вмѣсто сый – *который есмь, который есть и былъ*, иже не знаменуетъ вечности, но наченшееся что и кончущееся. Сый же ибо являютъ Божественное существо безначальное и безконечное». Через причастие, согласно Евфимию, можно поводить различие «Бога сущаго» и «не сущихъ».

Подобные рассуждения связаны с представлениями о соотношении сущности и имени, в ранних славянских переводах в таких случаях «за сущность нового понятия принимали греческое слово и в переводе его сохраняли как истину», перевод этого слова при этом вводили в качестве наименования (Чернышева, 2005). В таких случаях, как показала исследовательница, появлялась пара так называемого «двуязычного дублета». Примерами могут служить часто встречающиеся в Евангелии пары: *власфиміа* – хоула; *динарь* – *пѣнязь*, *икономъ* – *приставникъ*, *впокрить* – *лицемѣрь* и др.

Последовательное употребление двуязычных дублетов – характерная черта евангельского перевода. Она часто используется для стилистического приёма.

Евфимий, например, указывает на отсутствие в латинском языке некоторых временных грамматических

категорий и иллюстрирует примерами относительность знания и соответствующее представление о мире. Он приводит весьма убедительный пример своим рассуждениям – невозможность перевести Александрийский Символ веры с латинского, не погрешив, при этом, против истины. Евфимий даже даёт образец такого гипотетического перевода Символа Веры:

«Вѣрую во единого Бога Отца всесильного (или всемогущаго) и изъ Отца рожденнаго предъ всѣми вѣки, рожденнаго и несотвореннаго. Чрезъ его же вся сотворений суть. Иже насъ ради чловѣковъ низъиде отъ небесъ и воплотился есть...изъ Маріи Дѣвы и чловѣкъ сотворень есть. Укрестованъ убо за ны подъ Понтійскимъ Пилатомъ и страдалъ и погребень есть и воскресе и взиде на небо и сѣдять на десницѣ Отца и паки приидеть со славою... иже отъ Отца исходить... иже со Отцемъ и Сыномъ общехвалень есть, иже глаголасть есть чрезъ пророки».

Лексический строй

Евфимий убеждает читателя в том, в чём совершенно убеждён сам: «свойство же славенскаго и греческаго отъ самыхъ имёнъ соединися, яже издревле употребишася и вообычайшася славянномъ греческая и, яко своеестественная, вкоренишася, яко: евангеліе, апостоль, апокалипсисъ, паралипоменонъ, псалтирь, тріодъ, минея, октоихъ, евхологій, ирмологій, хронографъ, грамматика, діалектика, феология, арифметика, лексиконъ, орфографія, этимология, синтаксисъ, просодія, варіа, евангелисть, апостоль, патріархъ, митрополитъ, архіепископъ, епископъ, архіерей, іерархъ, архимандритъ, игумень, іерей, діакопъ, иподіаконъ, клиръ, клирикъ, архидіаконъ, монахъ, символъ, кафисма, псаломъ, ирмосъ, тропарь, кондакъ,

икось, ипакой, канонъ, стихира, стихъ, схолюнъ, академія, Алексій, Афанасій, Василій, Григорій...

...Латинницы же имена овая греческая, за скудость свою, употребляютъ (яже невѣдущимъ мнятся быти латинская) и, не могуще на свою бесѣду добръ (л. 9) претолковати, растленно глаголють: метрополитъ, арцибискупъ, бискупъ, клерь, клерикъ, преоръ, псалтеръ, кроника, поэтика, паче же самага Сына Божія Спасительное имя Исусъ глаголють Іезусъ, святыхъ имена – Михаѣль, Израѣль, Измаѣль, Іерузалѣмъ, Грѣгоръ, всѣхъ стыднейше – святаго много страдальнаго праведнаго Іова имя зовутъ срамно Іобъ; пѣснь божественную, агѣлы поемую, аллилуія, глаголють латинницы – алелюя, академія – академія, планита – планета; вся сія и множайшая сихъ растлиша въ ученіихъ своихъ учимымъ, за еже не имутъ во ученіи своемъ стихіи...».

Автор трактата предупреждает соотечественников о распространении в Москве западного учения (латинского, католического, и протестантского – *Т.И.*):

«И къ сему егда услышатъ латинское ученіе, въ Москвѣ наченшееся, врази истины, плевосѣятеле тернія западнаго посреди чистыя пшеницы, изъ востока насѣянныя, лукавиі іезуити подъйдутъ и неудобопознаваемыя своя силлогизмы, или аргументы душетлительныя, начнутъ злохитростно всѣвати, тогда что будетъ? Ничто ино, точію окоптѣлый очистительнаго огня дымомъ латинскаго смышленія зачнется куколь и родить любопрѣнія, потомъ (пошади, Боже) отступлеше отъ истины, еже страждеть или уже и пострада малая Россія; пріучившися латинѣ, быша мало не (л. 18 об) вси уніаты; рѣдціи ошашася православніи.

Сихъ ради всѣхъ подобаетъ некосненно, недремлющимъ умомъ архипастыремъ и всѣмъ купно и начальникомъ духовнымъ и мірскимъ предразумѣвати? предваряти,

премышляти и угашати моленми, ученми и запрещенми малую искру латинскаго ученія, не дати тому раздмитися и воскуритися, да не пламень западнаго зломысленнаго мудрованія, растекся, попалить и въ ничтоже обратить правоюславія восточнаго истину».

Сакральность письма

Евфимий обращает внимание не только на сходство в графике греческого и славянского письма, но и на сакральность присутствующего в славянском языке греческих знаков, таких как «арфрон» (Ѡ — *Т.И.*) в его важной смыслоразличительной функции, чего нет в латинском языке: «Арфрон же греческое, его же латинницы не имуть, языку славенску велми нужно, понеже существительная имена, о Бозѣ глаголемая, тѣмъ арфромъ познаваются и отъ сущихъ, по благодати глаголемыхъ именъ, отделяются (на поле присутст. ссылка на святого Афанасия — *Т.И.*)».

Говоря другими словами, греческий артикль позволяет проводить границу между божественной (сверхестественной) сущностью Бога и его благодатной сущностью⁸: «Сугубо бо глаголется въ божественномъ писаниіи Богъ нарицание естествомъ и благодатью: Ѡ θεός убо со арфромъ – естествомъ и существомъ есть Богъ, благодатию же и положениемъ глаголются θεοί, без арфра».⁹

Как видим, Евфимий вполне убежден в том, что «арфронъ знати – великій придаетъ разумъ и богословіе, арфромъ бо святіи отцы обличаху, посрамляху и побѣждаху еретики». Свою правоту чудовский инок иллюстрирует примерами: «Азь есмь Господь Богъ твой – Ѡ θεός – со арфромъ. И человекъцы бози глаголются и сынове божіи по благодати... – безъ арфра. Глаголется и демонъ θεός – безъ

арфра, яко: бѣзи языковъ демони. Со арфромъ же БОГЪ – единъ по существу есть Богъ».

Иными словами, в своём рассуждении Евфимий Чудовский обращает внимание на то, что если слово Бог склоняется по числу, то, в этом случае, боги означают «демоны» (то же отмечал в XI в. Петр Дамиан, комментируя рассказ о грехопадении Адама и Евы в своём сочинении «De sancta simplicitate scientiae inflanti anteponeunda», обращал внимание на то, что в первой же фразе дьявола, обращенной к человеку, слово Бог склоняется по числу («откроются глаза ваши и вы будете как боги, знающие добро и зло» - Быт. III, 5, *Успенский, 1981, с. 221, прим. 20*).

Озабоченность, выраженная составителем трактата, была продиктована многими причинами: участившимися попытками внесения в тексты схизматических нововведений, некритическим отношением к отбору источников при переводах, секуляризацией общества, потерявшего в преддверии шведской войны, внутреннее единство. Пример Малороссии (Украины), наводнённой униатами, выучившимися в латинских школах и утративших чувство православного единства, создало предпосылки для беспокойств, поскольку, по мнению автора трактата – всё это вполне способно «обратить в ничто православия восточного истину».

В конце XVII века составителю казалось, что ортодоксия синтеза славяно-греческого мира в состоянии обеспечить такое единство.

Примечания

1. Рукопись Синод. собр. № 373, с поправками Евфимия Чудовского; Чуд. 286, белой список.
2. Подобное отношение, связанное с «обожением» букв и слов отражено, например, в филологических трудах Константина Костенечского (Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896. с. 366 и далее), который, в свою очередь, высоко ценил труды Евфимия Тырновского.
3. Рукопись РНБ, собр. Погодина, № 1227.
4. Житие протопopa Аввакума, 1960.
5. Исаченко, 1984, 1985, 1987.
6. Никольский К.Т. Материалы для истории исправления богослужбных книг. Об исправлении устава церковного в 1682 г. и месячных миней в 1689-1691 гг. // Памятники духовной письменности. СПб., 1896. Т.115. С.61,62. Смыслоразличительная функция йоты в древних текстах убедительно показана Е.М. Верещагиным на примере анализа греческого богословского термина *διοοβσιος*, ошибочно истолкованного А.К. Кузьминым в летописном сказании о князе Владимире (Кузьмин, 1987, с.34).
7. Текст опубликован : Сменцовский, 1899, прил.
8. Согласно учению Максима Исповедника – воплощение Божие было явлено в двух естествах, но в одном лице. Ср. строки из древней службы преподобному: «Троицу единосущную проповедал еси, единую в воле и действии, Бога же воплотившегося – в двух естествах, двух волях, двух действиях, Отцов наших, Боже, благословен еси... Не двух волей, разделяемых разумом, противоречие проповедал, отче, но качество Единого, различающегося в естествах». Как можно видеть, философские рассуждения инока Евфимия базируются на учении Максима Исповедника, посправившего ересь монофизитства (см. Служба преп. Максиму Исповеднику по новгородским минеям к. XI – нач. XII в. (перевод Н.Н. Лисового) // Мурьянов М.Ф. «Гимнография Киевской Руси». М., 2003. С. 250, 252)
9. В рукописи Спб. Дух. Ак. (Софийской библ.) под № 423 присутствует расширение, проясняющее смысл: «без арфра – Богъ и праведникъ человекъ» (л.5) (Сменцовский 1899, прил., с.Х).

Библиотеки и Библиофилы

Николай Яценко

Геральдические экслибрисы в частных библиотеках Симбирска

Сначала несколько слов о толковании термина «геральдика». В словаре русского языка С.И. Ожегова значится: «Геральдика – описание гербов и их истории».

Это верно, но далеко не полно. Надежда Александровна Соболева в своём научном труде «Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв.» («Наука», 1981) так толкует это слово: «Геральдика представляет собой единство двух дефиниций: геральдика – дисциплина, изучающая гербы, историю их возникновения и использования; в то же время геральдика – это ещё и наука о составлении герба, предусматривающая систему специальных знаний о форме, композиции изображения, цветах герба и в соответствии с этими знаниями его художественное воплощение, наука, граничащая с искусством».

Геральдика меня как библиофила и экслибрисиста интересует уже давно, поэтому в моей домашней библиотеке есть несколько книг по этой теме.

И вот сейчас мне ещё раз захотелось просмотреть эти книги, чтобы продолжить поиск геральдических экслибрисов вообще, и симбирян, в частности. В ходе этих поисков я обнаружил для себя некоторые сведения, относящиеся и к геральдике нашего города.

К примеру, я нашёл такие слова: «Жители Симбирска утверждали, что герб города (колонна) пожалован ему «за двукратную храбрую оборону от разбойника Стеньки Разина».

Конечно же, речь идёт о жителях Симбирска конца XVIII века, а герб утверждён 22 декабря 1780 года. Описание герба краткое: «На белом столбе – золотая корона».

На знамени Симбирского армейского полка этот герб уже был в 1712 году, правда, с некоторыми аксессуарами, которые позже исчезли. Видимо, решили, что они были лишними.

Имелась и печать города Симбирска. Изготовлена она в 1695 году. Её описание: «Лев в короне вправо от зрителя, с мечом в поднятой лапе».

Эта печать и герб на знамени Симбирского армейского полка воспроизведены в вышеупомянутой мною книге.

А первый гербовый экслибрис в Симбирске появился во второй половине XVIII века.

Вот что показали мои разыскания. Семья Дмитриевых имела одиннадцать тысяч томов в своей домашней библиотеке! Конечно же, даже сам факт существования такой крупной домашней библиотеки в то время является интересным, тем более, что он имеет отношение к Симбирской губернии.

Основателем фамильной библиотеки был Иван Гаврилович Дмитриев (1739–1819 гг.) – отец известного русского поэта Ивана Ивановича Дмитриева,

симбирский помещик, один из культурнейших людей своего времени.

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837 г.г.) учился в частных пансионах Казани и Симбирска. Большое влияние на обучение и воспитание оказали его родители. Сам И.И. Дмитриев позже писал, что в становлении его как поэта он благодарен и «обществу нескольких умных, образованных и недавно покинувших столицу» людей. Четыре года (1810–1814 г.г.) И.И. Дмитриев служил министром юстиции, после чего окончательно покинул службу, переехал в Москву, где и умер 15 октября 1837 года. К концу XVIII века Иван Иванович Дмитриев завоевал славу одного из известнейших поэтов-сентименталистов.

На слова И.И. Дмитриева было написано немало песен, имевших большую популярность в народе, а о его баснях В.Г. Белинский так отзывался: «В них блистает салонный ум XVIII века: в них язык сделал значительный шаг вперед».

Поэт, проживая в Петербурге и Москве, неоднократно навещал Симбирск, интересовался общественной и культурной жизнью города.

Родной брат И.И. Дмитриева, Александр Иванович Дмитриев (1759–1798 г.г.) был литератором и переводчиком, состоял в дружбе с Н.М. Карамзиным.

Племянник И.И. Дмитриева – Михаил Александрович Дмитриев (1796–1866 г.г.) поэт, критик, мемуарист, член Московского и Петербургского обществ любителей российской словесности.

Федор Михайлович Дмитриев (1828–1882 г.г.) – сын М.А. Дмитриева, инженер-технолог, директор бумагопрядильной фабрики братьев Мамориных в селе Раменское, вице-президент политехнического общества.

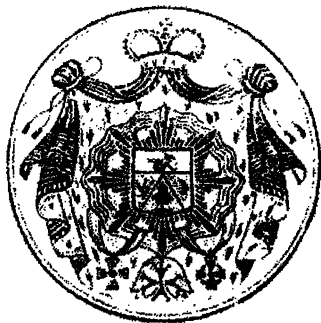
Из истории библиофильства нам хорошо известно, что многие личные (домашние) библиотеки после смерти их владельцев и основателей распались. Этот процесс, к сожалению, происходит и в наши дни. Однако семейная библиотека Дмитриевых является в этом отношении исключением: она в 1904 году была передана в Московский университет и сейчас хранится в отделе редких книг и рукописей.

Это богатейшее собрание состоит из русских и западноевропейских изданий XVIII–XIX веков, периодики, книг с автографами известных писателей, поэтов, общественных деятелей.

Убедительным доказательством того, что это собрание принадлежало семье Дмитриевых, является наклеенный на книги гербовый экслибрис этой семьи. Экслибрис обрамлён правильной окружностью диаметром в 35 миллиметров, это – гравюра на дереве.

Позже, в середине XIX века, в Симбирске появилось ещё два геральдических экслибриса: они принадлежали симбирской помещице Софье Александровне Перси-Френч (девичья фамилия – Киндякова) и её мужу, англичанину Максимилиану Перси-Френч.

Надворному советнику Василию Афанасьевичу Киндякову было пожаловано дворянство (диплом от 23 декабря 1802 года) и деревня Киндяковка, бывшая Винновка, Симбирской губернии.

Экслибрис семейной библиотеки Дмитриевых

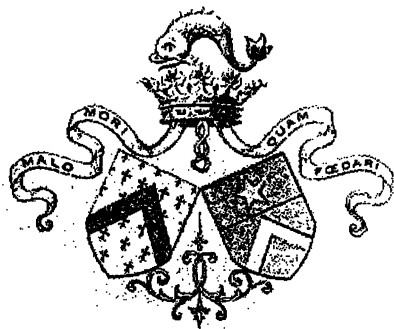

Софья Александровна принадлежала к четвёртому поколению Киндяковых.

Её отец Александр Львович Киндяков женился на дочери владельца суконных фабрик и стекольных заводов в Сенгилеевском и Сызранском уездах Симбирской губернии, известного библиофила Александра Никифоровича Скребницкого – Эмилии Александровне. Софья Александровна, их дочь, родилась 6 марта 1834 года, а умерла в 1901 году.

В XIX веке книжные знаки у дворян, как правило,

были геральдическими, т.е. гербовыми. Фамилии их владельцев не писались, т.к. герб, который воспроизводился на экслибрисе, значил больше.

Ex-Libris

*Экслибрис Софьи Александровны
Перси-Френч*

Это обстоятельство затрудняет в наше время определение фамилий владельцев экслибрисов.

Так случилось и с двумя найденными мною геральдическими экслибрисами Перси-Френч. Удивительно, но факт: мне их при-

слал один из моих почитателей в начале семидесятых годов, даже не указав своего имени.

Нужна была их точная атрибуция. Поскольку в Ульяновске не оказалось английского гербовника, по которому можно определить принадлежность экслибрисов, я обратился за помощью к ленинградскому исследователю, большому знатоку гербовых экслибрисов

Николаю Михайловичу Спиченко, Он и подтвердил, что на экслибрисе Софьи Александровны изображено два герба: один – родовой герб Киндяковых, второй – родовой герб Перси-Френч.

Экслибрис с двумя гербами в России всегда принадлежал женщине, следовательно, это книжный знак Софьи Александровны. На ленте, пересекающей герб Киндяковых, по-латински написан девиз; «Предпочитаю умереть, нежели обесславить».

Экслибрис Максимилиана Роберта Перси-Френч выполнен в римско-английской символике. На нём изображены гербовый щит и щитодержатели: слева – воин, справа – женщина. На щите замысловатый вензель, представляющий собой переплетение первоначальных букв имени и фамилии владельца экслибриса: «MRPF» – Максимилиан Роберт Перси-Френч.

*Экслибрис
Максимилиана Роберта
Перси-Френч*

На ленте, расположенной у основания щита, тот же девиз, что и на экслибрисе Софьи Александровны.

Библиотека в Киндяковке была, по-видимому, основана в тридцатых годах XIX века, когда Эмилия Александровна Скребницкая вышла замуж за Александра Львовича Киндякова.

Не исключено, что основанием для создания библиотеки послужило получение Эмилией Александровной приданого (в том числе и библиотеки или части её) от отца-библиофила Александра Никифоровича Скребницкого (1778–1864 г.г.).

Последующие владельцы Киндяковки – С.А. Перси-Френч, её муж М.Р. Пёрси-Френч и их дочь Е.М. Перси-Френч пополняли это собрание. После революции библиотека была передана в Симбирское губернское книгохранилище и местному художественному музею. Ныне в музее хранятся лишь некоторые издания по искусству, а основная часть книг находится во Дворце книги имени В.И. Ленина.

К сожалению, авторы всех трёх вышеописанных экслибрисов, как и большинства геральдических книжных знаков, не известны.

Гарольд Злочевский

Подвиг великой любви

*Лучший способ сохранить память
о добрых делах – повторять их.*

Ф. Бэкон

В августе 1964 года я возвращался домой из увлекательного путешествия по Вуоксинской водной системе, от Выборга до Приозёрска, и далее – на попутном транспорте и пешком – до Санкт-Петербурга (тогда – Ленинграда). До вечернего поезда на Москву оставалось ещё несколько часов, и я отправился в поход по букинистическим магазинам Северной Пальмиры. В одном из них, на улице Герцена, близ Невского проспекта, обратил внимание на прекрасно оформленную книгу. Это было третье, дополненное, подарочное издание труда известного русского юриста А.Ф. Кони «Фёдор Петрович Гааз: Биографический очерк» (СПб.: Изд-во А.Ф. Маркса, Б. г.). Экземпляр хорошей сохранности, с дарственной надписью юриста И.И. Шполянского своему коллеге А.М. Роговому «на память о совместной борьбе на производственном фронте в тяжкие дни блокады Ленинграда в 1941 – 42 гг.». Книга была подарена 4 июля 1942 года в осаждённом городе, о чём имеется соответствующая запись.¹

Если имя А.Ф. Кони (1844–1927) мне было хорошо знакомо, то о герое его книги, московском «тюремном» докторе, я тогда, к сожалению, ничего не знал. При просмотре фолианта попались слова Гааза, привлёкшие внимание к этой удивительной личности: «Самый

Ф. П. Гааз. Рис. И. Б. Циприс, 1998 г.
Публикуется впервые

верный путь к счастью не в желании быть счастливым, а в том, чтобы делать других счастливыми. Для этого нужно внимать нуждам людей, заботиться о них, не бояться труда, помогая им советом и делом, словом, любить их, причём, чем чаще проявлять эту любовь, тем сильнее она будет становиться» (49. 3-е изд. С. 148). Слова Гааза натолкнули меня на мысль о том, что обнаруженный мною экземпляр книги А.Ф. Кони был, вероятно, подарком-символом, с помощью которого даритель деликатно при-

зывал коллегу-юриста к справедливости и милосердию к людям в суровое военное время, в жесточайших условиях холодной и голодной блокады.

Я купил этот раритетный экземпляр, и с тех пор он хранится в моей домашней библиотеке. Когда прочёл книгу о Гаазе, имя которого овеяно легендами, то понял, что его жизнь – подвиг великой любви к людям. Стал собирать сведения о враче-гуманисте и из других источников. Возникло желание обобщить добытую информацию. Реализовать его удалось лишь через много лет.

Виды города Мюнстерайфеля, в котором родился Ф. П. Гааз

Фёдор Петрович (Фридрих-Йозеф) Гааз родился 24 августа 1780 года (все даты – по старому стилю) в городке Мюнстерайфеле (ныне – Бад-Мюнстерайфель), близ Кельна, в Германии. Дед его был доктором медицины, отец – аптекарем. В семье было восемь детей. Несмотря на скромные средства их отца, все пятеро братьев получили хорошее образование. Окончив местную католическую церковную школу, Фридрих Гааз уехал учиться в Йенский университет, где активно посещал лекции по курсам философии и математики. Медицинское образование он получил в Вене, специализировался на лечении глазных болезней.

Однажды Гааз был приглашён оказать медицинскую помощь жене князя Н.В. Репнина – русского посланника в Вене, страдавшей от болезни глаз. После излечения эта великосветская пациентка (урождённая графиня Розенмахер) уговорила Фёдора Петровича поехать в Россию в качестве семейного доктора. С этой целью она заключила с Гаазом выгодный для него договор на четыре года, составленный в Вене

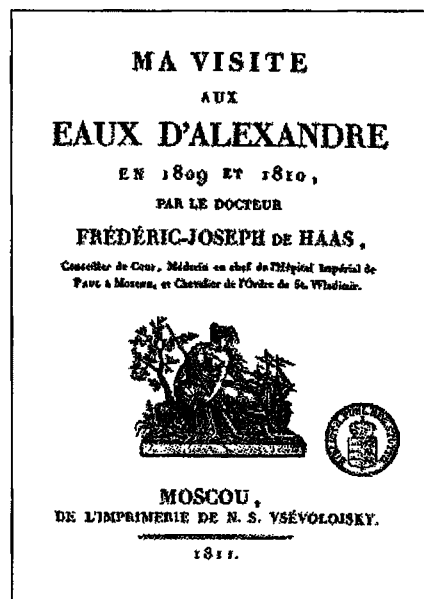
3 февраля 1806 года (53. 2-е изд. С. 16). В том же году Фёдор Петрович поселился в Москве.

Знающий, способный, энергичный молодой врач скоро стал широко известным в древней российской столице и приобрёл большую практику.

В 1807 года Гааза назначают «главным доктором» старейшей Павловской больницы (ныне 4-ая Городская клиническая больница). Одновременно он продолжает

заботиться о страдающих глазными болезнями, посещает их в различных больницах города и на дому. Усердие Фёдора Петровича на медицинской стезе было отмечено Владимирским крестом четвертой степени. Он очень гордился этой наградой.

В 1809 и 1810 годах Гааз совершил поездки на Кавказ, где не только впервые изучил и описал уже известные источники минеральных вод, но также открыл серно-щелочной источник в Эссентуках и ряд целебных ключей в Желез-

*Титульный лист книги Ф. П. Гааза
«Мое посещение Александровских вод
в 1809 и 1810 гг.» на фр. языке*

новодске. Результаты своих исследований он изложил в книге «Ma visite aux eaux d'Alexandre en 1809 et 1810. Par le docteur Frederic-Joseph de Haas, medicin en chef

de l'Hopital de Paul a Moscou». М., 1811 («Моё посещение Александровских вод в 1809 и 1810 гг. Доктора Фредерика – Йозефа Гааза, главного врача Павловской больницы в Москве»), подзаголовок которой гласит: «Мои болезни породили этот труд; желание исцелять болезни других людей побудили его опубликовать». Большая часть экземпляров этого издания погибла в московском пожаре 1812 года. В настоящее время известно местонахождение всего трёх экземпляров этой книги (95. С. 137): два из них – в Москве (в Российской государственной библиотеке и в библиотеке Московского университета), а третий – в Ростове-на-Дону (вероятно, в Донской государственной публичной библиотеке, фонды которой составляют ныне более 5 миллионов единиц хранения), куда этот раритет был передан в 1915 году Румянцевским музеем вместе с другими книгами из библиотеки Варшавского университета. В этом значительном по объёму (365 с.) медицинском и философском труде есть прекрасные мысли о врачебном долге и о здоровье, и о ценности человеческой жизни. Мысли эти, сформулированные молодым ещё человеком почти 200 лет назад, звучат очень современно (и всегда должны быть современными в цивилизованном обществе), наверное, потому, что Гаазом рано была осмыслена приоритетность непреходящих ценностей – здоровья и жизни человека. Он, в частности, пишет: «Медицина – царица наук. И вовсе не потому, что жизнь, которую она поддерживает, столь прельстительна и дорога для людей; а потому что здоровье человека – это условие, без которого в этом мире невозможно ни великое, ни прекрасное; потому, что жизнь есть исток, венец и основа всего на свете» (72. С. 32).

Возмущённый вторжением армии Наполеона в Россию в 1812 году, Гааз поступил врачом в действующую русскую армию и совершил с ней поход от Москвы и до Парижа.

После окончания войны он вернулся в первопрестольную. Москва быстро возрождалась. Гааз много работал. В 1825 году ему предложили должность штатт-физика в Московской медицинской конторе. Должность эта была чрезвычайно высокая и ответственная, если учесть, что только одна запасная аптека, находившаяся в ведении конторы, снабжала медикаментами армию в 300 тысяч человек, 30 госпиталей и больниц.

Гааз сразу же принялся за преобразование, направленные на упорядочение медицинской службы в Москве, повёл активную борьбу

с бюрократизмом и безразличием. Однако через год он отказался от должности штатт-физика, так как понял, что не в силах преодолеть препятствия, которые постоянно ставили на его пути чиновники, объединившиеся в общем чувстве ненависти и зависти к возмутителю их бывшего спокойствия. В 1820-х годах Фёдор

В этом здании размещалась Медико-хирургическая академия, в которой работал Ф.П. Гааз в 1820-х гг.

(ул. Рождественка, 11)

Фото автора. 2008 г.

Петрович преподавал несколько лет в Медико-хирургической академии (Рождественка, дом № 11).

29 декабря 1828 года произошло событие, изменившее всю дальнейшую жизнь Гааза. В Москве был учреждён и торжественно открыт Московский губернский комитет для попечительства о тюрьмах. Гааза назначили членом этого Комитета (с 1830 по 1835 год он был его секретарём) и главным врачом московских тюрем.

Знакомство с положением тюремного дела потрясло его. С 1829 года и до последних дней жизни, в течение почти 25 лет, всю свою энергию, знания, средства врач-гуманист отдавал святому делу помощи больным и несчастным. Гааз был убеждён, что между преступлением, несчастьем и болезнью есть тесная связь и поэтому «необходимо справедливое, без напрасной жестокости, отношение к виновному, деятельное сострадание к несчастному и призрение больного» (49. 3-е изд. С.43).

Каторжники на этапе, прикованные к металлическому пруту. Рис. Е. П. Самокиш-Судковской

Всеми возможными средствами проводит Фёдор Петрович в жизнь свои убеждения, никакие препятствия не могут остановить его на этом благородном пути.

Гааз добился отмены металлического прута (введён в апреле 1824 года для конвоирования арестантов),

к которому приковывали по 8–10 человек, чтобы осуждённые не могли совершить побег в пути по этапу. В результате прут «благородно» заменили цепью в 1833 году. Он изобрёл и ввёл с 1836 года облегчённые кандалы, которые стали называть «газовскими». По его настоянию кандалы теперь обшивали кожей или сукном в местах, прилегающих к телу, так как прежде зимой металл примерзал к рукам, причиняя страдания арестантам. Об этом в 1836 году был подписан и повсеместно разослан специальный указ. Фёдор Петрович на свои деньги регулярно приобретал и раздавал продукты и медикаменты арестантам, содержащимся в больнице на 120 кроватей, созданной в 1832 году по его инициативе при Московской пересыльной тюрьме на

*Ф. П. Газз раздает продукты арестантам в больнице при Московской пересыльной тюрьме на Воробьевых горах.
Рис. Е. П. Самокиш-Судковской*

*Ф. П. Гааз пришел с очередным ходатайством.
Рис. Е. П. Самокиш-Судковской*

Воробьёвых горах. Тюрьма эта размещалась во вспомогательных постройках, возведенных в связи с началом сооружения храма Христа Спасителя по проекту А.Л. Витберга (1787–1855) на Воробьевых горах, прекращённого в 1828 году.

Как врач и гуманист, Гааз делал всё, что в его силах, для облегчения участи несчастных, так как считал необходимым, «чтобы никто из страждущих не оставлял Москвы, не найдя в оной помощи и утешений, каких он имеет право ожидать и по своей болезни... и по мнению, которое русский человек привык иметь о великодушии и благотворительности матушки Москвы» (72. С. 35).

Бескомпромиссными усилиями Фёдора Петровича в 1846 году было отменено унижительное бритьё половины головы, которому подвергали всех арестантов. Его оставили лишь для каторжных.

Только в 1847 и 1848 годах Гааз внёс в Комитет около 11 тысяч рублей серебром от неизвестного благотворителя для улучшения питания заключённых, рацион которых был уменьшен из-за неурожая. Ранее он добивался перестройки московского тюремного замка и, взвалив на себя должность руководителя работ, постепенно, к середине 1834 года, открыл при нём мастерские: переплётные, столярные, сапожные, портняжные, а также организовал плетение лаптей; в 1836 году устроил (главным образом на собранные им пожертвования) школу для арестантских детей при пересыльной тюрьме; заботился об обучении грамоте взрослых.

За первые 15 лет работы «тюремным доктором» Гааз раздал заключённым огромное количество книг, в том числе 71190 азбук (В этот период через Московскую пересыльную тюрьму проходило ежегодно 6–8 тысяч арестантов из 24 губерний).

Зная все недостатки современного ему судопроизводства, Федор Петрович 142 раза ходатайствовал о пересмотре дел невинно осуждённых, о помиловании или о смягчении приговора, требовал от Комитета денег для помощи семьям арестантов. На средства, собранные Гаазом, выкуплено 74 крепостных.

Одна из главных заслуг «великого человеколюбца» – создание в 1844 году на свои и благотворительные средства Полицейской больницы для бесприютных всякого звания на Покровке, в Малом Казённом переулке (ныне дом № 5), которую простые люди называли «Газовской».

При больнице, рассчитанной на 150 кроватей, была маленькая квартира из двух комнат, в которой Фёдор Петрович поселился сам в том же году и жил до конца своих дней. Когда в больнице не хватало свободных мест, он помещал больных в своей квартире и ухаживал за ними. Детище Гааза явилось первой больницей скорой помощи в Москве, куда можно было обращаться круглосуточно. С момента открытия больницы до смерти её основателя в ней была оказана медицинская помощь 30 000 человек. Здесь царил строгий порядок, пресекались недобросовестное отношение персонала к своим обязанностям, нечестность. Первым в России Фёдор Петрович понял и оценил преимущество женского обслуживающего персонала в лечебных учреждениях перед мужским и ввёл это «открытие» в практическую работу «своих» больниц.

Во время эпидемии холеры в 1848 году Гааз разъезжал в пролётке по городу, разъяснял людям как уберечься от страшной болезни, успокаивал, оказывал помощь. Его знали и словам доктора верили.

Жил он скромно, был одинок, всё, что имел, отдавал больным и несчастным. Но это происходило после 1828 года. А до того широкая врачебная практика и преподавательская деятельность позволили Гаазу сколотить приличное состояние. «Коллежский советник и кавалер», он жил до 1827 года в престижном районе центра Москвы, «на Мясницкой, в Гусятниковом переулке, в доме Башилова» (70), а затем купил собственный кирпичный дом на Кузнецком мосту (ныне дом № 20). По иронии судьбы, ранее им владела «мучительница и душегубица» Дарья Салтыкова, известная в народе как Салтычиха, которая построила это здание специально

*Москва, Кузнецкий мост, дом 20, принадлежал Ф. П. Гаазу.
Фото автора. 2008 г.*

для проведения экзекуций над крепостными, превратив его в зловещий застенок. Известно, что по описи 1834 года ему принадлежали также «около двух тысяч десятин земли в Московском и Дмитровском уездах с селениями Тишково (в нём была усадьба, приобретённая ещё в 1812 году. Здесь Гааз завёл суконную фабрику. – Г.З.), Михалёво, деревней Марьиной Горой и несколькими всхожими пустошами. В населённых пунктах числилось 109 душ мужского пола» (80. С. 47). Все эти владения в 1840 году были проданы с аукциона (17а. С. 109).

В «поздних» воспоминаниях А.Д. Шумахера, опубликованных в 1899 году, встречаем характеристику Гааза, каким он остался в памяти одиннадцатилетнего

мальчика. Впечатления автора относятся к 1831 – началу 1832 г. В это время Фёдор Петрович пользовался в Москве «громадной известностью», его приглашали «на консультации в опасных случаях». Мальчику Гааз запомнился высоким и худым. «Относительно костюма он был последний из могиканов в Москве: он носил чёрный фрак особого покроя, с длинными, узкими фалдами, белый высокий галстух и белую манишку с выдающимся мелкоффрированным воланом; брюки узкие по колено, чёрные шёлковые чулки и башмаки с пряжками, затем седой парик и косу; разъезжал он не иначе как в карете, запряжённой четвёркою цугом, как другие, более известные врачи того времени. Такой оригинальный костюм на высокой, сухопарой фигуре его и всегда серьёзная внешность естественно производили на нас, детей, сильное впечатление» (102).

А вот словесный портрет Гааза, обнаруженный в «Записках графа Михаила Дмитриевича Бутурлина...» (воспоминания относятся к зиме 1840–1841 годов): «Ему было тогда... шестьдесят с чем-то лет; роста он был низкого, толстенький и кругленький, в парике, всегда во фраке, в коротких до колен штанах, в шёлковых

*Ф. П. Гааз. Рис. Е. П. Самокиш-Судковской.
Таким его запомнил М. Д. Бутурлин*

чёрных чулках и в башмаках (как видим, через десять лет костюм Гааза не изменился. – Г. З.), с живыми манерами и деятельными привычками... будучи глубоко проникнут евангельскими заповедями, он неуклонно применял их в практической жизни, и особенно в любви к ближнему, – чувство, доходившее у него иногда до крайности с светской точки зрения. С такою же строгостью относился он к правдивости во всех своих действиях, служебных и общественных, и в речах... Но этот самый, столь снисходительный и сёрдобольный к меньшей братии человек делался непреклонным упрямым в столкновениях с сильными мира сего, когда задумывал проводить между ними какую-либо из своих филантропических идей» (39. С. 253 – 254).

Когда обеспеченная жизнь Гааза осталась в прошлом, он неоднократно переезжал, снимая, вероятно, недорогие квартиры. Известно, что в конце 1830-х годов он жил «на Божедомке, при Старой Екатерининской больнице» (14. С. 19). До старости Гааз сохранил бодрость, выносливость, беспокойный характер – спешил помочь каждому, о ком болело его человеколюбивое сердце.

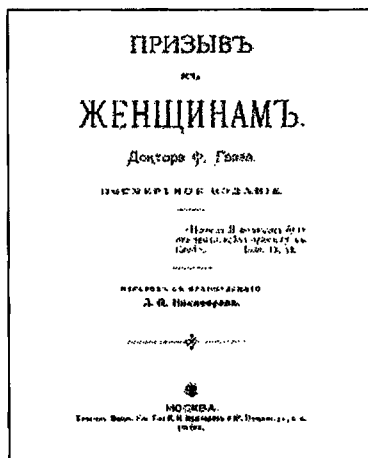
Завещание Фёдора Петровича, написанное за год до смерти, в июне 1852 года, также проникнуто вниманием к людям и заботой о них. Он просил своего душеприказчика – известного в те годы московского врача, первого профессора хирургической госпитальной клиники Московского университета, Андрея Ивановича Поля (1794–1864), «подарить всякому, кто бы что желал иметь на память». Высокая нравственность руководила Фёдором Петровичем и когда он распоряжался судьбой своих книг: «Книги, кои способны и назидательны при церкви нашей, все дарю в библиотеку церкви нашей, равно фортепианы и латинские песни, какие у меня

окажутся. Два тома «Лексикона» Бланкарда оставить при конторе Полицейской больницы для бесприютных больных... так чтобы при больнице составила маленькая медицинская библиотека» (5. С. 207).

Гааза очень беспокоило «продвижение» представления к награждению служащих при больнице, которое он сделал, и Фёдор Петрович просил также душеприказчика найти способ наградить «всех столь много трудящихся около» него. В заключение он выразил пожелание, чтобы похороны были скромные «на счёт церкви, на одной паре лошадей, без всякого прибавления» (5. С. 211).

Своё духовное завещание Гааз выразил в форме обращения к русским женщинам, излагая «нравственные и религиозные начала», которыми руководствовался в жизни, и будучи убеждён, что женщины «призваны содействовать перерождению общества». Он проповедовал любовь и сострадание, уважение к человеческому достоинству и чувство справедливости, нравственность и снисходительность к слабостям и ошибкам людей. В этой философской работе под названием «Appel aux femmes» («Призыв к женщинам»), изданной впоследствии доктором Полем за свой счёт в виде брошюры (4), впервые прозвучал известный теперь призыв Фёдора Петровича: «Спешите делать добро!»

*Титульный лист книги Ф. П. Гааза.
1897 г.*

Умер Гааз 16 августа 1853 года. Всё оставшееся после него имущество состояло из нескольких рублей, старой мебели, поношенной одежды, книг и телескопов, в которые Фёдор Петрович любил смотреть на звёздное небо, отдыхая от дневных забот.

В день похорон Гааза (19 августа) был написан прощальный некролог, опубликованный в «Московских ведомостях» 22 августа. Автору, скрывавшемуся за псевдонимом Елизавета Д-ва, Фёдор Петрович был хорошо известен. Отсюда, вероятно, мудрые, добрые и скорбные мысли о человеке, смерть которого была воспринята как невозполнимая утрата для многих современников: «Сколько благодетельная жизнь людей, исполненных любви и добра, столько поучительна смерть их... Общие похвалы не могут идти к тому, которого мы оплакиваем, потому что добродетели его выходят из ряда обыкновенных явлений. Никогда нечистый помысел не смущал его, никогда тень какой-нибудь неправды не касалась его души. Сострадание его доходило до самоотвержения, милосердие – до страсти, любовь к человечеству – до фанатизма. Вера его была тверда и пламенна, и она-то была источником всех его высоких дел... Не одними тюрьмами ограничивалась его благотворительная деятельность. Нет числа бедным, которым он помогал, несчастным, которых он пристраивал, утешал, успокаивал, излечивал... Он являлся везде, где ближнего постигало какое-нибудь несчастье, где была скорбь, где оплакивалась сердечная утрата...

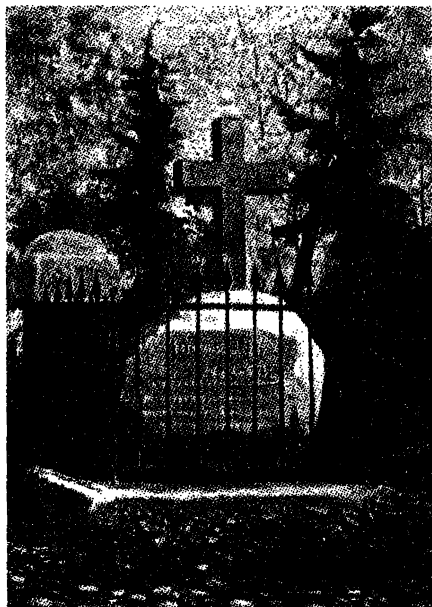
Последние его минуты были достойны его жизни... Он до конца остался верен себе, т.е. для других забывал себя... В католической церкви Петра и Павла, при отпевании, было несметное множество народа... Смерть

его можно назвать общественной утратой... горестная толпа сопровождала его до самой могилы. Не было произнесено речи над его прахом... Ничего не могло быть красноречивее тех рыданий, которые раздавались, когда опускали гроб, ни тех восклицаний скорби, которые слышались со всех сторон...» (34). В этом некрологе впервые было высказано предположение, что «в скором времени появится... биография» Гааза.

Московский корреспондент «Санктпетербургских ведомостей» писал в связи с кончиной Фёдора Петровича: «Гааз был человек редкий не только в Москве, но в целом мире. Он был истинным, бескорыстным, прямым другом человечества, в самом обширном значении этого слова... и едва ли кто-нибудь из москвичей не знал Ф.П. Гааза. До конца жизни сохранил он костюм, уже давно заменённый другими... Он всю свою жизнь употребил на пользу несчастных, бедных и отверженных... Всё, что имел он, всё постоянно раздавал бедным, так что не оставил даже чем похоронить себя. Церковь приняла на себя эту святую обязанность, а его жизнь и добрые дела устроили ему такие проводы, какие суждены немногим. Его опустили в землю при горьких слезах и рыданиях нескольких тысяч людей, ему посторонних. Вероятно, лица, ближе знакомые с покойным, не замедлят с его подробной биографией, чего он вполне достоин» (54). Проститься с доктором бедных и обездоленных собралось около 20 тысяч человек, и гроб до кладбища несли на руках.

А вот воспоминания ещё одного участника тех событий – фельдшера, служившего под началом Федора Петровича, записанные современником: «Гааза хоронила вся Москва: православные, старообрядцы, знатные

Введенское кладбище. Памятник на могиле Ф. П. Гааза. Так он выглядел до 1905 года. Рис. Е. П. Самокиш-Судковской

и убогие, все плакали от сердца, потому что не стало человека сердца. Прах его похоронен на Немецком (ныне Введенское. – Г.З.) кладбище, бронзовый, весьма похожий бюст, украшает его памятник; большие и малые гипсовые копии этого бюста розданы сотоварищам Гааза» (59. С. 350).

Очевидно, этот первоначально установленный памятник был впоследствии заменён другим, сооружённым (по словам А.Ф. Кони) неизвестным почитателем. Он представлял

собой гранитную глыбу, увенчанную отшлифованным гранитным крестом.

12 сентября 1853 года состоялось чрезвычайное заседание Московского губернского комитета для попечительства о тюрьмах, на котором его вице-президент, Московский гражданский губернатор И. В. Капнист (1794–1860) произнёс взволнованную речь о Гаазе. Он, в частности, отметил: «Убеждения и усилия его доходили часто до фанатизма, если так можно назвать благородные его увлечения. Но это был фанатизм добра, фанатизм сострадания к страждущим, фанатизм

благотворения – этого благодатного чувства, облагораживающего природу человека» (46).

И.В. Капнист призвал членов Московского губернского комитета для попечительства о тюрьмах организовать сбор средств с целью создания благотворительного капитала в память Гааза. В короткий срок было собрано 6,5 тысяч рублей серебром. В соответствии с предложением инициатора деньги эти поместили в банк, а суммы, получаемые в виде процентов, раздавались семьям беднейших арестантов ежегодно в день кончины Федора Петровича. Таким образом, и после смерти Гааза его имя по-прежнему было связано с оказанием действенной помощи страждущим. Известно, что с августа 1854 года до сентября 1862 года в виде процентов с упомянутого капитала роздано почти 2 тысячи 50 рублей серебром (74) – сумма весьма значительная для того времени.

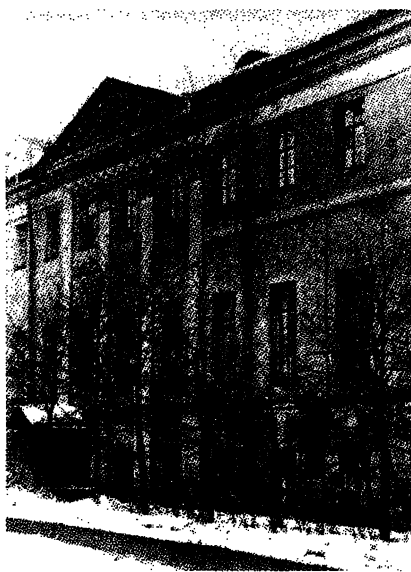
В июле 1859 года в первопрестольную столицу приехал П.С. Лебедев – директор Петербургского тюремного комитета (с 1858 года), назначенный в январе 1859 года управляющим Петербургским тюремным замком. Цель визита – «осмотреть Московский тюремный замок (Бутырская тюрьма, построенная по проекту М.Ф. Казакова в 1800 году – Г.З.) и все места заключения в Москве», так сказать, в порядке обмена опытом. Естественно, петербургский гость слышал о нововведениях Гааза, но то, что он увидел, превзошло все ожидания. Уже несколько лет доктора не было в живых, а надёжно поставленное им дело продолжалось преемниками и память о Фёдоре Петровиче была жива. Свои впечатления от поездки в Москву Лебедев опубликовал в том же году. В них, в частности, он писал: «Тюремная больница, устроенная

другом бедствующего человечества, доктором Гаазом, соединяет в себе удобства к каким не привыкли мы в других госпиталях и больницах. Имя Гааза с благоговением повторяется в тюрьме до сих пор; бюст его поставлен в конторе больницы, которой он посвятил всю свою деятельность и возвёл на замечательную степень совершенства... Жаль, что до сих пор у нас нет его биографии, в которой бы подробно рассказали всё, что сделано им для облегчения участи заключённых... Честь,

слава и вечная память благородному служителю добра и человечества!» (58. С. 660).

Ещё в 1860 году П.С. Лебедев высказал мысль (очевидно, впервые) о необходимости сооружения в Москве памятника «достойнейшему Фёдору Петровичу Гаазу... как первому ревнителю тюремного дела в России» (59. С. 338). К сожалению, тогда эта идея не встретила поддержки. Минуту ещё восемь лет и в печати вновь раздался одинокий голос человека, кото-

*Москва, Малый Казённый пер., дом 5.
Здание бывшей полицейской больницы*

рый понял непреходящую ценность сделанного Гаазом: «Почему до сих пор никто из знавших его врачей не потрудился написать его биографию? А ведь в долголетней жизни такого высокого общественного деятеля каждый

из читателей нашёл бы для себя много полезного и назидательного» (76). Но соратники молчали. И тогда, понимая, что неумолимое время уносит в небытие свидетелей подвижнической жизни Гааза и даже (как впоследствии подтвердилось) документы, за написание первого значительного по объёму очерка о Фёдоре Петровиче (в основном о его тюремно-благотворительной деятельности) взялся П.С. Лебедев.

Главным материалом для работы послужили «отысканные в архивной пыли и хламе служебной переписки докладные записки» Гааза, его покровителей и противников, а также воспоминания людей, лично знавших доктора, впечатления от реализованных гаазовских нововведений. Считая себя «слабым» последователем выдающегося человеколюбца, П.С. Лебедев выразил своим трудом «глубокую дань уважения и сочувствия» своему предшественнику. Во вступлении к очерку автор отметил, что Гааз – «человек, оказавший тюремному делу и страждущему человечеству, быть может, не меньшие заслуги как и знаменитые деятели на этом поприще (имелись в виду известные в прошлом филантропы Говард, Бентам, Венинг. Последний, кстати, ознакомившись с ужасающими картинами русского тюремного быта, предложил Александру I в 1818 году проект образования в России попечительного о тюрьмах общества, которое было учреждено в 1819 году – Г.З.), заслуги тем более замечательные, что человек этот не занимал высокого положения в свете, действовал один на совершенно новом поприще, встречая на каждом шагу препятствия... принимая на себя всю ответственность при неудаче, тогда как успех всегда приписывался тому, кто исполнял мысль и предложение

нововводителя... Именем его мы можем смело гордиться. Между тем, оно известно лишь весьма ограниченному кругу образованных москвичей, бывших свидетелями его деятельности. Зато каждый простолюдин в Москве знает «Газовскую» больницу для бесприютных больных; арестанты же, следующие в оковах, просят, как милости, быть закованными в «газовские» кандалы, а кто не знает, что в России народная память удерживает лишь то, что действительно особенно замечательно» (59. С. 290–291). Ко времени написания очерка П.С. Лебедев, безусловно, был профессионалом в своём деле и его компетентная оценка того, что совершил Гааз, очень важна. Автор писал о человеке ушедшем, которого лично не знал, потому и характеризовал в основном по результатам содеянного им и по изученным документам. Завершая очерк, П.С. Лебедев сформулировал главное: «Гааз... успел сделать переворот в нашем тюремном деле. Найдя тюрьмы наши в Москве в состоянии вертепов разврата и уничижения человечества, Гааз не только бросил на эту почву первые семена преобразований, но успел довести до конца некоторые из своих начинаний, и сделал один, и не имея никакой власти, кроме силы убеждения, более чем после него все комитеты и лица, власть имевшие» (59. С. 349).

Так, по существу, впервые П.С. Лебедевым был опубликован большой материал о жизни и трудах врача-подвижника и гуманиста. Однако в своё время очерк должного эффекта не общество, очевидно, не произвёл.

Шли годы, из жизни уходили люди, знавшие, любившие «беспокойного идеалиста», благодарные «святому доктору». С ним уходила и память об этом замечательном человеке. Постепенно Гааза забыли.

А. Ф. Кони. Фотография. 1890-е гг.

Вновь возродил и увековечил память о легендарном «фанатике добра» Анатолий Фёдорович Кони, знаменитый русский юрист, выдающийся судебный оратор, общественный деятель и литератор. Он приобрёл широкую известность в 1878 году в связи с делом В.И. Засулич (1849–1919), участницы русского революционного движения, обвинявшейся в покушении на убийство

петербургского градоначальника генерала Ф.Ф. Трепова. Благодаря Анатолию Фёдоровичу ей был вынесен оправдательный приговор.

А.Ф. Кони знал и любил русскую литературу, поддерживал дружеские отношения с Н. А. Некрасовым, И. А. Гончаровым, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, В. Г. Короленко, подсказал Л. Н. Толстому сюжеты для «Воскресения» и «Живого трупа», заимствованные из судебной практики. При советской власти он активно занимался преподавательской, лекционной, литературной работой.

В 1890 году Анатолий Фёдорович готовился выступить на четвёртом международном тюремном конгрессе, который был посвящён памяти знаменитого английского филантропа Джона Говарда (1726–1790), умершего и похороненного в Херсоне. Предполагая собрать материалы о последователях Говарда в России, А.Ф. Кони обнаружил документы о Гаазе, его рукописи, письма, сочинения. Светлый образ этого человека завладел мыслями

исследователя. Он разыскал людей, знавших Гааза или слышавших о нем, собрал воспоминания. Личность «доктора бедных» заслонила собою образ Д. Говарда. Конгресс открылся 3 июня 1890 года в Санкт-Петербурге, но А.Ф. Кони не смог выступить на нём из-за болезни.

И всё же он решил рассказать современникам о нравственном и гражданском подвиге Гааза. В 1890–1892 годах знаменитый юрист прочёл ряд публичных лекций о жизни и деятельности Гааза, в том числе в пользу голодающих вследствие неурожая 1891 года. Первая лекция состоялась в Санкт-Петербургском юридическом обществе. Содержание этих чтений, обработанное и дополненное новыми сведениями, легло в основу большой интересной работы – «Фёдор Петрович Гааз: Биографический очерк», впервые опубликованной под названием «Доктор Ф.П. Гааз: Очерк» в «Вестнике Европы» (1897, № 1, 2). В том же году очерк вышел отдельной книгой в Санкт-Петербурге в издательстве А.С. Суворина.

Образ Гааза, человека высокого врачебного и гражданского долга, бескорыстного, доброго и отзывчивого, подвижника в своём нелёгком труде, встаёт со страниц этой документальной книги. Чувствуется, что автор сам восхищён героем своего повествования. Он относит Гааза к категории деятелей, которые «проходят по тернистой дороге своей жизни, сея направо и налево добро и не ожидая среди общего равнодушия и всевозможных препятствий не только сочувствия своему труду, но даже и справедливого к нему отношения. Внутренний, сокровенный голос направляет их шаги, а глубоко коренящееся в душе чувство наполняет и поддерживает их, давая им нужную силу, чтобы бодро смотреть в глаза прижизненной неправде и посмертному забвению».

*Переплет книги А. Ф. Кони.
Подарочное издание,
[1904 г.]*

*Ф. П. Гааз.
Гравюра по рис. К. Кунилакиса
(фронтиспис)*

Это был «человек цельный и страстно деятельный, восторженный представитель коренных начал человеколюбия» (49. 3-е изд. С. 13).

Свою книгу Кони посвятил другому врачу-гуманисту, «слуге и другу страждущих», также, как и Гааз, специалисту по глазным болезням профессору Харьковско-го университета Леонарду Леопольдовичу Гиришману² (1839–1921), подчёркивая этим преемственность тех добрых основ отечественной медицины и гуманизма, которыми руководствовался Гааз.

Благодаря лекциям и особенно книге А.Ф. Кони о докторе Гаазе узнало новое поколение граждан России. Книга оказалась настолько популярной, что в 1900–1904

годах она ещё трижды переиздавалась в Санкт-Петербурге в издательстве А.Ф. Маркса. На титульных листах годы выхода книг не обозначены. Второе и четвёртое издания имеют только одну дату (6 ноября 1900 года) цензурного разрешения на печатание портрета Гааза; они одного формата, набраны одним шрифтом. Третье и четвёртое издания дополненные. В них вошли сведения из очерка «Фёдор Петрович Гааз (по новым материалам)», опубликованного А.Ф. Кони в 1903 году в журнале «Вестник Европы» (№ 12). Наиболее интересно уже упомянутое третье издание (дозволено цензурой 5 марта 1904 года), приобретённое мною в Санкт-Петербурге. Отпечатанное на мелованной бумаге, оно имеет 184 страницы, содержит портрет, 4 факсимиле, вид могилы Гааза, а также иллюстрировано 72 рисунками талантливого художника книги Е.П. Самокиш-Судковской³ (1862 или 1863–1924). Рисунки выполнены в модном тогда элегантно-декоративном стиле «Арт Нуво» (Новое искусство) – одном из течений Модерна – с использованием изысканной орнаментальности прихотливо волнистых линий, вьющихся растений. В том же стиле решено оформление и издательского переплёта по проекту художника этой книги.

Итак, в обществе пробудился интерес к личности «доктора бедных», восстанавливалось почтение к его памяти. В прессе появились рецензии на очерк А.Ф. Кони. Стали выходить книги о Гаазе других авторов, которые использовали работу Кони в качестве основного источника и новой информации практически не давали. Написаны эти книги в период с 1900 по 1910 гг. Предназначались они для различных слоёв населения. В частности, были выпущены: дешёвое издание «для

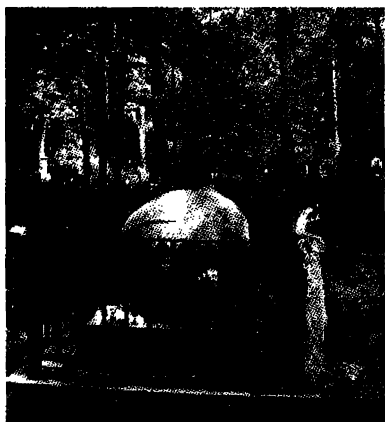

народа» (59), очерк в серии «Школьная библиотека» (47), благотворительные издания, например, часть сбора от продажи одного из них (87) поступила в пользу вдов и сирот фармацевтов.

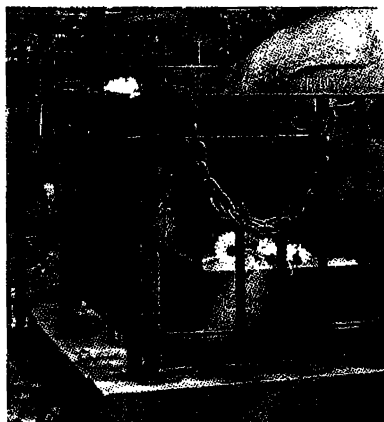
Из серии публикаций о Гаазе, появившихся в начале XX в., интерес представляет работа С.В. Пучкова⁴, главного врача Александровской больницы (бывшей Полицейской, созданной Гаазом). Скромная по объёму книга «К характеристике доктора Ф.П. Гааза» выдержала два издания: первое появилось в Санкт-Петербурге в 1910 году, второе, дополненное, – в Москве в том же году (78).

В 90-е годы XIX века С.В. Пучков помогал А.Ф. Кони собирать материал для биографии Гааза, в том числе вёл поиск в Московском губернском архиве. Знаменитый юрист выразил ему искреннюю благодарность за это в предисловии к своей книге. В дальнейшем Сергей Васильевич предпринял новый поиск материалов о Гаазе в архивах и разыскал несколько неизвестных до того интересных документов, опубликовав их в своей книге, в которой также сообщил, что сделано для увековечения памяти о его предшественнике. В 1905 году Московское городское управление подновило памятник на могиле Гааза; под него была подведена новая гранитная плита, на которой золотыми буквами выгравирован бессмертный афоризм доктора: «Спешите делать добро!» Взамен старой ограды поставлена новая, с бронзовым барельефом Фёдора Петровича⁵ и с бронзовыми изображениями пылающих факелов по углам. На передней и двух боковых сторонах ограды повешены разорванные кандалы времён Гааза.

В 1910 году А.Ф. Кони опубликовал в Москве краткий биографический очерк «Доктор Ф.П. Гааз», а в 1911 и 1914

*Введенское кладбище. Памятник
на могиле Ф. П. Гааза
Фото автора. 2008 г.*

*Кандалы на ограде могилы
Ф. П. Гааза
Фото автора. 2008 г.*

годах переиздал полный – «Фёдор Петрович Гааз». Эти три издания, как и книга С.В. Пучкова, содержат сведения о сооружении памятника врачу-гуманисту в Москве.

Инициативу взял на себя С.В. Пучков. Благодаря его активности были собраны необходимые средства из пожертвований почитателей Гааза. Горячее сочувствие и поддержку благородному почину оказали художник И.С. Остроухов (1858–1929) и скульптор Н.А. Андреев (1873–1932), который создал портретный бюст Гааза и передал его в дар Москве.

Памятник сооружён во дворе бывшей «Газовской» больницы⁶. Отлитый в бронзу, бюст доктора был установлен на постамент из чёрного полированного гранита. На лицевой стороне пьедестала надпись: «Фёдор Петрович Гааз. 1780–1853», а ниже, в лавровом венке: «Спешите делать добро!».

Торжественное открытие памятника состоялось 1 октября 1909 года. Оно описано в книге С.В. Пучкова. Автор приводит надписи (всего их 34) на многочисленных венках, которые величают Гааза другом человечества, великим человеколюбом-врачом, учителем милосердия, врачом-гуманистом, отцом и покровителем сирот, другом несчастных, учителем жизни, великим гуманистом и т. д.

А.Ф. Кони на торжествах не присутствовал, но прислал большое интересное письмо, которое зачитал С.В. Пучков (текст письма опубликован в его книге). В нем Гааз назван активным человеколюбом, врачом души и тела. Отмечено, что «памятник поставлен... главным образом, служителю долга в самом высоком смысле этого слова, не по обязанности, а по внутреннему велению своей совести, служителю беспретному и верующему в правоту своего дела» (78. 2-е изд. С. 42-43).

Сам факт сооружения памятника Гаазу говорит о многом, если учесть, что в Москве к этому времени насчитывалось всего семь скульптурных памятников, в том числе таким выдающимся деятелям истории, науки

*Памятник Ф. П. Гаазу.
Скульптор Н. А. Андреев. Двор бывшей
полицейской больницы в Москве
(Малый Казённый пер., дом 5).
Фото автора. 2008 г.*

и культуры, как К.М. Минин, Д.М. Пожарский, М.В. Ломоносов, А.С. Пушкин, Н.И. Пирогов, Н.В. Гоголь, И. Федоров.

Ко времени открытия памятника было также учреждено Ольгинское благотворительное общество в память доктора Ф.П. Гааза с фондом в 20 тысяч рублей. В пользу этого общества выпустили открытку с портретом «доктора неимущих» (гравюра по рисунку К. Кунилакиса), который ранее был опубликован в упоминавшемся уже третьем (подарочном) издании книги А.Ф. Кони. Известны ещё две открытки с изображением памятника Гаазу в Малом Казённом переулке. На одной – памятник сфотографирован, очевидно, в день торжественного открытия (видны флаги, венки, букеты цветов) – издание К.А. Фишера, выпущенное в Москве в 1909 году; на другой – вскоре после этого события (сохранились ещё некоторые венки у постамента). Открытка – издание П. Фон-Гиргенсон.

Жизнь и поступки Гааза были настолько непривычны, а часто шли даже вразрез со взглядами образованных современников, что они видели в его служении долгу «или безумие, или апостольское призвание». Поэтому неоднозначны и высказывания русских литераторов (как современников, так и потомков) о легендарном «фанатике добра».

За три дня до кончины Гааза его навещил Иван Васильевич Киреевский (1806–1856) – философ, публицист, литературный критик, который затем отметил в своём дневнике «недвижимость душевного спокойствия» Фёдора Петровича, «несокрушимого даже страданиями смерти». И далее, преклоняясь перед этой мужественно угасающей личностью, он записал: «Удивительно много было у этого человека прекрасного, скажу даже,

*Памятник Ф. П. Гаазу (Малый Казённый пер., дом 5) в день открытия.
1909 г. Открытка, изд. К. А. Фишера*

великого в его безоглядном человеколюбии, несокрушимом спокойствии. Это спокойствие могло происходить только от крайней, отважной решимости исполнять свой долг во что бы то ни стало. Господи! Удостой меня этого прекрасного спокойствия» (22. С. 135).

На страницах «Былого и дум» (1852 – 1868), написанных, очевидно, в год смерти Гааза, А.И. Герцен называет Фёдора Петровича «преоригинальным чудачком», но в то же время убеждённо отмечает, что «память об этом юродивом и повреждённом не должна заглохнуть в лебедь официальных некрологов» (31. С. 185).

В «Воспоминаниях и размышлениях», опубликованных в журнале «Время»⁷, литератор Евгения Тур⁸ писал: «Я видала доктора Гааза. Это было замечательное

лицо и замечательная наружность. Благородство, бесконечная кротость и доброта дышали в каждой черте прекрасного, правильного лица. Нам случилось слышать отзывы о нём. Раздав всё состояние, он уже не ездил в карете, а взяв самого бедного из всех московских ванек, совершал переезд свой в тюремный замок, где сосредоточивалась его истинно христианская деятельность. На него показывали пальцами из окон барских палат: “Посмотрите, – говаривали практические люди, – вот едет безумный Газ. Раздал все свои деньги, продал имение; теперь сам нищий и всё хлопочет о каторжниках... Сумасшедший!” ... Что он должен был вынести, что испытать, пережить, перестрадать! ... Так погибали тогда лучшие люди!» (91). И далее автор пытается объяснить причину непонимания и неприятия жизненного подвига Гааза большинством современного ему образованного и привилегированного общества дореформенной России в период тридцатилетнего царствования Николая I: «У того общества... не было ни энтузиазма, ни веры, ни жара; оно было невозмутимо... неподвижно... окостенелое и равнодушное... Оно умело только глумиться и глумиться безразлично... но смеяться безразлично – признак мертвенности, отсутствия всяких высших интересов, симптом растреления, нравственной порчи» (91. С. 65).

С большой симпатией относился к Гаазу Ф.М. Достоевский, который много слышал о нём от родственников, знакомых и, очевидно, от каторжан. Фёдор Петрович был для Достоевского «идеалом человечности». Его имя осталось в черновиках «Преступления и наказания», «Жития великого грешника». Писатель вывел образ «святого доктора» в «Идиоте». В третьей части

романа (глава 6) Фёдор Михайлович пишет вполне документально: «В Москве жил один старик, один «генерал», то есть действительный статский советник, с немецким именем; он всю свою жизнь таскался по острогам и по преступникам; каждая пересыльная партия в Сибирь знала заранее, что на Воробьевых горах её посетит «старичок-генерал». Он делал своё дело в высшей степени серьёзно и набожно; он являлся, проходил по рядам ссыльных, которые окружали его, останавливался перед каждым, каждого расспрашивал о его нуждах, наставлений не читал почти никогда никому, звал их всех «голубчиками». Он давал деньги, присылал необходимые вещи... приносил иногда душеспасительные книжки и оделял ими каждого грамотного... Все преступники у него были на равной ноге, различия не было. Он говорил с ними, как с братьями, но они сами стали считать его под конец за отца. Если замечал какую-нибудь ссыльную женщину с ребёнком на руках, он подходил, ласкал ребёнка... Так поступал он множество лет, до самой смерти; дошло до того, что его знали по всей России и по всей Сибири, то есть все преступники» (37. С. 382). Далее автор повествует о той доброй памяти, которую оставил этот человек даже у самых жестоких преступников. Роман Достоевского впервые был опубликован в журнале «Русский вестник» за 1868 год. В № 11 этого журнала сразу после окончания четвёртой части «Идиота» помещён упоминавшийся уже очерк П.С. Лебедева «Фёдор Петрович Гааз». Очевидно, так была отмечена пятнадцатая годовщина со времени кончины «доктора бедных». Кроме того, это даёт прекрасную возможность подтвердить документальность рассказа Ф.М. Достоевского о старом «генерале» в его романе записями

*Ф. П. Гааз утешал и убеждал каторжника в необходимости исправиться.
Рис. Е. П. Самокиш-Судковской*

воспоминаний очевидцев о том, как Гааз встречал и провожал арестантов, сделанными П.С. Лебедевым: «Женщины, дети, преступники, закованные в кандалы, клеймённые каторжники – все теснились вокруг почтенного филантропа; он осматривал каждого закованного; наблюдал, чтобы оковы не натирали ног и рук, умолял конвойных офицеров и этапного начальника заменить облегчёнными кандалами приковывание к пруту, часто спорил и горячился, но всегда почти успевал убедить и выпросить, и когда партия уже готова была к выступлению, ещё раз обходил её, говорил слова любви, утешения и убеждал в необходимости исправиться и заслужить вину перед Богом и людьми, а потом, приближаясь к более знакомым ему арестантам, обнимал их, приговаривая: «Поцелуй меня, голубчик» (59. С. 336).

А.П. Чехов считал Гааза бескомпромиссным борцом за милосердие и справедливость, счастливым человеком, совесть и поступки которого находились в полной

гармонии, и потому жизнь его «протекала и кончилась совершенно благополучно» (22. С. 136). В то же время Л.Н. Толстой назвал «фанатика добра» ограниченным человеком, дела которого (и подобных ему филантропов) «не принесли пользы человечеству» (Там же). Он считал, что А.Ф. Кони многое преувеличил и даже выдумал в своей книге о Гаазе. С мнением великого писателя, с категоричностью его суждений нельзя согласиться. В истории России достаточно примеров подвижничества, милосердия и даже самопожертвования. Мы знаем также, что подвижники немало сделали для своего Отечества. Что же касается преувеличений и даже вымысла, в которых Л.Н. Толстой обвинил А.Ф. Кони, создавшего высоконравственный образ выдающегося гуманиста, то приведенные выше документальные материалы, воспоминания людей, хорошо знавших Гааза, снимают подобные несправедливые обвинения.

А.М. Горький видел большое воспитательное значение подвижнической жизни «великого человеколюбца» и считал, что «о Гаазе нужно читать всюду, о нём всем нужно знать, ибо это более святой, чем Феодосий Черниговский» (22. С. 135). Так писал он А.Ф. Кони в ноябре 1899 года, приглашая его приехать в Нижний Новгород с лекциями о враче-подвижнике.

В год смерти Фёдора Петровича Н.А. Некрасов написал стихотворение «Памяти приятеля», посвящённое В.Г. Белинскому, начальные строки которого очень образно могут характеризовать и Гааза:

*Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шёл к одной высокой цели...⁹*

Имя Гааза попало на страницы известных отечественных справочных и энциклопедических изданий. Впервые его упомянул русский библиограф Г.Н. Геннади (1826–1880) в своём фундаментальном труде «Справочный словарь о русских писателях и учёных, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 г.» (Т. 1: А – Е. Берлин, 1876). Г.Н. Геннади привёл также перечень шести публикаций. Две из них – уже упомянутые книги самого Гааза, изданные на французском языке, остальные – газетные и журнальные публикации о нём, относящиеся к 1853, 1859, 1862 и 1868 годам.

Известный историк литературы и библиограф С.А. Венгеров (1855 – 1920) упоминает уже 25 публикаций о Гаазе (девять из них – рецензии на книгу А. Ф. Кони) в справочнике «Источники словаря русских писателей» (Т.1: Аарон – Гоголь. СПб., 1900). Из приведенного им перечня литературы о Гаазе видно, что следующая после упомянутой Г.Н. Геннади публикации 1868 года появилась лишь через 20 лет в газете «Воронежские губернские ведомости» (1887. № 41), а затем – в газете «Новости» (1891. № 28), где содержалась заметка «Публичная лекция А.Ф. Кони о деятельности Ф.П. Гааза», и в «Судебной газете» (1892. № 2).

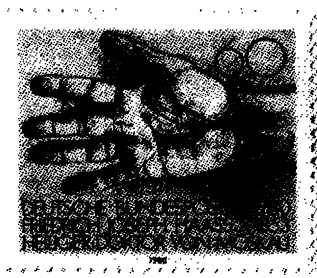
Статья А.Ф. Кони о Гаазе помещена в 14 томе «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (издание осуществлено в 1890 – 1907 годах), а очерк О.И. Давыдовой о знаменитом докторе – в «Русском биографическом словаре. Гааг–Гербель», выпущенном Императорским русским историческим обществом в Москве в 1914 году. Скромное упоминание о Гаазе имеется в первом издании «Большой советской энциклопедии» (1926 – 1947). Во второй половине 1920–х годов, когда

она начала выходить, в Москве, в Сокольниках еще существовал детский дом имени Ф.П. Гааза, основанный в результате активной благотворительной деятельности Московской Городской Управы ещё в дореволюционное время как Городской детский приют имени Ф.П. Гааза (открыт в 1914 году). Здание, в котором размещался приют, построено в 1913 году по проекту архитектора А.Ф. Мейснера. Оно сохранилось (Олений вал, владение 246). В настоящее время Подворье Патриарха Московского и Всея Руси храма Рождества Иоанна Предтечи в Сокольниках в соответствии с разработанной программой «Обездоленным детям» предполагает возродить детский приют имени Ф.П. Гааза на прежней территории. Имя легендарного доктора носила также водолечебница на Кавказских Минеральных Водах. Кстати, в 1990 году в России был основан Фонд социальной помощи имени доктора Ф.П. Гааза.

Краткую справку о жизни и деятельности Фёдора Петровича содержит третье издание «Большой медицинской энциклопедии» (Т. 4. М., 1976). Имя его есть во всех изданиях «Советского энциклопедического словаря» (М., 1979 – 1990), в «Большом энциклопедическом словаре» (Т. 1. М., 1991) и в последующих энциклопедических изданиях.

В 1980 году в связи с 200-летием со дня рождения Гааза в различных периодических изданиях появилось несколько публикаций о нём. Наиболее интересной

Почтовая марка, выпущенная в ФРГ к 200-летию со дня рождения Ф. П. Гааза

является статья Б. Окуджавы «У Гааза нет отказа» (71). Эта работа, как и статья Г. Осипова «Три жизни, или Легенда о докторе Гаазе» (72), написаны в значительной степени по материалам книги А.Ф. Кони «Фёдор Петрович Гааз: Биографический очерк». В 1984 году в Гамбурге вышла документальная повесть Л. Копелева «Святой доктор Фёдор Петрович» на немецком языке, созданная автором в России в 1976–1980 годах, а в вынужденной эмиграции несколько исправленная и дополненная им после ознакомления с архивными документами в Германии и трудами немецких исследователей. В 1985 году книга издана на русском языке в Лондоне. Совсем недавно стало известно (19), что упомянутую статью «У Гааза нет отказа» написал также Л. Копелев, а Б. Окуджава согласился по его просьбе взять авторство на себя, чтобы напомнить обществу о великом человеколюбце в связи с его юбилеем и помочь опальному товарищу – поэту, диссиденту, бывшему зеку, заступнику за «узников совести», которого в те застойные годы не печатали.

Журнал «Советское здравоохранение» опубликовал статью Н.Н. Блохиной «Фёдор Петрович Гааз – организатор медицинской помощи в Москве» (16). Представление о личности «активного человеколюбца» несколько углубляет статья В. Варжапетяна и Б. Шубина «Торопитесь делать добро!» (22). В 1993 году, к 140-летию со времени кончины Фёдора Петровича, в Санкт-Петербурге переиздали упомянутую повесть Л.З. Копелева. Книга быстро разошлась, что свидетельствует об интересе к личности Гааза со стороны читателей современной России. За минувшие с тех пор годы вышло немало публикаций о Гаазе: от небольших заметок в периодических изданиях до документальных повестей.

Особо следует отметить сборник «Врата милосердия: Книга о докторе Гаазе» (М., 2002. 542 с.), в который вошли труды Фёдора Петровича и наиболее значительные работы о его подвижнической жизни, архивные материалы. Составитель сборника, А. Нежный, сделал комментарии, на врезках привёл фрагменты высказываний известных россиян о Ф.П. Гаазе, его мысли, а также многочисленные выдержки из публикаций в периодической печати под рубрикой «Голоса эпохи». Книга содержит иллюстрации, подчас редкие, краткую библиографию. Жаль, что нет именного указателя. В общем же, это уникальное издание, дающее наиболее полное представление о трудах и подвижнической жизни «святого доктора».

И всё же труд А.Ф. Кони, который тоже помещён в названном сборнике, несомненно, является основным источником сведений о Гаазе, наиболее полной биографией человека, который не только «милость к падшим призывал», но и сам спешил делать добро. За годы советской власти этот очерк о докторе бедных опубликован всего два раза. Сначала его поместили в пятом томе собрания сочинений А.Ф. Кони (в восьми томах), которое издано в Москве в 1966–1969 годах и было приурочено к 125-летию со дня рождения автора. Он перепечатан с последнего прижизненного издания (М., 1914), снабжён комментариями, подготовленными Г.М. Мироновым и Л.Н. Чертковым. Следующее издание вышло в сборнике «Доктор Гааз» (Ставрополь, 1989).

Некоторые мысли и наблюдения Кони, завершающие его книгу, остаются злободневными и сегодня: «Мы мало умеем поддерживать сочувствием и уважением тех немногих действительно замечательных деятелей,

на которых так скупа наша судьба. Мы смотрим обыкновенно на их усилия, труд и самоотвержение с безучастным и ленивым любопытством, «с зловещим тактом, – как выразился Некрасов, – сторожа их неудачу». Но когда такой человек внезапно сойдет со сцены, в нас вдруг пробуждается чувствительность, очнувшаяся память ясно рисует и пользу, принесённую усопшим, и его душевную красоту, – мы плачем поспешными, хотя и запоздалыми слезами, в бесплодном усердии несём ненужные венки... Каждое слово наше проникнуто чувством нравственной осиротелости. Однако всё это скоро, очень скоро проходит... Через год-другой горячо оплаканный деятель забыт, забыт совершенно и прочно...

*Памятник Ф. П. Гаазу
в городе Бад-Мюнстеррайфеле*

У нас нет вчерашнего дня. Оттого и наш завтрашний день всегда так туманен и тускл. Поэтому и смерть выдающегося общественного и государственного деятеля напоминает у нас падение человека в море. Шум, пена, высокие брызги воды, широкие, волнующиеся круги... а затем все сомкнулось, слилось в одну бесформенную, одноцветную, серую массу, под которою всё скрыто, всё забыто... Будем, однако, надеяться, что память о Фёдоре Петровиче Гаазе не окончательно умрёт и в

широком круге образованного общества. Память о людях, подобных ему, должна быть поддерживаема как светильник, льющий кроткий, примирительный свет... Люди, подобные Гаазу, должны быть близки и дороги обществу, если оно не хочет совершенно погрязнуть в низменной суете эгоистических расчетов» (49. 3-е изд. С. 176–178).

Нашему многострадальному обществу подчас так не хватает милосердия. В этой связи очень полезным явилось бы новое издание очерка А.Ф. Кони о великом филантропе отдельной книгой, которая могла бы открыть необходимую нам сейчас серию изданий – «Подвижники России». Обществу следует больше знать о таких людях, говорить о них подрастающему поколению. Это очищает и возвышает человека.

В современной Германии учреждена премия имени доктора Гааза. Диплом о присуждении этой почётной награды был вручён мэру Москвы Ю.М. Лужкову 13 февраля 2001 года во время его визита на родину «активного человеколюбца». Эта награда, вероятно, позволит столичному градоначальнику обратить внимание на то, что в городе, для жителей которого Гааз сделал так много доброго и полезного, ни одно из зданий, связанных с его деятельностью, никак не отмечено. А в маленьком Бад-Мюнстерайфеле есть улица, носящая имя доктора Фридриха Гааза, установлена копия бюста с московского памятника работы скульптора Н.А. Андреева (63. С. 102). Дом, в котором появился на свет великий гуманист, украшает памятная доска со словами: «Святому доктору из Москвы» (97. С. 137).

Москва, 1980–2007

Примечания

1. Скромные сведения о дарителе – Илье Иосифовиче Шполянском – есть в справочнике «Весь Ленинград на 1927 г.: Адрес. и справ. кн. г. Ленинграда» ([Л., 1927]. Отд XI. С. 121–122. Разд. паг.), в котором сообщается, что он служил информатором в Инфо-статистической части Ленинградского губернского суда, а в дальнейшем – юрисконсультom во Всесоюзном научно-исследовательском институте жиров (Весь Ленинград: Адрес. и справ. кн. 1935. Л., 1935. Отд. XIV. С. 291. Разд. паг.). Информацию об Абраме Марковиче Роговом, которому была подарена книга, найти не удалось.
2. Л.Л. Гиршман пользовался огромной популярностью среди населения и уважением у медиков. За заслуги в области медицины имя его впоследствии было присвоено глазным больницам в Харькове и Санкт-Петербурге. Личность Л.Л. Гиршмана вызывала к себе восхищённое отношение и со стороны А.Ф. Кони, который охарактеризовал его не только как «видного представителя медицинских знаний, но и человека высоких нравственных качеств» (Кони А.Ф. Памяти Л.Л. Гиршмана // Вестн. лит. Пг., 1921. № 3 (27). С. 13).
3. Тарасов В.С. Художник-иллюстратор Е.П. Самокиш–Судковская // Невский библиофил: Альманах. Вып. 4. СПб.: Сударыня, 1999. С. 229–234.
4. Сергей Васильевич Пучков (1855–1926) родился в древней российской столице, выпускник Московского университета 1881 г. Тогда же поступил ординатором в Александровскую больницу, в которой прослужил до 1918 г., в том числе главным врачом с 1906 г. Он был убеждённым ревнителем порядков, заведенных в больнице Гаазом. Человек энергичный, с высоким сознанием своего общественного долга, Пучков, в частности, являлся членом Комиссии гласных (депутатов) Городской думы по мероприятиям, вызванным первой мировой войной: немало сделал для организации в Москве основного склада Красного Креста и госпиталя-распределителя при нём, воплотил в жизнь идею Великой княгини Елизаветы Фёдоровны по созданию Братского Всехсвятского кладбища воинов, умерших в городских лазаретах (кладбище было открыто 15 февраля 1915 года). Пучков стал попечителем этого «Всероссийского памятника войны 1914 года», на котором было захоронено 17,5 тысяч воинов и сестёр милосердия. В 1926 году кладбище было закрыто, а в конце 1940-х годов ликвидировано. В конце 1980-х годов начали возрождать мемориал. Брошюра Пучкова «Московское

городское братское кладбище» (М., 1915) до недавнего времени была единственным опубликованным источником сведений об этом уничтоженном властью Советов воинском некрополе столицы, который находился в районе нынешней станции метро «Сокол», на территории парка у кинотеатра «Ленинград».

5. На заседании Комиссии «Старая Москва» 30 июля 1992 года известный москвовед В. В. Сорокин (1910–2006), хорошо знавший столичные некрополи, сообщил, что барельеф этот, работы скульптора Н.А. Андреева, был снят под предлогом необходимой реставрации. На место его впоследствии не вернули – барельеф исчез.
6. Здание больницы является частью ансамбля городской усадьбы XVIII–XIX вв. Оно построено в конце XVIII в. как загородный дом графа Нарышкина. Имя архитектора неизвестно (школа М.Ф. Казакова). Дом уцелел во время пожара 1812 г. и вскоре был надстроен третьим этажом. В 1830 году в усадьбе, сменившей до того несколько владельцев, было создано Московское ортопедическое заведение, а с 1844 года разместилась полицейская больница для бесприютных. В настоящее время здесь расположены Научный центр здоровья детей Российской академии медицинских наук и НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков этого научного центра.
7. Ежемесячный журнал «Время» выходил в Петербурге в 1861–1863 годах; редактор-издатель Михаил Михайлович Достоевский (1820–1864) – переводчик, писатель и драматург, старший брат великого романиста. Фёдор Михайлович также участвовал в редактировании этого журнала, публиковал в нём свои произведения: «Униженные и оскорблённые», «Записки из Мёртвого дома» и другие.
8. Настоящее имя – Елизавета Васильевна Салиас-де-Турнемир (1815–1892), урождённая Сухово-Кобылина, сестра известного драматурга А.В. Сухово-Кобылина (1817–1903). Первые произведения опубликовала в журнале «Современник» в 1849 и 1850 гг. Является автором нескольких романов и повестей, не имевших, однако, успеха у читателей. С 1857 г. выступала и как литературный критик в различных петербургских журналах. Были популярны её книги для детей и юношества, носившие религиозно-назидательный характер; частично опубликованы неоконченные автором воспоминания. Елизавета Васильевна печаталась под псевдонимами: Е.Т.; Е.Т***; Новейший поэт; В. Сухарев; Евгения Тур.
9. Некрасов Н.А. Памяти приятеля // Стихотворения. Поэмы. М.: Художеств. лит., 1971. С. 76.

Ф. П. Гааз: библиография*Труды Ф.П. Гааза*

1. Ma visite aux eaux d'Alexandre en 1809 et 1810. Par le docteur Frederik-Joseph de Haas, Conseiller de Cour, Medecin en chef de l'Hopital Imperial de Paul a Moscou, et Chevalier de l'Ordre de St. Wladimir. – М.: N.S. Vsevolosky, 1811.–XXII, 365 p.; То же: Моё путешествие на Александровские воды в 1809–1810 годах // Дон.–Ростов н/Д, 1988.–№ 3. – С. 137–145. – Первая публ. фрагм. кн. Гааза на рус. яз. Пер. с фр. Т. Черноситовой; То же // Доктор Гааз: [Сборник] / Сост. Ю.Г. Куликов. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1989. – С. 21–182. – Полн. текст кн.
2. Beytrage zu den Zeichen des Croup Von dem Verfasser des Werkes. Decouverte sur le croup. Ou l'asthma synanchicum acutum, 1817. – М.: Mosowische universitats – Buchdr., 1818. – VIII, 147 s.
3. А, Б, В христианского благонравия: Об оставлении бран. и укори́знен. слов и вообще неприлич. на счёт ближнего выражений или о начатках любви к ближнему. – М., 1841; То же: Азбука христианского благонравия: Об оставлении бран. и укори́знен. слов и вообще неприлич. на счёт ближнего выражений или о начатках любви к ближним. – М.: И.Н. Кушнерев и Ко, 1898. – 63 с. – На обл.: Вып. 2. – Перед загл.: «(А.Б.В.)»; То же / Доктора Ф. Гааза. – М.: Истина и жизнь, 2001. – 68 с.: ил.
4. Appel aux femmes. – М., 1864; То же: Призыв к женщинам: Посмерт. изд. / Пер. с фр. Л.П. Никифорова. – М.: И.Н. Кушнерев и Ко, 1897. – [2], 56 с. – На обл.: Вып. 1.
5. Завещание Ф. П. Гааза // Рус. арх. – 1912. – Кн. 2, № 6. – С. 206–211.
6. Врата милосердия: Кн. о докторе Гаазе / Сост. и коммент. А. Нержный. – М.: Дерево добра, 2002. – С. 123–148, 313–330, 407–414, 465–472. – Из содерж.: Азбука христианского благонравия: Об оставлении бран. и укори́знен. слов и вообще неприлич. на счёт ближнего выражений, или О начатках любви к ближним; Призыв к женщинам; Письмо Ф.П. Гааза в Московский попечительный о тюрьмах комитет; Завещание Ф.П. Гааза.

Литература о Ф.П. Гаазе

7. Авдеева К. Кандалы докт. Гааза // Семья. – 1996. – № 49. – С. 16–17.
8. Алексеев В.Н., Миклашевская Е.П., Цепляева М.С. Немецкая слобода на Яузе: История в лицах: [«Святой доктор» Гааз]. – М.: Наука, 2004. – С. 209–214.

9. Анохин М. Его звали святым доктором // Берегиня дома твоего. – 2000. – № 4. – С. 43–45.
10. Арсеньев И.А. Слово живое о неживых: (Из моих воспоминаний) // Ист. вестн. – СПб., 1887. – Март. – С. 566–569.
11. Артамонов М.Д. Введенские горы: [Ф.П. Гааз]. – М.: Моск. рабочий, 1993. – С. 19–20.
12. Базарова Т., Лепёшкин Н. Тишково: Сел. окр.: История и современность. – Пушкино: Электрограф ИНК, 2001. – С. 69–71. – О Ф.П. Гаазе и его усадьбе Тишково–Спасское, которую он приобрёл у П.А. Собакина в 1812 г.
13. Белицкий Я., Глезер Г. Доктор Ф.П. Гааз // Филателия. – 1974. – № 5. – С. 39.
14. Белицкий Я.М., Полиновская Л.Д. Пушечная улица, 9. – М.: Моск. рабочий, 1989. – С. 17–25.
15. Блохина Н. «Спешите делать добро...» // Моск. журн. – 1992. – № 6. – С. 26–27.
16. Блохина Н.Н. Фёдор Петрович Гааз – организатор медицинской помощи в Москве // Совет. здравоохранение – 1989. – № 7. – С. 66–69.
17. «Божий человек» доктор Гааз // Истина и жизнь. – 1992. – № 4. – С. 34–38.
- 17.а Бойко О.Н. Тёмные аллеи Тишково: [О Ф.П. Гаазе и его подмосков. усадьбе] // Пушкинский краевед: Сб. ст. – Пушкино (Моск. обл.), 2007. – С. 105–111.
18. Бударцева С., Фёдоров С. Спешите делать добро // Веч. Москва. – 1990. – 20 янв.
19. Варжапетян В. Ответы Булата Окуджавы // Новое время. – 1998. – № 14. – С. 43.
20. Варжапетян В.В. «Святой доктор» Фёдор Петрович Гааз (1780 – 1853) // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. – М., 1997. – С. 222–229.
21. Варжапетян В. Тринадцатая страсть // Варжапетян В. Тринадцатая страсть: Повести. Рассказы. – М.: Современник, 1988. – С. 70–155.
22. Варжапетян В., Шубин Б. Торопитесь делать добро! // Наше наследие. – 1988. – № 5. – С. 135–137.
23. Великий филантроп – Ф.П. Гааз // Нива. – СПб., 1897. – № 12. – С. 278–279. – Без подп.
24. Власов П.В. Тюремные комитеты: Доктор Ф.П. Гааз // Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. – М.: Центрполиграф, 2001. – С. 58–70.
25. Вознесенский С.А. Добрый доктор Гааз // Москва. – 2004. – № 12. – С. 212–214.

26. Вострышев М. ...от сумы да от тюрьмы: [О Ф.П. Гаазе] // Южные горизонты (ЮАО г. Москвы). – 2004. – 16–22 сент. (№ 35). – С. 14.
27. Вострышев М. Спешите делать добро // Моск. правда. – 1996. – 6 февр. – С. 6; То же: Спешите делать добро: (Ф.П. Гааз) // Вострышев М. Московские обыватели. – М.: Молодая гвардия, 1999. – С. 84–87; То же // Там же. – 2-е изд., доп. – М.: Молодая гвардия, 2003. – С. 95–98; То же // Там же. – 3-е изд., доп. – М.: Молодая гвардия, 2007. – С. 102–105.
28. Вострышев М.И. Юродивый доктор // Вострышев М.И. Старомосковские жители: Повесть и рассказы. – М.: Совет. писатель, 1988. – С. 3–148; То же // Вострышев М. Апоплексический удар: Повести. – М.: Совет. писатель, 1992. – С. 223–367.
29. Врата милосердия: Кн. о докторе Гаазе / Сост. и коммент. А. Нежный. – М.: Древо добра, 2002. – С. 17–122, 149–306, 331–406, 423–464, 473–536. – Из содерж.: Кони А.Ф. Фёдор Петрович Гааз: Биогр. очерк; Копелев Л.З. Святой доктор Фёдор Петрович (с сокр.); Блохина Н.Н. Врач. Гуманист. Учёный; Пучков С.В. К характеристике доктора Ф.П. Гаазы; Пантелеев И.Я. Исследования Ф.П. Гаазы: Открытие железновод. и есендук. источников; Петрова Г. Друг обездоленных; Окуджава Б. У Гаазы нет отказа; Погодин М.П. Утро в пересыльном замке; Семёнова Н. Скульптор Николай Андреев; Протоколы Московского попечительного о тюрьмах комитета; Фтолов В.А. Торопитесь делать добро (с сокр.); Лебедев П.С. Фёдор Петрович Гааз; Варжапетян В. Тринадцатая страсть.
30. Ганьжин С., Куканов Д. Сектор Гаазы // Куранты. – 1994. – 7 дек. – С. 10.
31. Герцен А. Былое и думы. – М.: Художеств. лит., 1969. – С. 185–186. – (Б-ка всемир. лит. Сер. 2. Лит. XIX в. Т. 73).
32. [Гониггендлер К.М.]. Друг человечества, Федор Петрович Гааз: Биогр. очерк: (По кн. сенатора Кони). – Харьков: Харьк. О-во распространения в народе грамотности, 1901. – 47 с.
33. Давыдова О.И. Гааз Фёдор Петрович // Русский биографический словарь Гааз–Гербель. – М.: Имп. Рус. ист. о-во, 1914. – С. 2–7.
34. Д – ва Е. Несколько слов о Фёдоре Петровиче Гаазе: (Некролог) // Моск. ведомости. – 1853. – 22 авг. (№ 101). – С. 1037.
35. Деркач О., Быков В. Гааз: Спешите сделать добро // Деркач О., Быков В. Книга Москвы. – М.: Вагриус, 2004. – С. 84–86.
36. Доктор Гааз: [Сб.] / Сост. Ю.Г. Куликов; Предисл. Л.В. Жарова, Т.Л. Черноситовой. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1989. – С. 183–348. – Из содерж.: Кони А.Ф. Фёдор Петрович Гааз: Биогр. очерк; Комментарии.

37. Достоевский Ф.М. Идиот: Роман в четырёх частях. – М.: Художеств. лит., 1976. – С. 382–383.
38. Друг больных и несчастных – доктор Ф.П. Гааз: Очерк его жизни. – СПб.: Б.и., [1904 (ценз.)]. – 28 с.: портр. – Сост. с разрешения А.Ф. Кони по его кн. «Фёдор Петрович Гааз: Биогр. очерк». [СПб.], 1897. – На обл.: 2-е изд. – Без подп.; То же. 2-е изд. – Пр.: Тип. «Рассвет», Б. г. – 32 с.: портр. – На обл.: 3-е изд.
39. Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина: С осени 1839 г. // Рус. арх. – 1897. – № 10. – С. 253–255.
40. Заседания о-в: В юрид. о-ве // Новости и Бирж. газ. – СПб., 1891. – № 28. – С. 2–3. – Без подп. – Подробное сообщ. о первой речи А.Ф. Кони «Русский последователь Джона Говарда», посвящ. Ф.П. Гаазу.
41. Земляной город: Памятник Ф.П. Гаазу во дворе Александровской больницы / Я.М. Белицкий // Моск. журн. – 2003. – № 5. – С. 31.
42. Злотникова И. Спешите делать добро // Неделя. – 1980. – № 29. – С. 18.
43. Зыкова Т. «Человек со звезды» // Моя Москва. – 1991. – № 12. – С. 16–17.
44. Из исторических документов и воспоминаний // Моск. ведомости. – 1898. – № 135. – С. 3. – Без подп. – О митрополите моск. Филарете (в миру В.М. Дроздов) и Ф.П. Гаазе. .
45. Калмыкова Т. Музей беспокойных душ // Веч. Москва. – 1997. – 9 сент. – С. 3.
46. Капнист И.В. [Текст выступления, посвящённого памяти Ф.П. Гааза] // Моск. ведомости. – 1862. – № 195. – С. 1556.
47. Клокова М.П. Святой доктор: Жизнь и деятельность Ф.П. Гааза. – М.: Тип. Рус. товарищества, 1910. – 40 с.: ил., портр. – Очерк сост. по кн. А.Ф. Кони.
48. Колодный Л. Кузнецкий мост без французов // Моск. правда. – 1998. – 17 марта. – С. 3.
49. Кони А.Ф. Фёдор Петрович Гааз: Биогр. очерк. – [СПб.] : А.С. Суворин, 1897. – [4], 170 с.: 1 л. портр.; То же. 2-е изд. – СПб.: А.Ф. Маркс, Б.г. – 174 с.: портр.; То же. 3-е изд., доп. – СПб.: А.Ф. Маркс, Б. г. – 184 с.: ил.; То же. [репр.]. – М.: Медицина: Шико, 2003. – 182 с.: ил.; То же. 4-е изд., доп. – [СПб.] : А.Ф. Маркс, Б. г. – 193 с.: портр.; То же. 5-е изд., доп. – М.: И.Д. Сытин, 1914. – 199 с.: ил.; То же: Фёдор Петрович Гааз // Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 т. – Т. 5 / Комментар. Г.М. Миронова, Л.Н. Черткова. – М.: Юрид. лит., 1968. – С. 288–422, 477–482.
50. Кони А.Ф. Доктор Ф.П. Гааз: Крат. биогр. очерк. – М.: Моск. гор. склад учеб. пособий, 1910. – 37 с.: ил.

51. Кони А.Ф. Доктор Ф.П. Гааз: Очерк. посвящ. проф. Л.Л. Гиришману // Вестн. Европы. – СПб., 1897. – Т. 1, кн. 1. – С. 8–62; Кн. 2. – С. 462–520.
52. Кони А.Ф. Фёдор Петрович Гааз: По новым материалам // Там же. – 1903. – Т. 6, кн. 12. – С. 646–702.
53. Копелев Л. Святой доктор Фёдор Петрович: История жизни Фридриха Иозефа Гааза, родившегося в 1780 году в Бад Мюнстерайфеле, умершего в Москве в 1853 году / Пересказ. Львом Копелевым. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. – 182, [1] с.; То же : Святой доктор Фёдор Петрович. [2-е изд.] . – [СПб.]: Петро-РИФ, 1993. – 189, [2] с.: [4] л. ил.: портр.
54. Корреспондент. Фельетон: Моск. летопись // Санктпетерб. ведомости. – СПб., 1853. – 3 окт. (№ 217). – С. 887.
55. Корсунский И.Н. Русская благотворительность: Филарет, митрополит моск., и Ф.П. Гааз // Дет. помощь. – 1893. – № 14. – С. 401–408; № 15. – С. 438–447; № 16. – С. 473–480; № 17. – С. 499–503; № 18. – С. 531–538; № 19. – С. 558–562; То же. – М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1893. – 39 с. – Отг. из журн. «Дет. помощь» за 1893 г.
56. Красногорская Е.Н. Друг несчастных. Ф.П. Гааз: Биогр. очерк / Сост. по кн. А.Ф. Кони «Ф.П. Гааз». – М.: Журн. «Дет. чтение», 1898. – 42 с.: портр.; То же. – [М.: Журн. «Дет. чтение», 1905 (ценз.)]. – 30 с.: портр., факс.
57. Кудряшов К. Гаазовы камеры // Аргументы и факты. – 2006. – 18 янв. – С. 34.
58. Лебедев П.С. О тюрьмах вообще и московских тюрьмах в особенности // Рус. инвалид. – СПб., 1859. – 29 июля (№ 160). – С. 659–661.
59. Лебедев Пётр. Фёдор Петрович Гааз // Рус. вестн. – 1868. – Т. 78, № 11. – С. 290–352.
60. Лукашевич К.В. Истинный друг человечества: (Доктор Фёдор Петрович Гааз). – СПб.: И.Н. Кушнерёв и Ко, 1900. – 175 с.: 2 ил. – (Б-чка журн. «Игрушечка». В 20 т. – Т. 19).
61. Маркелов Н.В. «Там жаркие ручьи кипят в утёсах раскалённых...»: [О Ф.П. Гаазе] // Моск. журн. – 2003. – № 6. – С. 53–57.
62. Миклашевская Е.П., Рязанов А.И., Цепляева М.С. Знаменитые немцы Лефортова: История в лицах. – М.: Б. и., 1999. – С. 252–258.
63. Миклашевская Е.П., Цепляева М.С. Утопия моя печали: Милосердные традиции Лефортова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2003. – С. 86, 98–102.
64. Митрофанов А. Мягкие кандалы / Известия - 2000-19 июля. – С. 5.
65. Михеев Г. Хранительница // Семья. – 1998. – № 50. – С. 7.
66. Михелева Б. Спешите делать добро // Наука и религия. – 1973. – № 4. – С. 49–51.

67. Морозов С. Спешите делать добро // Моск. правда. - 1997-19 февр. - С. 4.
68. Недашковская Т.А. Памяти доктора Газа: По материалам конкурса и семинара, орг. Ин-том толерантности ВГБИЛ им. М.И. Рудомино // Библиотеки за рубежом: Сборник. - М., 2004. - С. 208-223.
69. Никольский В.А. Старая Москва: Ист.-культур. путеводитель. - Л.: Брокгауз - Ефрон, 1924. - С. 119; То же // Московский летописец: Сборник. - Вып. 1. - М., 1988. - С. 212.
70. Новейший и любопытнейший указатель Москвы или Альманах... В 2 ч. - Ч. 2. - М.: Август Семен, 1829. - С. 4.
71. Окуджава Б. У Газа нет отказа // Наука и жизнь. - 1980. - № 12. - С. 130-137. - Авт. ст. является Л. Копелев.
72. Осипов Г. Три жизни, или Легенда о докторе Гаазе // Родина. - 1989. - № 3. - С. 32-35.
73. Острогорская В. Целитель: Доктора Газа почитали все. Даже грабители // Алфавит. - 2001. - Февр. (№ 6). - С. 32-33.
74. «Памятно Москве имя Фёдора Петровича Газа...» // Моск. ведомости. - 1862. - № 195. - С. 1556. - Без подп. - О создании капитала в память Газа для поддержания семей беднейших арестантов.
75. Петров Г.С. Ф.П. Гааз: Друг обездоленных. - М.: И.Д. Сытин, 1902. - 36 с.: портр. - На обл.: 1903.
76. Похвиснев Д. Несколько слов о Шереметевской больнице // Современ. летопись: Воскрес. прибавления к «Моск. ведомостям». - 1868. - 25 февр. (№ 6). - С. 9.
77. Публичная лекция А.Ф. Кони // Судеб. газ. - СПб., 1892. - № 2. - С. 9. - Без подп. - Лекция о Ф.П. Гаазе «в пользу населения местностей, пострадавших от неурожая». Подроб. излож. содерж.
78. Пучков С.В. К характеристике доктора Ф.П. Газа. - СПб.: Н.Я. Стойкова, 1910. - 28 с.; То же. - 2-е изд., доп. - М.: Моск. гор. склад. учеб. пособий, 1910. - 48 с.: ил.
79. [Пучков С.В.]. Детские праздники у памятника «доброты дедушки Газа». 1910 г. 23 апр., 1911 г. 9 и 10 мая. - М.: Гор. тип., 1912. - 26 с.: вкл. ил., 1 л. портр.
80. Пэнэжко О. Храмы г. Пушкино и окрестностей, г. Королёва, г. Ивантеевки. - Владимир: [ОАО «Владимир. офсет. тип.»], 2003. - С. 44-49. - Об усадьбе в селе Тишкове (Тишково-Спасское), принадлежавшей Ф.П. Гаазу до 1840 г.
81. Рахманинов И.М. Ф.П. Гааз: [Биогр. очерк]. - М.: А.И. Мамонтов, 1897 (ценз.). - 12 с. с портр. - (Из журн. «Мед. образование». - 1897. - Июнь).
82. Русева Л. Фанатик милосердия // Смена. - 1998. - № 4. - С. 16-29; То же: Фанатик милосердия (Ф.П. Гааз) // Русева Л. Во славу и благо Отечества. - М.: Рус. слово, 2007. - С. 282-295.

83. Русские благотворители: Ф.П. Гааз // Дет. помощь. – 1891. – Февр. (№ 4). – С. 128–130. – Подп.: «Н.В.» [Новос время].
84. «Святой доктор» // Новый Акрополь: Человек без границ. – 2005. – № 10. – С. 51.
85. Сергеева Т. Спешите делать добро // М. правда. – 2000-15 янв. – С. 3.
86. Солодовников А. Сокровища Введенских гор // Моск. журн. – 1992. – № 3. – С. 51–52.
87. Сосницкий А.А. «Добрый доктор», «друг несчастных» Фёдор Петрович Гааз. – М.: М.А. Оксаковская, 1900. – 64 с.
88. «Спешите делать добро!»: [Ф.П. Гааз] // Моя Москва. – 2005. – № 4. – С. 36–37. – Номер журн. ред. указ. ошибочно. В действительности это № 3.
89. Тарасов И.Т. Друг несчастного человечества: Очерк жизни и деятельности Гааза (С портр. доктора Гааза). – [М.]: М.В. Балдин и Ко, [1909]. – 22 с.: портр.
90. Толстая Т. Святой доктор Гааз // Независимая газ. – 1998. – 23 янв. – С. 15.
91. Тур Е. Воспоминания и размышления // Время. – СПб., 1862. – Т. 11, № 6. – С. 64–65.
92. Ф.П. Гааз: [К 50-летию со дня смерти] // Нива. – СПб., 1903. – № 35. – С. 702–703; То же // Петербургъ – 1903. – СПб.: Геликон Плюс: СПбУ, 2003. – С. 495–496.
93. Фёдор Петрович Гааз: (Биогр. справка по случаю пятидесятилетия со дня его смерти) // Тюрем. вестн. – СПб., 1903. – Ноябрь. (№ 9). – С. 708–714.
94. Фёдоров М. Доктор отверженных // Человек и закон. – 1999. – № 11. – С. 44–48.
95. Фролов В.А. Торопитесь делать добро: Легенда – быль о тюрем. докторе Ф.П. Гаазе. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – 116, [1] с.
96. Худяков С.В. «Святой доктор Гааз» // Надгробия Введенского некрополя: Сб. ст. / Под ред. Ю.Н. Соловьёвой. – М., 2004. – С. 38–42.
97. Черноситова Т. «Спешите делать добро» // Дон. – Ростов н /Д, 1998. – № 3. – С. 135–137.
98. Черский Л.Ф. Фёдор Петрович Гааз: Друг несчастных: Биогр. очерк. – М.: М.В. Клюкин, 1905. – 32 с.: портр.
99. Чистяков В. Доктор Гааз и его «второе отечество»: [О выст. «Спешите делать добро: Доктор Гааз и его время»] // Антикватория. – 2004. – Янв. – февр. – С. 123–124.
100. Чудов В. Жили-были в Москве немцы... // Эхо планеты. – 1999. – Февр. (№ 6). – С. 26–31.

101. Шевырѐв С. На могиле Фѣдора Петровича Гааза // Москвитянин. – 1853. – Ч. IV, кн. 2, № 16. – С. 150. – Стихотворение, напис. в день похорон Гааза.
102. Шумахер А.Д. Поздние воспоминания о давно минувших временах: Для моих детей и внучат // Вестн. Европы. – Пб., 1899. – Т. 2, кн. 3, март. – С. 90-91.
103. Шустов А.Н. По долгу милосердия // Рус. речь. – 1996. – Май – июнь (№ 3). – С. 88-95.
104. Эндер Л.А. О докторе Газе // Эндер Л.А. Рассказы о врачах. – М.: Реклам. агентство «Реклама + Пресса», 2001. – С. 174-184.
105. Kopelew L. Der heilige Doktor Fiedor Petrowitsch: Die geschichte des Friedrich Joseph Haass. Bad Munstereifel, 1780 – Moskau, 1853. – Hamburg, 1984.
106. Muller-Dietz H.E. Arzte zwischen Deutschland und Russland: Lebensbilder zur Geschichte der medizinischen Welbeziehungen. – Stuttgart; Iena; New-York: Gustav Fischer, 1995. – S. 85-90.
107. Muller-Dietz H. Friedrich Joseph Haass: Biogr. Skizzen. – Berlin, 1980.
108. Muller-Dietz H. Friedrich Joseph Haass, ein deutscher Arztbn in Moskau // Clio medica. 15. – 1981. – S. 177-189.
109. Hamm A. Dr. med. Friedrich Josef Haass aus Munstereifel: Der heilige Doktor von Moskau: Der Mensch Sein Leben Sein Werk. – Berlin; Bonn; Bad Munstereifel: Westkreuz – Verlag, 1979. – 136 s.: il.
110. Hamm A., Teschke G. Ein deutscher Arzt als “Heiliger” in Moskau. – Berlin; Bonn: Westkreuz – Verlag, 1983. – 168 s.
111. Reader M. Un surhomme moscovite. – Lausanne: Imprimerie F. Baumgartner, 1923. – 65s.

Владимир Колупаев

Книжный знак Севастопольской морской библиотеки

Одним из основных носителей информации о Русском Зарубежье является книга. В данном случае я имею в виду не только монографии исследователей – специалистов, мемуары участников событий, опубликованные документы эпохи и т.д. Книжная культура в целом изучает не только созданный в эмиграции, собственный пласт книжного печатного дела, но и дошедшие до нас источники – носители информации той старой дореволюционной России. Занимаясь разысканиями в области истории книги, применительно к теме русской жизни в диаспоре, подчас приходится соприкасаться с ценнейшими свидетельствами, сохраняющими связь времён. Одним из них может быть книжный знак – экслибрис.

Бывая, в самом конце прошлого века, в странах Магриба с целью сбора материалов по теме русского присутствия на Африканском континенте, в одной из поездок мне удалось обнаружить в приходской библиотеке русского храма в Рабате несколько книг, способных рассказать о себе. Книги эти попали в Марокко в составе беженского багажа, когда русские люди, эвакуировавшись из Крыма в составе императорского Черноморского флота в декабре 1920 года, оказались в бухте Бизерты на французской военно-морской базе, затем некоторые из них уехали во Францию и другие страны, кто-то остался в государствах арабского Магриба. Первая партия русских появилась в Марокко

Русское духовенство в Париже. Третий справа во втором ряду сверху – отец Варсонофий (Толстухин)

в январе 1922 года. Это были 120 человек – инженеры, техники, топографы, гидрографы, слесаря и прочие специалисты.¹ Позже к ним присоединились новые переселенцы. Для удовлетворения религиозных нужд соотечественников в 1927 году в город Рабат был направлен православный священник отец Варсонофий (Толстухин), под его руководством был построен православный храм, освященный в 1932 году в честь святого Воскресения. Священник стал инициатором формирования приходской библиотеки для нужд русской колонии. Тогда же, очевидно, кто-то из соотечественников передал экземпляр сохранившейся книги, имеющий свидетельство принадлежности Севастопольской морской офицерской библиотеке.

*Титульный лист книги
«Творения Иоанна Златоуста»*

Книга, сохраняющая прямую связь с историей российского флота, это второй том издания, озаглавленного «Творения Иоанна Златоуста», место выхода из печати – Санкт-Петербургская духовная академия, год выпуска 1899-й. На титульном листе стоит печать «Севастопольская морская офицерская библиотека, 23 октября 1902 г.» Книга снабжена экслибрисом, который представляет собой сюжетный книжный ярлык. Это офорт, в центре овальной сферы изображён якорь, обвитый канатом. По овалу идёт надпись: «Севастопольская офицерская библиотека», с двух

сторон, вдоль сферы, поднимаются ветви лавра и дуба, в нижней своей части они обвязаны лентой, причём в месте узла сходятся два древка, с которых на две стороны свисают полотнища военно-морских флагов России с характерным Андреевским крестом. В верхней части рисунка, над овалом, имеется изображение кормы многопалубного фрегата. Размер книжного знака – 77×55 мм.

Севастопольская морская библиотека имени адмирала М.П. Лазарева, а именно из её фонда имеет происхождение рассматриваемый нами экземпляр, обладает уникальным книжным собранием и является одним из старейших культурных учреждений, она основана в 1822 г. по инициативе адмирала А.С. Грейга. История библиотеки не отделима от истории Черноморского флота. В её создании принимали участие

Библиотечная печать на книге, свидетельствующая о принадлежности Севастопольской морской библиотеке

Экслибрис Севастопольской морской библиотеки

выдающиеся русские флотоводцы-адмиралы М.П. Лазарев, В.А. Корнилов и П.С. Нахимов. Кстати сказать, многие из флотоводцев имели богатые личные библиотеки, их книги украшали собственные экслибрисы. Так на книжном знаке А.С. Грейга стоит девиз: «Побеждать наверняка!», а на знаке М.П. Лазарева написано: «Учись терпеть!». Прославленный мореплаватель И.Ф. Крузенштерн распорядился написать на собственном экслибрисе: «Надейся на море!».²

Попечителем Севастопольской морской библиотеки во все времена являлся командующий Черноморским флотом. «Согласно Уставу, библиотека содержалась на добровольные пожертвования офицеров флота (по 1 копейке с рубля), причём в пожертвовании участвовали только «линейные и флотские, и артиллерийские офицеры

штаба и обер-офицеры, а также медицинские чины при экипажах... Они были постоянными читателями библиотеки... Особые положения определяли выдачу книг на корабли. Каждый вновь спущенный на воду корабль перед уходом в заграничное плавание стал получать деньги на приобретение русской литературы. Затем фонд библиотеки кораблей пополнялся книгами, купленными в зарубежных портах».³ Здесь также имеет место упомянуть о книжных знаках, т.к. большую и разнообразную группу составляют экслибрисы судовых библиотек. Свои книжные собрания имелись на корветах «Богатырь» и «Рында», на крейсерах «Аврора» и «Россия», линкоре «Император Александр II», во втором дивизионе подводных лодок и др. «Современные исследователи определили более пятидесяти таких судовых библиотек, они составляют историческое прошлое отечественного флота».⁴

Среди людей, жертвовавших книги в фонд Севастопольской морской библиотеки, были: писатель Л.Н. Толстой, художник И.К. Айвазовский, учёный Д.И. Менделеев, адмирал С.О. Макаров. Пополнение шло из собраний Российской Академии наук и Морского Технического комитета. В истории библиотеки «были и блистательные страницы, связанные с именами известных русских флотоводцев... и трагические... в годы гражданской войны, когда книги Морской библиотеки сопровождали офицеров бывшего императорского Черноморского флота в их крестном пути в эмиграции».⁵

После событий Октября 1917 года, для создания своих произведений библиотекой пользовались Е. Тарле, Б. Лавренёв, К. Паустовский и др. В настоящее время фонды Севастопольской морской библиотеки насчитывают четверть миллиона книг.

Источником по истории книжного дела в России⁶ и важным библиографическим пособием может выступать такое издание, связанное с библиотекой, как вышедший в 1892 году «Систематический каталог русских книг и русских периодических изданий Севастопольской морской офицерской библиотеки», он имеет дополнения, информирующие о новых поступлениях вплоть до 1912 года.⁷

Рассмотренный нами экслибрис, обнаруженный на русской книге в далекой Африке, куда она попала в составе книжного собрания одного из кораблей эвакуированного осенью 1920 г. Черноморского флота, можно встретить в других собраниях страны. В сети интернет выставлено изображение такого экслибриса на веб-странице «Книжные знаки» на сайте Зональной научной библиотеки им. В.А. Артисевича Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, где дано следующее описание: «Севастопольская офицерская библиотека (организация). Хронология: Первая половина XIX века... Тип: ярлык. Вид: сюжетный. Русский / Иностранный: русский. Дополнительные сведения: Севастопольская офицерская (морская) библиотека основана в 1821 г. В ней было немало старинных и редких изданий, книг по морскому делу, истории флота. Библиотека «делала приношения» учебным заведениям, например, Московскому университету».⁸ История экслибриса привлекла внимание специалистов из Саратова в связи с их работой над проектом по выявлению книжных знаков, представлявших интерес с точки зрения истории формирования фондов научной библиотеки, знакомства с замечательными библиотеками прошлого и их владельцами.⁹

Следующий экземпляр экслибриса обнаружен в Секторе редкой книги Смоленской областной универсальной библиотеки им. А.Т. Твардовского. Он находится на издании *«Книги разрядные. СПб. Тип. II Отд. Собств. Е. и. вел. Канцелярии, 1855. Т. 2. IX с., 1398 стб»*. Данная книга имела интересную судьбу, которую можно проследить по другим книжным знакам, штемпелям и записям. В Смоленск она поступила в 1987 г. из обменно-резервного фонда Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, до этого побывав в редакции издательства «Крестьянская газета», библиотечно-газетном коллекторе и библиотеке выставочного комитета ЦК ВКП (б).¹⁰

Интересные книжные судьбы – это часть национальной истории, культурное наследие и богатый информационный мир, обогащающий сокровищницу человеческой цивилизации.

Примечания

1. См.: Абданк-Косовский В. Русская эмиграция: Итоги за 35 лет // Возрождение. Париж. 1956, № 51 (март). С. 134.
2. См.: Кизель Г. Надейся на море! // <http://www.etver.ru>
3. Завгородняя О.А. Библиотеки Севастополя // <http://VashSevDom.narod.ru>
4. Кизель Г. Надейся на море! // <http://www.etver.ru>
5. Севастопольская Морская библиотека // Крымский архив. 1997, N 3
6. См.: Морская севастопольская библиотека // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. Ч. 86. Кн. VII. С. 24-28
7. См.: Систематический каталог русских книг и русских периодических изданий Севастопольской морской офицерской библиотеки. Севастополь, 1892. IV, 323 с.; Дополнения -1898. 307 с., 1899. 67 с., 1900. 65 с., 1901. 78с., 1902. 77 с., 1903. 80 с., 1912. 444 с.
8. <http://library.sgu.ru>
9. Фронтальный просмотр фонда отдела редких книг позволил создать каталог с описанием 721 книжного знака, в том числе - 428 ярлыков, 236 штемпелей, 41 суперэклибрис и 16 рукописных помет. Среди владельцев 427 частных лиц и 158 организаций. У 60 книжных знаков владельцы не выявлены, -См.: <http://library.sgu.ru>.
10. Сектор Редкой книги. Смоленская областная универсальная библиотека им. А. Т. Твардовского. Интернет-ресурс

Источники

- Абданк-Косовский В. Русская эмиграция: Итоги за 35 лет // Возрождение. Париж. 1956, № 51 (март). С. 134.
- Завгородняя О. А. Библиотеки Севастополя // web-сайт <http://VashSevDom.narod.ru>
- Кизель Г. Надейся на море! // <http://www.etver.ru>
- Морская севастопольская библиотека // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. Ч. 86. Кн. VII. С. 24-28
- Севастопольская Морская библиотека // Крымский архив. 1997, N 3
- Сектор Редкой книги. Смоленская областная универсальная библиотека им. А. Т. Твардовского. Интернет-ресурс
- Систематический каталог русских книг и русских периодических изданий Севастопольской морской офицерской библиотеки. Севастополь, 1892. IV, 323 с.; Дополнения -1898. 307 с., 1899. 67 с., 1900. 65 с., 1901. 78с., 1902. 77 с., 1903. 80 с., 1912. 444 с.
- <http://library.sgu.ru>

Точки и насоздки

Яков Бердичевский

Об одной старой берлинской фотографии

Что могло объединить этих людей, собравшихся в гостеприимной берлинской квартире супружеской четы художников Фалилеевых зимой 1929 года? Только ли отдалённость от родины или быть может некая общность духовных и творческих интересов?..

Не все они эмигранты, навсегда покинувшие родную землю – двое из них в поощрительной заграничной командировке, прочие – изгнанники, до конца дней своих не смирившиеся с всё набирающим губительные обороты тоталитарным режимом.

Зима 1929 – фатальная дата в истории России, дата «великого перелома», по определению верховного палача Сталина, когда были не переломлены – сломлены последние ростки свободомыслия, когда человеческое право утратило всякое значение, всякую силу, ибо силу права подменило право силы, всё безжалостно сокрушающей на своём жестоком, кровавом и, увы, необратимом пути.

Итак, Берлин зимой 1929, Берлин, где нашли приют старые русские художники Л.О. Пастернак и О.Э. Браз, в котором весьма успешно раскрыл свои многоцветные дарования В.Н.Масютин, в котором трудились выдающиеся мастера графики В.Д. Фалилеев и его жена Е.Н.Качура-Фалилеева, в котором постоянно срывал бурю аплодисментов великий Михаил Чехов...

В те годы в Берлине успешно и плодотворно действовало учреждённое ещё перед первой мировой войной «Общество по изучению Восточной Европы» (Deutsche Gesellschaft zum Studium Ost-Europas). Интерес ко всему русскому не падал – он держался стойко, на очень высоком уровне, не сдавая занятых в начале 20-х годов рубежей, когда постоянно рос поток русской эмиграции, когда численность диаспоры достигала более четверти миллиона человек.

Русские художники в Берлине (февраль 1929). Слева направо, сидят: Ф. С. Богородский, К. И. Горбатов, И. Г. Мясоедов, В. Д. Фалилеев, Е. Н. Качура-Фалилеева. Стоят: Г. С. Ражский, М. Бернцхи-Мясоедова.

Зимой 1929 года берлинская интеллигенция готовилась к встрече с шедеврами древнерусского искусства широкой панорамной выставки иконописи, открытой 13 февраля в здании Музея прикладных искусств на Принц-Альбрехтштрассе. Выставка имела колоссальный успех, собрала огромную прессу, и, конечно же, привлекла в первую очередь русскую колонию Берлина.

Привёз выставку известный художник и искусствовед Игорь Грабарь, оставивший в своих письмах достаточно свидетельств, лаконично и красочно повествующих не только о выставке, но и самом Берлине — русском Берлине 1929 года.

«Вечером встретился на улице с Яремичем, только что приехавшим сюда»,¹ — пишет Грабарь об авторе первой монографии, посвящённой творчеству М.А. Врубеля и еще в 1910-е годы вышедшей под его — Грабаря — редакцией в издательстве Кнебеля.

«...Но я уже обещал Колесникову и обедал у него»,² — в другом письме упоминает Грабарь, тем самым, подтверждая, что в Берлине живёт и работает художник С.М. Колесников.

«Был целый день на выставке Масютин», также как и «старые знакомые, неожиданно оказавшиеся тут: Пастернак, Браз, Фалилеевы. Все они тут живут»,⁴ — сообщает далее Грабарь. И тут же, как бы неожиданно: «Встретил на выставке ахровцев Богородского и Рязского, обрадовавшихся мне, как родному».⁵

Итак, четырёх персонажей мы уже встретили из числа изображённых на нашей фотографии. Это Фалилеевы, уехавшие из России в 1924 году и работавшие в Берлине, и Богородский с Рязским — птицы залётные, гостевые. Несколько слов о них.

Ф. С. Богородский (1895–1959 г.г.) – ученик живописца-передвижника, одного из основателей «Союза русских художников» А.Е. Архипова, выпускник ВХУТЕМАСа, автор большой серии работ о беспризорных детях, вышвырнутых войной и междоусобицей за борт жизни, работ, создавших ему громкое имя. Наряду с ними наиболее значительными видятся его полотна, посвящённые «красному матросу», о котором так точно, ёмко и пронзительно сказал Борис Пастернак:

Как ночь, сукно на нём сидело,

Как вольный дух

Шатавшихся, как он, без дела

Ноябрьских мух.⁶

Ещё Я. Тугендхольд отметил у Богородского «...хорошую по выразительности своих типов и напряжённости композиции вещь – «Матросы в засаде».⁷

Нам представляется наиболее характерным другое его полотно – парный портрет «красного матроса» и его крали, фотографирующихся на фоне примитивно размалёванного морского пейзажа («У фотографа»). До чего же хороши эти персонажи, настойчиво напоминающие матроса с Катькой из блоковских «Двенадцати». Правда жизни оказалась сильнее идеологических установок убеждённого большевика и твердокаменного чекиста Фёдора Богородского, давшего собирательный, обобщённый образ матроса революции, легко и бездумно идущего на любые преступления под кроваво-красным флагом братоубийственной бойни.

Отметим попутно, что одним из результатов поездки Богородского были монументальные серии очерковых острых рисунков: «На улицах Берлина», «Цирк в Берлине» и др. С четой Фалилеевых Богородский был давно

знаком: в 1923 году они состояли членами творческого объединения «Жар-цвет», а с Рязским — по АХРРу (Ассоциация художников революционной России).

Художник Г.Г. Рязский (1895–1952 г.г.), как и Богородский, выпускник ВХУТЕМАСа, ещё в октябре 1921 года был одним из авторов манифеста «Нового общества живописцев» («НОЖ»), программно названного «Наш путь» и резко прокламирующего свои художественные задачи:

«Мы хотим создавать реальные произведения искусства, организующие и систематизирующие человеческие чувства и их обобществление».⁸ Как видим, эти положения вполне укладываются в прокрустово ложе большевистской идеологии, что впоследствии и было использовано для установления жёсткого диктата при создании Союза художников – единой и единственной организации всех мастеров художественного цеха, дозволенной, одобренной и управляемой всемогущими партийными бонзами.

Рязский несомненно фигура более творческая, более талантливая, более яркая, чем Богородский. Изысканно и метко охарактеризовал творчество Рязского тонкий и пронизательный Абрам Эфрос: «Значительность Рязского состояла в том, что в его портретах были два драгоценных качества: во-первых, умение найти среди всего множества лиц, типический образ советского человека сегодняшнего дня; во-вторых, умение передавать эту типичность живописными приёмами освеженного, нового порядка...» Но далее Эфрос вынужден констатировать уже на более ослабленной, почти минорной ноте: «... его удачи, его вехи — «Делегатка», «Колхозница» и т.п. — сделаны давно. Рязский оборвал опыты,

оборвалэту традицию, бог весть, почему, — и, увы, его никто не заменил. У него не оказалось партнеров». ¹⁰

Тысячу раз прав Эфрос, — по лепке лица, по его устремлённости и выразительности, по мягким и точным характеристикам, по всему арсеналу художественных средств, наконец, по психологической напряжённости портреты Рязжского были эпохой, но эпохой, так и не оставившей достойных наследников. Более всего этот вывод подтверждается анализом написанной им незадолго до поездки в Берлин «Делегатки» (1927) — молодой женщины в красной косынке с делегатским мандатом в правой руке.

В. Д. Фалилеев (1879–1950 г.г.), прошедший отличную школу в Киевском художественном училище у Н.И. Мурашко, а затем у Г.Р. Залемана, Г.Г. Мясоедова и Я.Ф. Ционглинского в Академии художеств, настойчиво и плодотворно изучавший технику гравюры в мастерской признанного мэтра В.В. Матэ, сразу занял одно из ведущих мест в европейской станковой графике.

Особенно увлекла Фалилеева цветная гравюра, и уже в 1907 году он получил 1-ю премию на выставке «Белое и Чёрное», за которой последовал целый ряд выставок, всегда сопровождавшихся премиями и наградами. Персональная выставка работ мастера была показана в 1917 году в Московском Румянцевском музее. Во вступительной статье к каталогу отмечалось: «Это настоящий живописец-гравёр, разнообразный в своих творческих замыслах, разносторонний по духовным интересам, идущий с самого начала неуклонно к высшим субъективно-эстетическим задачам своего искусства. Необычайно разносторонен Фалилеев и как техник. Он выдающийся мастер в гравировании по

дереву и линолеуму, но он владеет также и всеми видами офорта и цветной гравюры». ¹¹

Один из крупных знатоков гравюры и графики, профессор А.А. Сидоров продолжает: «Деятельность Фалилеева охватывала и новую интерпретацию в ярко-цветном эстампе образцов классической живописи, и пейзаж...» ¹²

«...Необычайность световых и красочных эффектов», — отмечает и автор первой монографии, посвященной творчеству художника, Н.Романов. ¹³

С 1924 года Фалилеев с женой — художником-офортис-том Е.Н. Качурой-Фалилеевой (1886–1948 г.г.) — живёт за пределами России: в Стокгольме, где с шумным успехом прошли их совместные выставки, затем с 1926 года — в Берлине и после 1938 года — в Риме.

Качура-Фалилеева — ученица выдающихся художников и педагогов Д.Н. Кардовского и Н.Н. Дубовского по Академии художеств, училась гравюре у того же профессора В.В. Матэ.

Оставшиеся два персонажа нашей фотографии — К.И. Горбатов и И.Г. Мясоедов, также выпускники Академии художеств, были постоянными экспонентами Весенних выставок, ежегодно (1897–1918 г.г.) устраиваемых Академией, и их работы неоднократно отмечались премиями.

К.И. Горбатов (1876–1945 г.г.), ученик Н.Н. Дубовского, приобрёл широкую известность многочисленными пейзажами провинциальных уголков России. Он был безмерно плодовитым художником. Обозреватель «Петроградской газеты» ¹⁴ Ф. Райлян в статье «Передвижники» не без сарказма писал: «...продуктивность современных художников превышает всякие пределы

и доведена по быстроте до фабричного производства. Я беру факты. Художники, несомненно, талантливые, Бродский, Лаховский, Колесников, Горбатов и многие другие участвуют ежегодно на трех-четырёх выставках, выставляя на каждой из них по 20-30 вещей. Таким образом, в течение одного года они пишут и выставляют 100-120 картин».

В эмиграции (с 1924 года – в Италии, с 1928 года – по день смерти в Берлине) исключительная плодовитость не изменила Горбатову, что не преминул отметить Грабарь: «Академист, лет 55, работающий «русские пейзажи», – исключительно с церквями... Имеет успех у немецкой публики, всюду делал выставки, много (больше всех вместе) продал и продолжает продавать...»

Да и немудрено: крепкая уверенная горбатовская живопись, мастерское владение светом и цветом, точно выверенная композиция не могли не снискать успеха, который сопутствовал художнику всю жизнь не только на родине, но, как видим, и за её пределами.*

В центре фотографии мы видим И.Г. Мясоедова (1881–1953 г.г.). Ранее упомянутый нами А.А. Сидоров вспоминает: «Сын знаменитого передвижника Г. Мясоедова, Иван Мясоедов родился в том же году, что и Машков (1881 г.). Блестяще учился в Академии художеств, где его учителем был В. Савинский; окончил её в 1909 году с золотой медалью и с правом заграничного пенсионерства. Тема его конкурсной картины была античная («Поход минийцев»). Но сам раньше художник поступил в цирк и организовал

* Несмотря на усиленную «откачку» произведений русской живописи из зарубежья на родину (особенно в последние годы), картины Горбатова всё ещё не редкость на берлинском антикварном рынке. – Я.Б.

«мифы на сцене», сам выступал в них. Говорили, что он подтатуировал себе глаза, чтобы они всегда казались больше и таинственнее. Завивал волосы и писал «Манифест» (опубликованный извечным театралом Н. Евреиновым), в котором проповедовал красоту и здоровье. Искал некую особую красавицу, чтобы сделать её своей подругой...

...Я встретил И. Мясоедова, о котором ходили легенды, в 1927 году в Берлине, куда имел командировку от Наркомпроса, в доме обаятельного В.Фалилеева, сохранявшего всю привязанность к Советской Родине. У Мясоедова была в то время уже седая борода и наружность ветхозаветного пророка: он только что вышел из тюрьмы Веймарской республики, куда попал за изготовление фальшивых кредитных билетов. Был он молчалив и по-прежнему предан мечте о красоте и здоровье нашего «нового человека». Мне подарил он на память рисунок, изображающий такую «идеальную красоту». Образ вакханта, искусственный жест — и эстетизация видения, образа и рисунка. Умение и знание налицо: «О, нас в Академии умели учить рисовать! Только я теперь рисую ещё лучше, потому что рисую из головы...» К эстетизму присоединён идеализм, к которому неизбежно и ведёт эстетство. Не знать такого целого направления в русском искусстве начала XX века нельзя. И. Мясоедов был не один»¹⁶

Дружба с Фалилеевыми продолжалась и во все последующие годы. Богородский свидетельствует: «Будучи в Берлине, я встретил в квартире гравёра Фалилеева И. Мясоедова, который производил особенное впечатление своим внешним видом».¹⁷ Видимо, спутница Мясоедова произвела на Богородского не менее «особенное впечатление». «Его жена Мальвина, бывшая цирковая

артистка, красивая и темпераментная итальянка»,¹⁸
— пишет он.

Итак, поставленная задача решена — установлены все персонажи старой берлинской фотографии, ныне уже представляющей некий артефакт нашей культуры. И можно уверенно сказать, что гостей в квартире Фалилеевых объединила не только общность творческих и художественных интересов, но и острое непреодолимое желание услышать «живые» вести с родины.

Примечания

1. Грабарь И. Э. Письма. 1917-1941. М., 1977. С.213.
2. там же. С. 196.
3. там же. С. 181.
4. там же. С. 184.
5. там же. С. 184.
6. Пастернак Б. Стихотворения в одном томе. Л., 1933. С.302.
7. Тугендхольд Я. Искусство Октябрьской эпохи. Л., 1930. С. 112.
8. Северюхин Д.Я. и Лейкинд О.Л. Золотой век художественных объединений России и СССР (1920-1932). Справочник. СПб. 1992. С.146.
9. Эфрос А. Мастера разных эпох. М., 1979. С.21 1.
10. там же. С.211.
11. Каталог выставки гравюр В. Д. Фалилеева. М., 1917. С.12.
12. Сидоров А. Русская графика начала XX века. М., 1969. С.23 1.
13. Романов Н. В.Д.Фалилеев. М.-Птг., 1923. С.93.
14. 1917,20 февраля. №49.
15. Грабарь И. Письма. 1917-1941. М., 1977. С.223.
16. Сидоров А. Записки собирателя. Л., 1969. С.С. 180-182.
17. Богородский Ф. Воспоминания художника. М., 1959 С. 243.
18. там же. С. 244.

Александр Тетерин

Продолжение морских дорог

Этой публикацией мы продолжаем серию очерков «Библиофильские редкости» под общим названием «Озеро, река, моря, океаны... и люди на них...»¹

От автора

Народная мудрость гласит: гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдётся. В нашем прекрасном и многогранном мире удивительным образом произошло сплетение судеб четырёх, разных по профессии, темпераменту, пристрастиям людей – учёного-лесовода Сергея Андреевича Соловьёва, художника Юрия Михайловича Непринцева, искусствоведа Игоря Гавриловича Мямлина и моряка-подводника Алексея Михайловича Матиясевича. Результатом их своеобразной встречи стала эта публикация.

Сергей Андреевич Соловьёв, человек, бесконечно влюбленный в дело своей жизни – русский лес. Многие десятилетия отдал он сохранению и приумножению лесов северо-западного региона. А ныне, по словам учёного, сердце кровью обливается, когда видит его хищническое вырубание...

Сергей Андреевич живёт в селе Лисино-Корпус Тосненского района Ленинградской области.

Он подготовил и выпустил два сборника воспоминаний, органично вошедших в золотой краеведческий фонд региона.

Много было встреч на жизненном пути с известными и малоизвестными людьми. Более пятидесяти лет назад

довелось ему водить по лесам Ленинградской области писателя Леонида Максимовича Леонова, собиравшего материал для своего романа о лесе.

Сергей Андреевич трепетно хранит все эти воспоминания.

Особенно дорожит он памятью об А.М. Матиясевиче: «С Алексеем Михайловичем мы были в дружеских отношениях. Тем более что его домик – напротив моего, через дорогу. Домик маленький, и я всё удивлялся, как такой крупный человек живёт в нём.

Жил он здесь с женой с ранней весны до поздней осени, а к зиме уезжал в Ленинград–Петербург. Там у него была квартира.

Встречались мы почти каждый день. Обменивались приветствиями, разговаривали о многом. Нравудушный был человек. Да и как ему быть равнодушным, если душа болела о делах в стране. Очень переживал распад Союза, падение национального престижа. С возмущением говорил о безобразиях, что вошли в нашу жизнь в 90-е годы.

Алексей Михайлович, капитан 1-го ранга в отставке, в своих разговорах возвращался иногда в далёкие военные годы, рассказывал о буднях моряков-подводников. Его рассказы были незамысловаты, как будто речь шла о морских прогулках, а не о боевых действиях, связанных с огромным физическим напряжением, риском, тяжёлыми утратами.

Нашей семье он подарил книгу «По морским дорогам».

Надписал:

«Глубокоуважаемому семейству Соловьёвых на добрую память от автора.

Лисино-Корпус, 1.04.1978 г. А. Матиясевич».

Превратности судьбы

...На тридцать шестом году жизни Алексей Михайлович Матиясевич сел за парту Высших специальных классов командиров подводных лодок. Это произошло в 1940 году. За плечами почти двадцать лет плавания на торговых судах – матросом, штурманом, капитаном.

Так был сделан шаг с мостика крупного судна на центральный пост субмарины.

Лодка называлась «Лембит» – в честь народного героя Эстонии, который в XIII веке возглавил восстание эстов против немецких феодалов, пытавшихся поработить Прибалтику.

12 августа 1941 года «Лембит» отправился в свой первый боевой поход. Лодкой командовал капитан-лейтенант В.А. Полещук. Матиясевич – помощник командира. Здесь он получил, можно сказать, подводное крещение.

28–30 августа – беспрецедентный по сложности в условиях боевой обстановки переход из Таллинна в Кронштадт. А 24 октября 1941 года Матиясевич ознакомлен с приказом о его назначении командиром лодки.

За 1941 год лодка совершила три боевых похода, выполняла минные заграждения, несла дозорную службу. Затем наступили суровые зимние испытания. Лодка находилась в Ленинграде. Большие ремонтные работы проводились в основном своими силами. Экипаж напряжённо готовился к летней кампании 1942 года. Желание было одно – беспощадно бить врага.

22 июня 1942 года, в годовщину нападения фашистской Германии на Советский Союз, «Лембит» принимает на борт боевые торпеды.

Приказ выполнить боевое задание получен 12 августа. Путь лежал в Кронштадт, а затем в Балтику.

Противник считал, что флот заперт в Ленинграде. К этому времени им было выставлено около 13 тыс. мин.

Лодка прошла операцию размагничивания. Способ размагничивания был примитивен, но, как пишет А. М. Матиясевич, это было эффективным средством борьбы с магнитными минами.

В тяжелых условиях в ночь на 25 августа закончено форсирование Финского залива. Лодка выходит в море. А затем – открыт «боевой счёт возмездия».

14 сентября А.М. Матиясевич, атакуя конвой противника в районе острова Уте, впервые в истории Балтийского флота произвёл торпедную атаку одновременно двух целей. В результате атаки один транспорт был повреждён. Лодка подверглась преследованию. От близкого взрыва глубинной бомбы возник пожар во 2-й группе аккумуляторной батареи. В отсек стала поступать заборная вода. А.М. Матиясевич возглавил экипаж в борьбе за живучесть корабля. Пожар был ликвидирован.

Командующий Балтийским флотом адмирал В.Ф. Трибуц так охарактеризовал подвиг экипажа «Лембита»: «В военной истории не было примера подобного мужества подводников в таких сложных условиях...»

Ленинградский поэт В.В. Азаров посвятил лембитовцам поэму «Бессмертная субмарина».

...Бывали здесь шторма, крушенья.

Но разве виделось волне,

Что может выиграть сраженье

Корабль, пылающий на дне?!

11 октября 1942 года в краснофлотской газете «Дозор» опубликован приказ командующего Краснознамённым Балтийским флотом о награждении орденами большой группы военнослужащих. Наименование части и

корабля не указывалось, но все знали, что речь идёт об экипаже «Лембита». За поход в августе–сентябре 1942 года А.М. Матиясевич представляется командованием флота к званию Героя Советского Союза, однако был награждён только орденом Ленина с формулировкой: «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество».

В эти дни не только «Лембит» вернулся с победой. Подводная лодка «Л-3» капитана 2-го ранга П.Д. Грищенко потопила пять транспортов, а «Щ-309» под командованием И.С. Кабо отправила на дно три транспорта.

Вручение наград проходило 14 октября в Зале революции Высшего военно-морского училища имени М.В. Фрунзе. Награды вручал командующий флотом адмирал В.Ф. Трибуц.

24 декабря 1942 года газета «Подводник Балтики» опубликовала письмо народного артиста Н.К. Черкасова, в котором говорилось: «...Вы воевали хорошо, умело, потопили много вражеских кораблей. Но война не кончена. Предстоят ещё тяжёлые бои. Бейте врага ещё крепче! Равняйтесь по вашим товарищам, прославленным на всю нашу страну, – Осипову, Кабо, Грищенко, Матиясевичу и другим».

«Лембит» (по подтверждённым немецкими архивами данным) за годы войны отправил на дно Балтийского моря 8 боевых и 17 транспортных кораблей общим водоизмещением более 57 тысяч тонн. Одна из этих побед является уникальной: в конце 1944 г. «Лембит» протаранил в борт и утопил гитлеровскую подводную лодку U-479.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 марта 1945 года за выдающиеся успехи в борьбе против

немецко-фашистских захватчиков подводная лодка «Лембит» Краснознаменного Балтийского флота награждена орденом Красного Знамени.

После войны лодка становится учебным кораблём, затем – плавучим стендом.

В 1977 году ветеранские организации ВМФ вышли с инициативой поставить её на вечную стоянку в Таллинне, в качестве филиала Военно-морского музея. После проведенных реставрационных работ, это предложение было реализовано в 1985 году.

Новейшая история повернула события в обратном направлении, и послевоенная судьба лодки в корне изменилась.

Весной 1992 года криминальный процесс растаскивания вооружений бывшего СССР приобрёл обвальнический характер. Не обошли эти события и «Лембит». В результате акции по захвату лодки она превратилась в мемориальный корабль Морского музея Эстонии.

На минутку вернёмся

В своей книге «По морским дорогам» А.М. Матиясевич пишет: «3 ноября 1942 года неожиданно появился гость в форме интенданта 3-го ранга. Дежурный по лодке удивился, когда «интендант» сказал, что он художник из ПУБАЛТа и пришёл на лодку, чтобы рисовать портреты героев-подводников. Это был Ю.М. Непринцев...»

Продолжение в искусстве

В 1976г. ленинградский искусствовед Игорь Гаврилович Мямлин опубликовал монографию о Ю.М. Непринцеве.²

В процессе подготовки книги, зная, что Ю.М. Непринцев в годы войны побывал на борту «Лембита», рисовал

членов экипажа, искусствовед разыскал командира лодки, встречался с ним, беседовал, а потом переписывался.

В письме Матиясевича от 29 октября 1974 года, полный текст которого И.Г. Мямлин приводит в своей книге на страницах 36,38, бывший подводник отмечает, что во время войны ему посчастливилось познакомиться со многими известными литераторами, продолжавшими творческую деятельность даже в период блокады Ленинграда. В.В. Азаров, О.Ф. Берггольц, В.В. Вишневский,

*Ю.М. Непринцев. Портрет
боцмана М.И. Дмитриева,
1942. Бум., кар. 40,5х30.*

А.И. Зонин, А.А. Крон и многие корреспонденты газет были частыми гостями во флотских соединениях. А вот посещение подводной лодки живописцем было большой редкостью.

Матиясевич сообщает, что первым Ю.М. Непринцев нарисовал боцмана Михаила Ивановича Дмитриева...

«Пришедший на лодку интендант рисовал быстро. Изредка он говорил боцману: «Держите себя так, будто вы ведёте лодку в атаку.»

Дмитриев положил руки на штурвал и молча, сосредоточенно косил глаза на пузырёк дифферентометра.

Вскоре портрет был готов. Я присутствовал только в самом начале работы, но мне запомнились быстрые движения рук художника. Законченный портрет я так и не видел, но Дмитриев сказал мне, что он и все товарищи были поражены сходством изображения с натурой.

Никто из нас подводников и не предполагал в то время, что скромный человек в форме интенданта 3-го ранга станет впоследствии всемирно известным художником...»³

Графический портрет М.И. Дмитриева хранится сегодня в частном собрании. Однако у нас есть уникальная возможность воспроизвести его здесь.⁴

Знакомство, переписка И.Г. Мямлина и А.М. Матиясевича переросли в душевную приязнь. Авторы обменялись своими книгами, подтвердив тем самым, что искусство и героизм – явления взаимосвязанные.

О судьбе книги

На столе передо мной скромный томик в голубом матерчатом переплёте.

На титульном листе надпись:

«Игорю Гавриловичу Мямлину – автору замечательной книги «Юрий Непринцев». С благодарностью и пожеланием дальнейших творческих успехов. От автора А. Матиясевич. 21.03.78г.»

На обороте титульного листа:

«С радостью передаю книгу А.А. Тетерину с наказом – написать об этой книге и её авторе – восхитительном Человеке А.М. Матиясевиче!»

Тем более интересно, что его портрет работы Ю.М. Непринцева хранится в Центральном военно-морском музее СПб. 20/III-2008 г. СПб. И. Мямлин».

Истинно библиофильский подарок!

Но точку на этом не ставлю.

Надпись И. Г. Мямлина, адресованная мне, не давала покоя. Началась увлекательная история по добыванию фотографии с портрета.

Ю.М. Неприццев.
Портрет командира подлодки ка-
питан-лейтенанта А.М. Матиясе-
вича, 1942. Б., кар. 40,8х30.

А. М. МАТИЯСЕВИЧ

ПО МОРСКИМ ДОРОГАМ

*Ваше имя, Александр Матиясевич,
всегда будет связано с именем
и делом великого русского
морского флота. С уважением,
Ю. М. Неприццев*

ЛЕНИНГРАД 1978

Матиясевич А.М.
По морским дорогам. - Л., 1978.
- 239с. Титульный лист с дарствен-
ной надписью. Фото 2008.

Сегодня все хлопоты благополучно завершились благодаря неоценимой помощи замечательных людей – старшего научного сотрудника музея, заведующей сектором хранения изобразительной продукции Веры Борисовны Морозовой и сотрудника Российской национальной библиотеки Галины Рудольфовны Ридер.

В настоящее время этот портрет находится в постоянной экспозиции филиала Центрального военно-морского музея «Кронштадтская крепость».

Вместо эпилога

Серафимовское кладбище. Высоко парит бронзовый буревестник. А под чёрным мрамором – ребята с атомохода «Курск». И рядом моряки. Но они с других кораблей. И на Аллее Героев тоже моряки. Алексей Михайлович Матиясевич здесь, с ними...

Благодаря настойчивым многолетним ходатайствам Совета ветеранов-подводников первый президент России Б.Н. Ельцин подписал Указ о присвоении А.М. Матиясевичу звания Героя Российской Федерации.

Посмертно.

P.S.

Работа над «Продолжением морских дорог» была завершена, когда я узнал, что в конце 2007 года была переиздана книга А.М. Матиясевича «По морским дорогам».

В скором времени книгу удалось приобрести.

В глубинах Балтики. 21 подводная победа. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 320с. – (Война и мы. Окопная правда).

На странице 317 В.С. Козлов, контр-адмирал, почётный член ОСВП ВМФ пишет: «Героические деяния отечественных подводников необходимо сохранить в истории России, на их славных морально-боевых традициях должны учиться последующие поколения. Этим в первую очередь и полезна переизданная московским издательством «Яуза» книга «По морским дорогам».

Правильные, своевременные слова. Такие книги очень нужны сегодня.

Порадовал материал, включённый в книгу, о поисковой работе школьников, уникальные фотографии, а также большой тираж для сегодняшнего дня – 5000 экземпляров.

На этом, однако, радости закончились.

Мы знаем книгу А.М. Матиясевиича «По морским дорогам». А здесь в название вынесен заголовок одной из глав. Думаю, эта вольность не пришлась бы по душе автору.

На внешней стороне нижней крышки переплёта Алексей Михайлович назван Александром. Чуть ниже указано, что в годы Великой Отечественной войны ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Хорошо известно, что Матиясевиич был представлен в годы войны к этому высокому званию, но не получил его. Благодаря многократным обращениям ветеранов-подводников, звание Героя России получено им лишь в 1995 году, посмертно.

Многочисленные орфографические ошибки в тексте превращают чтение в мучительное испытание.

Издательство планирует продолжить эту серию. Как говорится, Бог в помощь. Но хочется надеяться, что подготовка последующих изданий будет более тщательной, и читатели получают удовлетворение, а не горечь разочарования.

Примечания .

1. Подробнее см.: Архангельский А. Доступно... с ограничениями // Альманах библиофила №31. – М., 2007. – С.89-96.
2. (Мямли И.Г. Юрий Непринцев. – Л.: Искусство, 1976.– 151с.2). Эту книгу Игорь Гаврилович посвятил светлой памяти своей мамы Ирины Александровны Мямлиной.
3. В настоящее время это письмо находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Фонд И.Г. Мямлина.
4. Портрет М.И. Дмитриева воспроизведен также: И.Г. Мямлин. Юрий Непринцев. – Л.: Искусство, 1976. – С. 39.

Закономерное продолжение

Предполагалось, что к «Лоции Ладожского озера» автор возвращаться не станет, тем более, материал опубликован. Однако в силу редкого закона парности библиофильских находок возвращение произошло...

В лабиринте дворов Шестой линии Васильевского острова, что в Санкт-Петербурге, располагается маленький ничем особенным не приметный букинистический магазин «Старая книга». Именно здесь неожиданно обнаружилась «Лоция Балтийского моря» в двух частях. Часть 1: Восточная часть моря с Финским и Рижским заливами. 1963 года издания; часть 2: Южная часть моря. 1962 года издания.

В предисловии первой части указано, что материалами для составления настоящей лоции послужила советская Лоция Балтийского моря, часть 1, 1958 года и Дополнение к ней №1 – 1961 года.

Часть первая испещрена многочисленными правками красными чернилами, внесены обширные дополнения, отпечатанные машинописным способом на полосках бумаги, которые подклеены в соответствующие места книжного блока. Текст ряда страниц перечеркнут красными чернилами.

В текст лоции введены таблицы ледового режима, с указанием границ распространения дрейфующих льдов в характерные зимы. Представлена таблица штормовых сигналов.

В книжный блок вклеен сборный лист карт.

Лист для учёта корректуры содержит 25 записей, которые охватывают период с 12 мая 1967 года по 24 февраля 1968 года.

Как видим, с первой частью велась обширная, кропотливая работа.

Материалами для составления второй части (указано в предисловии) послужили не только советская Лоция Балтийского моря, часть 2, 1957 и Дополнение к ней № 1 – 1958 г., но и польская, немецкая, датская, шведская лоции. Судя по выходным данным, вторая часть вышла в свет раньше первой.

Часть вторая корректурных записей не содержит.

Состояние блока очень хорошее.

«Лоция Балтийского моря», как и «Лоция Ладожского озера» предназначалась для служебного пользования.

На форзаце верхней крышки переплёта обеих частей имеется надпись: «МПОК – 25 «Альбатрос».

В части второй обнаружена выписка из навигационно-вахтенного катерного журнала МПОК – 25 «Альбатрос», пролежавшая в книге почти сорок лет.

Интерес представляет выписка от 25 августа 1968 г.

Читаем: «Ленинград – Кронштадт – Ленинград. 09 час. 35 мин. Запустили моторы, отошли от бона с начальником военных перевозок СССР. Идём в Кронштадт. Ветер SW – 0–4 балла. Видимость 0 миль.

17 час. 45 мин. Подошли к бону гребного порта. Возвратились из Кронштадта. Заглушили моторы. Начальник военных перевозок СССР выбыл с катера. Командир катера мичман (подпись неразборчиво).

Чуть ниже запись красными чернилами: «Выход во время боевой тревоги».

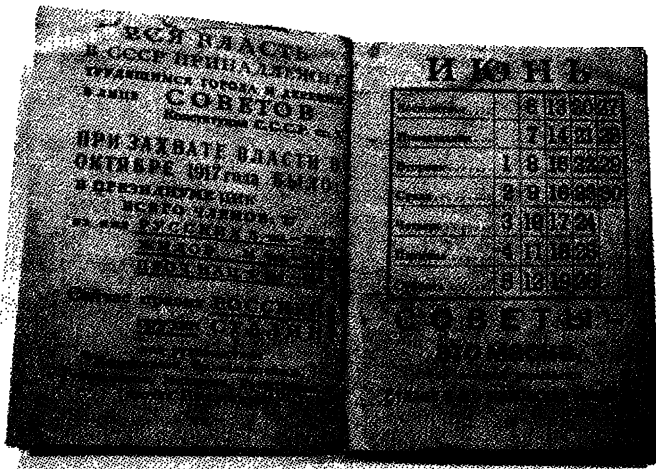
Таким образом, тема «Для служебного пользования» обрела логическое продолжение, благодаря закону библиофильской парности, которому хочется пожелать долгой и благополучной жизни.

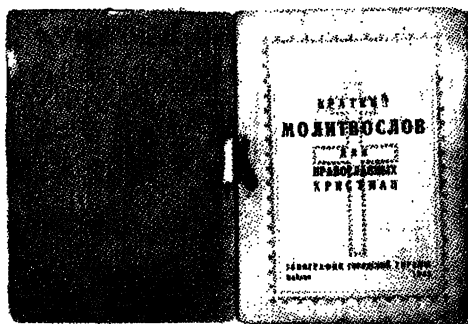
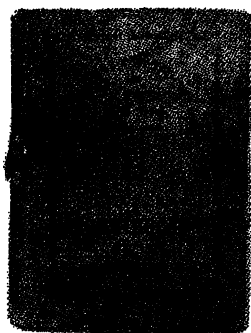
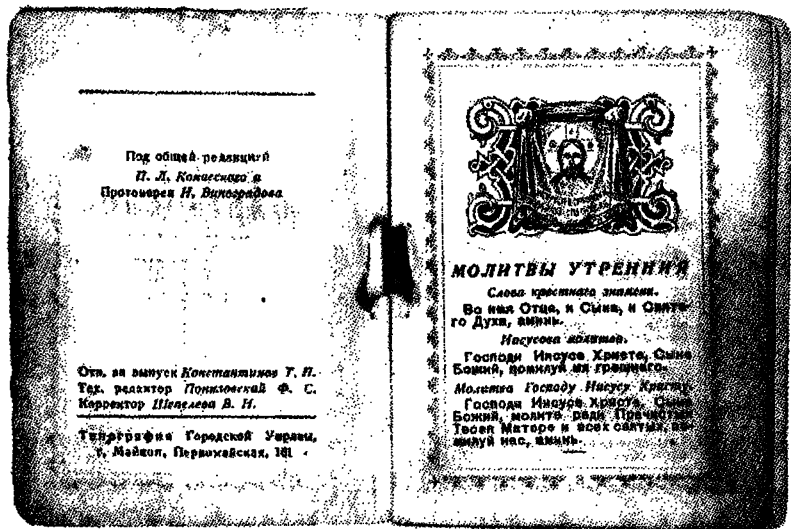
Геннадий Смирнов

КНИГИ ВОЙНЫ

С Константином Михайловичем Воробьёвым – фронтовым разведчиком, полковником в отставке я познакомился в период подготовки к выпуску «Книги памяти по Мытищинскому району». Интереснейший человек, встретивший войну курсантом выпускного курса военного училища в г. Либаве, он рассказывал о событиях из своей боевой биографии. Зная о моём увлечении миниатюрной книгой, как-то отметил, что ему в годы войны попадалась литература, напечатанная фашистскими пропагандистами, и среди неё – карманный «Календарь добровольца» 1943 года для власовцев, где приводились интересные цифры по репрессиям 30-х годов. Впоследствии один такой календарь пополнил моё собрание миникниг.

Календарь добровольца на 1943 год

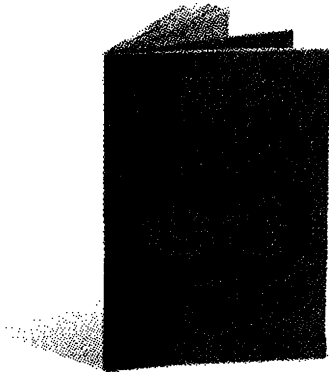
Краткий молитвослов 70×97 мм. 16 стр.

Интересная история произошла с другой миниатюрой. В 1942 году в оккупированном врагом Майкопе городской Управой был напечатан «Краткий молитвослов для православных христиан». Оккупационные власти поначалу лояльно относились к церкви, даже открывали храмы, некогда закрытые Советской властью. Но

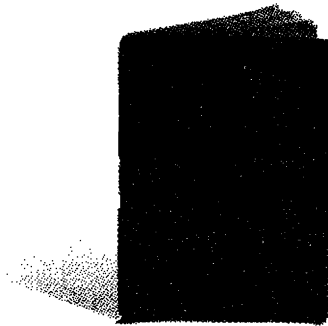

вместо смирения Слово Божие ещё более спланивало русских патриотов. Книжечки с молитвами находили у партизан и подпольщиков, что говорило о провале политики, направленной на подчинение захватчикам. Остатки тиража миниатюрного молитвослова были уничтожены врагом. Чудом сохранившиеся экземпляры миниатюры донесли до нас из трагического 1942 г. слова веры в победу.

Миниатюрные издания были и у наших врагов. Известен «Календарь добровольца» на 1943 г., предназначенный для формирования гитлеровцами Русской Освободительной Армии (РОА).

*Календарь добровольца
1943 год*

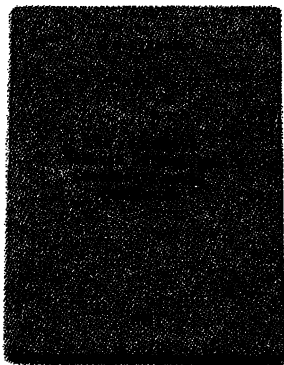

*Обращение военного совета 3-го
Украинского фронта. 1944 г.*

Фронтовики рассказывали о многочисленных миниатюрных и малоформатных изданиях, печатавшихся в армейских и фронтовых типографиях. Конечно, многие такие издания не попали в центральные книгохранилища и затерялись в военных лихолетьях. Особой

редкостью по праву считаются издания начального периода войны. В собрании А. Рыбникова хранятся две миниатюры, одна из них «Боевые подвиги» №4 из серии «Красноармейская библиотека». Книжечка 70×95 мм, отпечатана в редакции газеты «На страже Родины» в 1942 г. В этом же году Политуправление Северо-западного фронта массовым тиражом выпустило брошюру «Потеря оружия – преступление перед Родиной». В коллекции Д.И. Сахарова имеется миниатюра с выступлением

*И.В. Сталин
XXV годовщина Великой
Октябрьской Социалистической
Революции*

И.В. Сталина «25 годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции». (78×95). К сожалению, нет никаких данных, где напечатана миниатюра.

Интересны издания с выступлением И.В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Миниатюра предназначалась специально для партизан, о чём свидетельствовал вкладыш в книжечку. Миниатюры с выступлением Верховного Главнокомандующего, его приказы также выходили массовыми тиражами.

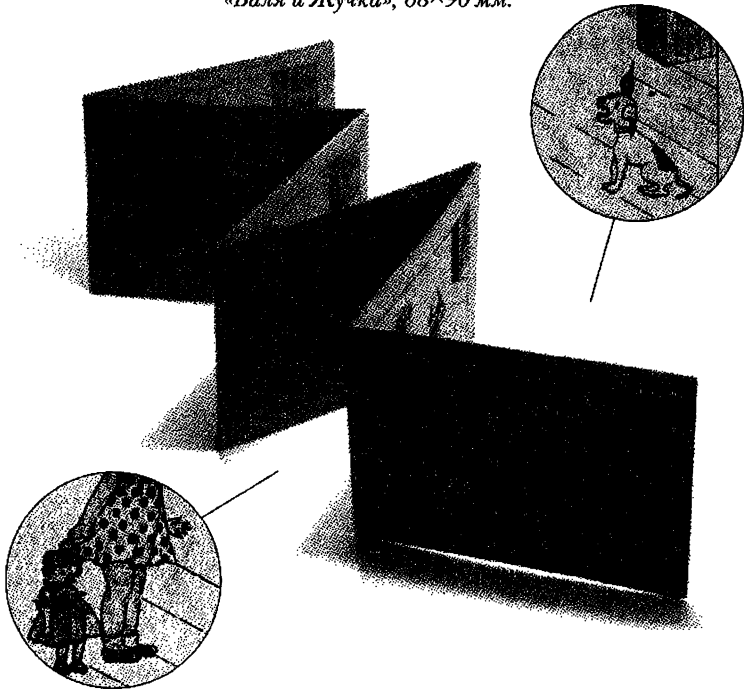
Эти издания есть в каталогах. Книжечка 1944 г. Воениздата НКО при Ленинградском фронте в мягкой обложке и с указанием цены в 50 коп. в каталогах отсутствует, как и брошюра с текстом обращения Военного Совета 3-го Украинского фронта к бойцам, сержантам, офицерам и генералам, в связи со вступлением наших войск в Австрию. Военный Совет призывает военных гуманно относиться к населению, учитывать, что австрийцы

стали первыми жертвами оккупации со стороны фашистской Германии. Брошюра в 16 страниц и размером 68×97 мм отпечатана в типографии газеты «Советский воин».

В тяжёлые военные годы продолжали печатать и детские книги, правда миниатюрных среди них было мало, но и они представляют интерес. Так в 1942 году тиражом в 10000 экз. и ценой в 1 рубль. Была выпущена книжка-раскладушка (68×90) «Валя и Жучка» (текст Михаила Волжанина, Полиграфическая фабрика Дзержинского Промтреста). Поиск миниатюр продолжается, и коллекционеров ждут новые интересные находки.

«Валя и Жучка», 68×90 мм.

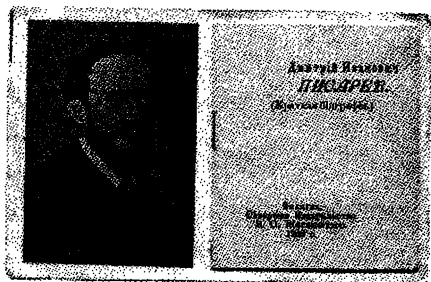
Вам открытка с миниатюрой

Сейчас трудно определить, кому впервые пришла в голову идея поместить на почтовую карточку миниатюрную книжечку. Несмотря на определённые трудности при пересылке (дополнительная толщина послания, углы миникниги, мешающие при опускании в почтовый ящик и сортировке и т.д.), новшество привилось и стало широко использоваться. Особую популярность приобрели «приветы» из разных городов и весей России, где почтальоны в униформе несли в сумках до десятка видов достопримечательностей того или иного города. Что интересно – почтальоны на головных уборах носили металлические знаки – «шилдики», где имелся номер, соответствующий тому или иному населённому пункту. Любопытно отметить, что в тридцатые годы на Кубани выпустили большими тиражами в пять и десять тысяч экземпляров почтовую открытку «Привет из Анапы». На ней женщина-почтальон в униформе, но с красной косыночкой на голове несёт почтовую сумку с миниатюрной книжечкой-«гармошкой» с видами города.

Если многочисленные «приветы» хорошо известны филокартистам, то выпуски миниатюр с биографиями деятелей демократического и революционного движения больше знакомы любителям миниатюрных книг. В 1908 году издатель В.О. Жиглинский в городе Вологде наладил печатанье открытых писем с портретами известных общественных деятелей и краткими их биографиями в виде миникниг. Всего вышло двадцать восемь открыток. Интересна подборка персоналий. В их числе: Герцен, Радищев, Плеханов, Писарев, Жюль Гед, Никитин, Карл Каутский, Карл Маркс, Рылеев, Горький,

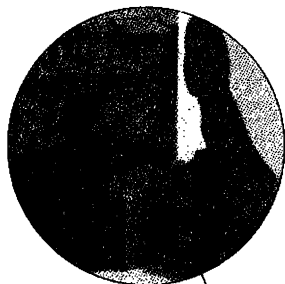
Бакунин, Добролюбов, Михайловский, Пестель, Кропоткин, Каховский, Лавров, Поль Лафарг, Грановский, Достоевский, Лассаль, Фридрих Энгельс, Эдуард Вальян, Белинский, Грибоедов, Чернышевский, Некрасов, Роберт Оуэн. По данным исследователя У. М. Спектора были и другие биографии, но этих экземпляров пока не обнаружено.

Открытки 1908 год. Издательство В. О. Жиглинского

В 30-е годы ИЗОГИЗ выпустило оригинальную открытку с миниатюрной книжечкой известной басни И.А. Крылова «Петух и жемчужное зерно». Очень вероятно, что были и другие издания, о чём свидетельствует находка миникнижечки с стихотворением З. Александровой «Праздник». Книжечка упрятана в макет башни Кремля.

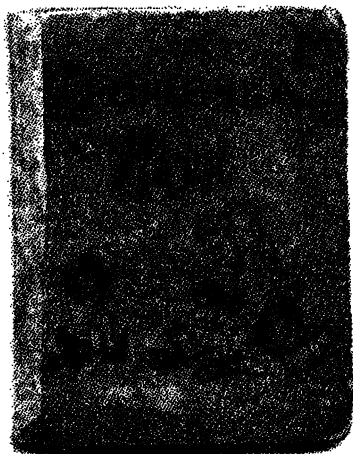

Открытки с миниатюрами 1930-е гг. ИЗОГИЗ

Неизвестные издания И.Д. Сытина

*«Крошечка Катя», 75×90 мм.
Издательство И.Д. Сытина*

*«Маленький добрунчик», 75×90 мм.
Издательство И.Д. Сытина*

Талантливый книгоиздатель и общественный деятель, страстный пропагандист книги И. Д. Сытин внёс большой вклад в книгоиздание, и в первую очередь, для народа. Массовыми тиражами расходились календари, учебная и познавательная литература. Книголюбам известны и две миниатюры «О А.В. Суворове» (1900 г.) и «Смешно и забавно» (1897г.), а вот две детские книжечки «Крошечка Катя» и «Маленький добрунчик» (обе размером 75×90) с прекрасными известными иллюстрациями не вошли в каталог миниатюрных книг. Очень возможно, что Сытин издал целую серию миниатюр для детей. Поиск продолжается.

Неожиданная находка

Встречаясь с книголюбями, невольно интересуешься предметом своего увлечения – миниатюрой. У знакомого оказалась книжечка, изданная в Одессе в 1914 г. Я был уверен, что она описана в каталоге «Старая одесская миниатюра», где зафиксировано около двухсот книг. Оказалось, что эта не вошла в него. Как и не вошли ещё три выпуска «Новых анекдотов», составившие «Библиотеку «В часы досуга». Размеры миниатюр – 60×85.

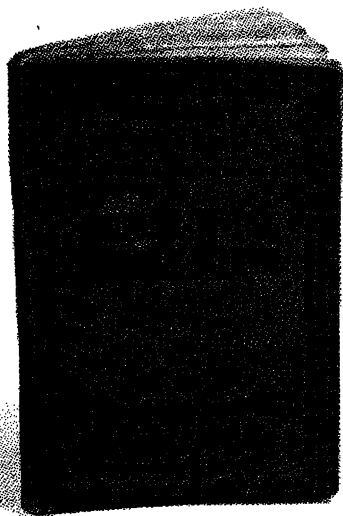
Народная загадка.

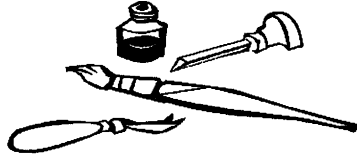
Въ брюхѣ—баня,
Въ носу—рѣшето,
На головѣ—пупокъ,
Всего одна рука,
И та—на спинѣ.

Чайникъ.

Что ниже земли?

Иже (буква „и“, з
мя—„з“).

Резцом и кистью

Виталий Бакуменко

Экслибрисы Германа Ратнера

(К 75-летию со дня рождения)

В конце лета 1996 года ушёл из жизни известный московский художник Герман Ратнер. Было ему 63 года, и незаурядный талант графика находился в полном расцвете, многое в творчестве мастера только начиналось, но неизлечимая болезнь прервала до срока прекрасную песню замечательного художника в изобразительном искусстве...

Герман Львович Ратнер родился в Москве 15 марта 1933 года. Художественное образование он получил в Архитектурном институте, который окончил с отличием в 1957 году. Его учителями были известный архитектор, профессор Михаил Осипович Барщ и выдающийся живописец, Народный художник СССР Александр Александрович Дейнека.

Тяготение к прикладной графике привело Германа Ратнера в театрально-декорационное искусство. Он становится художником-постановщиком Тверского областного драматического театра. Лаконичные

Г. Л. Ратнер

и строгие, поэтические и возвышенно-романтические, объёмно-пространственные решения по оформлению спектаклей Германа Ратнера не забыты ценителями театрального искусства. Театральные критики долго сожалели, что такой крупный мастер отошёл от работы в театре, понимая, что Герман Ратнер был прирождённый театральный художник. Но оставить так ярко

начавшуюся карьеру в театре у Германа Ратнера были серьёзные основания. Его позвало ещё одно настоящее призвание – искусство графики. И именно графика позволила ему идеально синтезировать талант архитектора, театрального живописца и графика широкого профиля. И если живопись вошла полноправной хозяйкой в графические работы Германа Ратнера, то архитектура стала доминантой творческого поиска талантливого мастера и основной достопримечательностью множества композиций его станковых гравюр и экслибрисов.

Творчество Германа Ратнера уникально во многих отношениях. В искусстве графики нет другого примера, чтобы строгая линия рисунка, композиция, сам сюжет каждой работы так волновали, вызывая рой ассоциаций, и были так пронизаны трепетным чувством красоты, романтики, поэзии. Крупные листы Германа Ратнера не теряют теплоты, поэтичности, а миниатюрные гравюры – монументальности.

Особенно мощно дарование Германа Ратнера прозвучало в экслибрисе. В мир экслибриса Герман Ратнер пришёл в 1964 году. Уже первые композиции его экслибрисов удивили знатоков небывалой стилистикой и мастерством. Художник быстро попал в поле зрения прессы, о нём стали писать крупные исследователи прикнижной графики и искусствоведы. Так, в одной из первых статей о Германе Ратнере, которую написал известный исследователь истории экслибриса Олег Григорьевич Ласунский, было отмечено: «Истоки ратнеровского романтизма восходят ещё к студенческим годам, когда он отправлялся в рискованные экспедиции по Вологодчине, в верховья Мезени и Печоры, доходил даже до кромки Ледовитого океана. График исколесил всю Среднюю Азию, скитался в горах Памира... Ратнеру не сидится в тёплой московской мастерской, его влекут неисследованные, за семью замками континенты, и эту страсть неискоренимого романтика Ратнер любовно вложил в исполненные им экслибрисы».

Эти слова делают честь проницательности О.Г. Ласунского, поскольку они были написаны в пору, когда Герман Ратнер выгравировал всего 35 экслибрисов, а слова искусствоведа вполне применимы ко всем 509 экслибрисам замечательного художника, созданным за всю творческую жизнь. Экслибрисное наследие Германа Львовича Ратнера делится на две равные части. Одна часть – экслибрисы для соотечественников, другая – для зарубежных библиофилов, коллекционеров, ценителей графики малых форм.

Экслибрисное творчество Германа Ратнера – новаторское не только по своему содержанию, но и по стилистике.

Е. А. СТЕПИНОЙ

ИЗ КНИГ Г. С. КРОТОВСКОГО

П. М. КУЗАНЯНА

Б. А. ОБУРОВА

Экслибрисы художника Г. Л. Ратнера

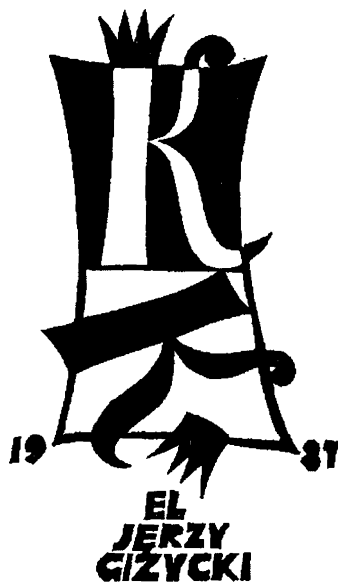
Никто до Ратнера не отваживался на подобные тематические решения, сделав достоянием прикнижной графики любую тему из повседневной жизни, которая так обогатила искусство экслибриса.

Экслибрисы Германа Ратнера узнаваемы с первого взгляда. Они тщательно продуманы, у них богатый пластический ритм, мощная динамика линий, штрихов. При этом, они максимально лаконичны в отборе деталей и в самом построении каждой композиции.

В искусство экслибриса Герман Ратнер принёс своё понимание пластики. Как каждая новация, оно не всеми было поначалу воспринято и понято. Тем более, что

ИЗ КНИГ Е. СЕРГЕЕВОЙ

Экслибрисы художника Г. Л. Ратнера

художник предпочёл линогравюру и гравюру на пластике. Но выбор техник тоже был абсолютно верный для его особого стиля, рассчитанного на активную работу чёрного пятна – мощного, энергичного, насыщенного.

В каждой композиции Германа Ратнера воплотилось стремление художника найти органичную связь между рисунком и шрифтом. Шрифты Германа Ратнера – особая тема. В самом начале творческого пути художник изобрёл свой индивидуальный шрифт, который очень гармонично вписывался в композиции его гравюр. Но это не помешало художнику всю жизнь искать и экспериментировать в поиске новых гарнитур шрифтов,

которые подходили бы к его новым находкам и открытиям в искусстве графики.

Уже в первых экслибрисах Германа Ратнера шрифт становится активным художественным элементом каждой композиции. Художник демонстрировал редкую изобретательность и неисчерпаемость фантазии не только в начертании текста каждого знака, но и в размещении шрифтовой композиции в новой работе.

Большинство экслибрисов Германа Ратнера посвящено любимым темам художника – архитектура и морская романтика. Немало знаков на театральные и музыкальные темы. Роскошно отражена в экслибрисах художника ни с чем не сравнимая романтика дальних путешествий. Создал Ратнер и впечатляющую серию шрифтовых экслибрисов. Они отличаются строгой красотой и гармоничностью. Замечательные композиции знаков создал Герман Ратнер для коллег-художников В.А. Фролова, Е.В. Терехова, А.М. Мосийчука, М.М. Мечева, П.М. Кузаяна, Н.Д. Ерёмченко...

Возвращаясь к началу творческого пути Г.Л. Ратнера, отметим, что за пять лет работы в драматическом театре в Твери художник оформил более 25 крупных спектаклей. Среди его работ были такие мощные и разноплановые постановки как «Собака на сене» Лопе де Вега, «Униженные и оскорблённые» Ф.М. Достоевского, «Иркутская история» А.Н. Арбузова...

Вершиной творческого пути Германа Львовича Ратнера стало его уникальное экслибрисное наследие. Если бы художник создал только 509 экслибрисов, то и в этом случае его имя осталось бы в истории изобразительного искусства XX века.

Наши публикации

Александр Громов

Кто есть Who

Не исповедимы библиофильские пути-дороги. Попадёт в руки книга – вроде и не по теме твоей, вроде и брать не хотел, а есть в ней нечто, что привлекло, захватило, и вот ты уже в поиске. Так случилось в очередной раз со мной, когда на полку встала неказистая на вид книга конца 19-го века под названием... Впрочем, лучше поговорим об этой книге позже, а пока вернёмся к заголовку, в котором так много нашего, российского. Тут тебе и: «Не лыком шиты», – идём в ногу с Западом, здесь же проглядывает и нечто в духе другого постперестроечного перла: «Хотели как лучше...»

Словом, «Умом Россию не понять».

Однако, если серьёзно – когда же появились эти столь распространённые в современной жизни «Who is Who» или на русский манер «Кто есть Кто» справочники? (Заметим, что на Западе даже в франкоязычных странах, известных устойчивой, хотя далеко не всегда успешной тенденцией сопротивляться любым англиканизмам, практически всюду названия этих справочников звучат

в английском варианте, т.е. «Who is Who») Для того, чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к истории появления энциклопедических словарей, поскольку справочники «Кто есть Кто» являются, в конечном счёте, специфичной, сильно «сжатой» и часто обновляемой формой таких словарей.

История появления энциклопедических словарей или как их обычно коротко называют «энциклопедий» – это тема отдельного большого и очень интересного разговора. За неимением места ограничимся коротким экскурсом в прошлое. Истоки энциклопедических трудов уходят в далёкие античные времена (лат. *encyclopaedia* есть производное от греческих слов «круг» и «обучение», т.е. «обучение в полном круге»). Первый такой труд часто приписывают Спевзиппу, ученику Платона.

В Европе, начиная с раннего средневековья (Марциан Капелла, Роджер Бэкон и др.), и вплоть до 17-го века (Мартини, Альшted, Фрэнсис Бэкон) выходило множество энциклопедических словарей. В Россию такие словари проникали, в основном, из Византии, и они имели древнегреческие корни, хотя были и переводы с латинского. Все эти словари представляли собой большую или меньшую сумму фактов, почерпнутых из разных известных на то время наук и представленных в весьма хаотическом порядке. Пользоваться ими было не просто.

В 1499 году в Милане был издан византийский словарь 10-го века, получивший название «Лексикон Свида». «Свида» или «Суда» – дошедшее из глубины веков имя документа, долгое время оно интерпретировалось как имя автора, но сейчас принято считать, что словарь был трудом многих авторов, суммировавших, в основном, исторические и географические знания своего времени. С того

момента слово «Лексикон» (Lexicon) стало часто употребляться в названиях энциклопедических словарей.

Первой энциклопедией нового типа, построенной по алфавитному принципу с чёткой системой построения отдельных статей, стал труд одного человека – английского квакера Эфраима Чемберса («Cyclopedia, or an Universal Dictionary...»). Словарь стал невероятно популярным (несмотря на весьма высокую цену) и выдержал четыре основных издания (1728, 1738, 1741, 1746) и одно дополненное (1756). Восемнадцатый век стал во многом определяющим в развитии искусства составления энциклопедий.

Следующим этапом в этом процессе стала эпохальная «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел» – титанический труд Д. Дидро и Ж.Л. Даламбера (участвовал до 8-го тома). Задуманная сначала как просто расширенный и дополненный перевод словаря Чемберса, работа в конечном виде содержала 17 томов текста и 11 томов таблиц и была закончена лишь в 80-х гг. 18-го века. В энциклопедии сотрудничали виднейшие учёные Европы, её свободолюбивый дух оказал огромное влияние на умы нескольких поколений. Энциклопедия Д. Дидро была переведена на ряд языков.

Восемнадцатый век дал старт ещё двум великим энциклопедиям. В 1768 году в Эдинбурге книготорговец Колин Макфаркуэр, редактор Уильям Смели и гравёр Эндрю Белл основали «Общество шотландских джентльменов» специально для создания компактной и практичной энциклопедии, построенной по алфавитному принципу. Уже к 1771 году подписчики получили обещанные три тома энциклопедического словаря под броским именем «Энциклопедия Британика» (Encyclopedia «Britanica»). Полное название имело ещё подзаголовок

«Словарь искусств и наук. Среди авторов были великие учёные Бенжамин Франклин, Уильям Локк и многие другие лучшие умы того времени. Энциклопедия стоила большие деньги – 12 фунтов стерлингов, но быстро разошлась тиражом в 3000 экземпляров. В 1777–1784 гг. вышло второе издание, оно содержало уже 10 томов.

Это было началом поистине великого мероприятия, продолжающегося по сей день. В течение 19-го века вышло ещё шесть изданий, а количество томов достигло внушительной цифры – 24. Помимо Англии «Британика» стала печататься в США и превратилась в ведущую англоязычную энциклопедию. В 1901 году «Британику» купил американский миллионер Г.Э. Хупер, и она перебралась в Чикаго. Затем энциклопедия несколько раз меняла хозяев, пока не стала в 1996 году собственностью швейцарца Ж. Сафрю. В настоящее время это крупнейший международный проект, далеко превосходящий остальные издательские проекты в области энциклопедических словарей.

К середине 20-го века «Британика» приобрела всемирную славу и высочайшую репутацию. Неслучайно, её по сей день называют «королевой энциклопедий». Сравнимых с ней англоязычных энциклопедий, коих насчитывается не один десяток, просто нет. Высокий научный уровень статей, широта охвата материала, удобство пользования, великолепное оформление – вот отличительный стиль этой великой энциклопедии. Сегодня «Британика» – это крупнейший международный проект, в котором работают свыше 6000 учёных из более чем 100 стран. Последнее издание энциклопедии содержит 32 тома. Кроме того, издаётся шестидесятитомная «Библиотека великих книг», двадцатитомная «Детская

Британика», незаменимый «Словарь Вебстера». И это далеко не полный список. «Британика» первой выпустила электронную версию энциклопедии и уже несколько лет доступна в on-line режиме. Вряд ли о таком успехе могли мечтать три шотландских джентльмена.

Вернёмся, однако, в восемнадцатый век. В 1796 году в Лейпциге начал выходить «Энциклопедический словарь с замечательным вниманием к теперешним временам». Длинное немецкое название с тех пор традиционно укорачивалось до «Konversations-Lexikon». Редактировал новое издание доктор Ренатус Готтхельф Лёбель. К 1805 году вышло 5 томов нового словаря. В 1808 году ввиду банкротства издателя дело выкупил Ф.А. Брокгауз. С тех пор эта энциклопедия носит его имя. Брокгауз сразу оценил важность издания энциклопедического словаря, реорганизовал весь процесс издания и привлёк к новому делу многих известных немецких и иностранных учёных. К 1819 году, когда одновременно вышли второе (10 томов) и значительно расширенное третье издание, словарь «Konversations-Lexikon» уже завоевал своего читателя. Брокгауз умер в 1823 году, но словарь продолжал жить.

Мало того, что «Брокгауз» стал безусловно ведущим энциклопедическим словарём на немецком языке, он явился родоначальником нескольких национальных энциклопедий. Объяснением тому послужила немецкая пунктуальность и точность во всём: статьях, системе поиска, графическом оформлении. Седьмое издание словаря легло в основу энциклопедии «Americana» (1829–1833 г.г.). Соединённые Штаты захотели иметь собственную энциклопедию, хотя и участвовали в издании «Британики». В переработанном виде «Americana»

выпускается до настоящего времени. Вышло 10 переизданий. Последнее содержит 30 томов.

По образу и подобию «Брокгауза» были созданы шведская и датские энциклопедии. Для нас особенно важно, что именно «Брокгауз» лёг в основу первой российской всеобъемлющей энциклопедии. Скажем об этом чуть позже. Опуская детали долгой и нелёгкой биографии «Брокгауза» (две мировые войны, крайняя идеологизация издания в годы фашистского режима), скажем, что в 1984 году в ФРГ было создано специальное издательство «Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG», занимающееся выпуском продукции под маркой «Брокгауз». Последнее, 22-е издание энциклопедии содержит 30 томов, в нём свыше 300 тысяч статей и свыше 40 тысяч карт, схем, диаграмм. Коллектив, работавший над энциклопедией, состоял из более 1000 авторов по многим областям науки и искусства. «Брокгауз» продолжает быть тем, что было задумано двести лет назад: очень рациональным, без излишних углублений в теорию, практичным изданием. Также как «Британика», её немецкий собрат сегодня – это целый конгломерат различных изданий. Энциклопедия доступна в электронной версии и on-line режиме. Говоря о немецкоязычных энциклопедиях, нельзя не упомянуть о единственном реальном конкуренте «Брокгауза». Это «Konversations-Lexikon» Мейера. Первое издание вышло в 1839–1852 гг. В настоящее время выходит шестое издание словаря.

Ещё одной всемирно известной энциклопедией является франкоязычная «La grande encyclopedie Larousse». Педагог и лексикограф П. Ларусс основал в 1852 году одноименное издательство и вскоре приступил к выпуску 15-томного «Ларусса XIX века». Словарь выходил в 1865–

76 гг. Многие его статьи носили весьма либеральный и антиклерикальный характер. Ватикан даже включил словарь Ларусса в «Индекс запрещённых книг». В дальнейшем, уже после смерти Ларусса (1875 г.) энциклопедия несколько раз переиздавалась, её объём всё возрастал. С 1906 года стали выходить ежегодные однотомные «Ларуссы», затем появились «Детский Ларусс», многочисленные словари по разным видам знаний. С 1971 года издательство выпускает «Большую энциклопедию Ларусс» в 30 книгах. Сегодня «Ларусс» – это большой международный проект, ориентированный на франкоговорящие страны. В нём задействованы многие широкоизвестные учёные, писатели, политические деятели. Издания «Ларусс» имеют свой стиль, некий французский шарм. Как и другие ведущие мировые энциклопедии, «Ларусс» доступен на электронных носителях и в Интернете.

Не посчитал возможным остаться без собственной энциклопедии и испанскоговорящий мир. С 1860 года издаётся универсальный энциклопедический словарь «Espasa». Начало изданию положил Хосе Еспаса Ангуера. К 1905 году вышло 72 основных тома, а в 1931 году десять дополнительных томов. В настоящее время испанская энциклопедия содержит уже 117 томов, и проект продолжает жить. Издательство «Espasa-Calpe» помимо постоянной работы над главной энциклопедией выпускает множество других словарей и справочников. Энциклопедия «Espasa» доступна в электронном виде.

Осталось сказать об энциклопедических словарях на русском языке. Остановимся лишь на самых известных изданиях. На первом месте безусловно стоит «Энциклопедический словарь», вышедший в 1890–1907 гг. в издании Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Задуманный

сначала как простое переиздание «немецкого Брокгауза» несколько скорректированное с учётом российской специфики, словарь быстро перерос эту идею и после привлечения к работе цвета русской науки стал самостоятельным изданием, не уступающим по широте и глубине изложения материала лучшим мировым энциклопедиям того времени. В окончательном виде энциклопедия состояла из 82 основных полутомов и 4 дополнительных. Кроме того, вышло два издания «Малого энциклопедического словаря» в трёх и четырёх томах. Учитывая время его создания, словарь Брокгауза носил умеренно-либеральный характер. «Русский Брокгауз» и сегодня не утратил значительной информационной ценности, о чём свидетельствует читательский интерес как к оригинальной его версии (увы, большинству недоступной), так и к репринтным и электронным изданиям.

В 1911–1916 гг. Акционерное общество «Издательское дело» (бывш. Брокгауз-Ефрон) предприняло попытку пересмотреть и издать новую версию ставшего столь популярным «Энциклопедического словаря» Брокгауза. Словарь, получивший название «Нового энциклопедического словаря», начал выходить в 1911 году. К сожалению, из-за войны издание было прекращено. Вышло 29 томов из запланированных 49. При подготовке современных версий словарей на базе «Брокгауза» обычно используют материалы из обоих словарей. (Например, в 1991 году издательство «Советская энциклопедия» начала выпуск словаря биографий, взятых из двух «Брокгаузов». К сожалению, очень интересный проект застрял на середине алфавита.)

В 1903–1909 гг. выходила «Большая энциклопедия» (20 основных и 2 дополнительных тома) под редакцией

С.И. Южакова. В проекте участвовали петербургское издательство «Просвещение» и Лейпцигский «Библиографический институт», выпускавший выше упомянутый немецкий словарь Мейера. Энциклопедия была задумана как «общедоступная». Её научный уровень не шёл в сравнение с «Брокгаузом». Большого успеха этот проект не имел.

Говоря о русских энциклопедиях прошлого века, нельзя не упомянуть о «Энциклопедическом словаре Гранат». Братья А. и И. Гранаты в 1890-х гг. задумали создать энциклопедию, доступную по цене для среднего класса и отражающую новейшие достижения науки и техники того времени. В отличие от популярных энциклопедий Брокгауза и Южакова в новом издании не было перепечаток из немецких энциклопедий. К участию в работе над словарём были привлечены ведущие учёные России. Интересно, что две статьи написал В.И. Ленин (под псевдонимом Ильин). Словарь выдержал несколько изданий и стал пользоваться большим успехом в среде интеллигенции. Окончательный вид «Словарь Гранат» приобрёл только к 1910-му году, когда стало выходить его 7-е издание. К этому моменту полностью определилась концепция издания и словарный строй. Всего предполагалось издать 58 томов, но до 1917 года успели выйти только 42 тома. Обложку для 7-го издания исполнил академик живописи Л.О. Пастернак (отец поэта Б.Пастернака). После революции словарь продолжал выходить, и в 1948 году увидел свет его 57-ой том. В 1990-е годы издательство «Три века истории» репринтно переиздало 7-е издание «Словаря Граната».

Главным российским проектом 20-го века стала «Большая советская энциклопедия». Первый том энцик-

лопедии вышел в свет в 1926 году, а последний 65-й – в 1947 году. Среди авторов и редакторов энциклопедии были крупнейшие советские учёные и государственные деятели. Главным редактором в 1924–1941 гг. являлся академик О.Ю. Шмидт. Практически сразу после завершения первого издания энциклопедии началась работа над вторым изданием. Издание выходило в 1950–1960 гг. Оно состояло из 51 тома и отличалось большим объёмом материала и большим тиражом. Третье издание «Большой советской энциклопедии» было осуществлено в период с 1968 по 1978 год. Издание состояло из 30 томов. В 1981 году был выпущен алфавитный именной указатель к энциклопедии.

Новый век поставил новые задачи, и в 2005 году издательство «Россия» начало выпуск «Большой Российской энциклопедии». (Своеобразное четвёртое издание «Большой советской энциклопедии») Всего запланировано выпустить тридцать томов.

Вот мы и проделали небольшое исследование об истории возникновения и становления основных мировых энциклопедических словарей. За 250 лет из сначала аморфных, не слишком удобных для пользования хранилищ знаний на бумаге, словари превратились в компактные издания, быстро дающие ответы на самые разнообразные вопросы. (Хотя и здесь нужна определённая сноровка, не зря к энциклопедиям прилагаются различные таблицы и подсказки по поиску информации). Ведущие мировые энциклопедии оказались очень жизнестойкими. Кроме того, они дали и продолжают давать жизнь несметному количеству отраслевых словарей, задачей которых является предоставление информации по отдельной науке или предмету человеческой деятельности.

Вернёмся, однако, к поставленному вопросу: «Когда же появились словари-справочники «Кто есть Кто?» Казалось бы логичным предположить, что кто-то возьмёт и выделит из большого массива напечатанной информации, собрав в отдельные тома, статьи, содержащие биографические данные. Читатель получил бы удобный биографический словарь. Однако первыми эту идею осуществили не издатели «Британики», «Брокгауза», или «Ларусса». Решение пришло с другой стороны и отличалось сразу двумя новаторскими идеями. Во-первых, появившийся биографический словарь был очень компактным, во-вторых, что особенно важно, словарь стал ежегодно (!) переиздаваться.

Родилось это решение в середине 19-го века в Англии. Вероятно, это непростая случайность, поскольку само выражение «Who is Who» или в более кратком и привычном написании «Who's Who» известно в Англии с конца 13-го века. Оно стало означать, как указывают английские толковые словари, «личность каждого из группы лиц». К 19-му веку выражение стало устойчивой идиомой. Можно было услышать или прочесть: «На концерте присутствовали все Who's Who из мира музыки».

В 1849 году А.К.Блэк опубликовал первую биографическую книгу под названием «Who's Who» – прообраз современных справочников.

Это было начало правления королевы Виктории. Жизнь в Англии была строго регламентирована, жила делась на вековых традициях. Неслучайно книга Блэка представляла собой поначалу простой список с минимальными биографическими данными английской знати: пэров, баронов, членов двух палат Английского Парламента, всех епископов. Выпуск такой книги стал

событием английской жизни, хотя сразу же зазвучала и критика. В список очень многие попали «по происхождению», но совсем не по заслугам.

Первые издания «Who's Who» были к тому же неудобны для пользования, быстрый поиск просто невозможен. Алфавитный принцип построения стал применяться только начиная с издания 1897 года. К тому времени в справочник стали включать профессоров Кембриджа, видных деятелей науки, промышленности и искусства. Биографические данные стали более полными с указанием заслуг перед обществом. Хотя представители родовой знати по-прежнему, по меткому выражению одной из газет, «входили без стука». Впрочем, надо быть объективным, люди типа Уинстона Л. Спенсера Черчилля сына лорда Рандольфа Черчилля, «Who's Who» не портили.

В новом издании во многом проявлялся английский консерватизм, особый стиль подачи материала. Так долгое время в «Who's Who» печатали имена уже ушедших из жизни членов Парламента. В начале 20-го века в Англии стал издаваться ещё один словарь, логично (и печально) дополняющий «Кто есть Кто». Им стал «Кто был Кто». На настоящий момент вышло уже 11 изданий «Who was Who», покрывающих период с 1897 по 2005 год.

Последний выпуск английского биографического словаря «Who's Who – 2008» содержит свыше 33000 тысяч коротких биографий выдающихся людей Великобритании и других стран. Попасть в него означает получить признание мирового сообщества. С 2005 года доступна on-line версия словаря.

Пример Англии оказался заразительным. С 1899 года в США издаётся «Who's Who in America», более известный как «Marquis Who's Who» по имени его издателя.

Для первого издания были отобраны 8000 имён, в издании 2008 года их около 40000. В настоящее время «Биографический институт Маркиза» издаёт множество словарей «Кто есть Кто» (касающихся мира науки, политики, искусства, спорта и тд.). Большинство этих справочников доступны в Интернете.

С 1906 года издаётся «Who's Who in Australia». Их издателем стал Ф.Джонс. Причём до 1923 года словарь назывался по имени издателя «John's Notable Australians». В последние годы словарь также разделился по направлениям (общий корпус, бизнес, австралийские женщины).

Долгие годы словари «Who's Who» были распространены только в англоговорящих странах. Во Франции идея такого словаря была осуществлена в 1953 году. Словарь стал выходить на французском языке, но под «фирменным» именем «Who's Who in France». В последнем издании представлены свыше 22000 имён известных французов.

Понятие «Who's Who» невозможно запатентовать, на него нельзя получить авторские права. В мире существуют многочисленные издательства, выпускающие разнообразные словари «Кто есть Кто». Главное в этой деятельности найти свою нишу, быть не похожим на конкурентов. Одной из самых успешных фирм в этой области является международное издательство «Hubners Who is Who». Оно было основано швейцарцем Ральфом Хюбнером в 1978 году. Словари издаются примерно один раз в год на различных европейских языках и посвящены именитым людям. Над словарями работает большой международный коллектив. В знак уважения к самому первому в мире словарю «Who's Who», вышедшему в 1849 году в синем холщёвом переплёте,

книги Хюбнера одеты в такие же переплёты. Существует и более дорогой кожаный переплёт. В 2007 году в России увидело свет первое издание Хюбнера на русском «Who is Who в России». В словаре 10000 биографий известных россиян. (Надо понимать, что подобные словари по российской тематике уже давно существуют. На моей полке давно стоит очень информативный (свыше 5000 биографий) словарь «Who was Who in the USSR», изданный в США ещё в 1972 году издательством «The Scarecrow Press, Inc».

Сегодня в мире издаётся огромное количество разнообразных словарей «Кто есть Кто». Новый толчок этому жанру справочной литературы дал Интернет. Там действительно можно найти как электронные версии давно известных изданий, так и совершенно новые проекты. Но это уже совсем другая (заметим, очень интересная) тема.

После появления в середине 19-го века ставшего знаменитым английского «Who's Who» ведущие мировые издательства энциклопедических словарей всё же обратились к идее выпуска биографических словарей. Произошло это только в конце 19-го века. Словари эти были фундаментальными, содержали большой объём информации, но по этой причине были лишены оперативности в публикации материалов – несомненно привлекательной стороны справочников «Кто есть Кто». Ограничимся примером издания биографических словарей в России, тем более, что эти проекты оказались весьма удачными.

Прежде всего следует сказать о «Русском биографическом словаре» под редакцией А.А. Половцева. Идея создания такого словаря была высказана Императорскому

Русскому Историческому Обществу в 1876 году будущим императором Александром III. Руководство над изданием словаря принял на себя видный государственный деятель А.А. Половцов, ставший в 1879 году председателем Общества. Он же субсидировал новое начинание. В словарь включались биографии государственных, политических, военных, церковных и общественных деятелей, людей науки и культуры с древнейших времён до начала 1890-х гг. В течение 1896-1918 гг. вышло 25 томов словаря. Издание оказалось неоконченным, не вышло 9 томов из общего числа запланированных. «Русский биографический словарь» содержит чрезвычайно ценный материал, его статьи ни в коей мере не утратили своей исторической ценности. Словарь давно стал библиографической редкостью. В настоящее время стала доступной электронная репринтная версия РБС. Кроме того, имеется проект переиздания словаря с включением невышедших томов, благо материалы по этим томам сохранились.

Совсем другим по замыслу оказался «Словарь исторический и социально-политический», вышедший в 1906 году под редакцией В.В.Битнера в руководимом им петербургском издательстве «Вестник знаний». Это издательство вело большую просветительскую работу, выпускало серию книг «Народный университет». Однотомный словарь (1248 страниц убогистого текста) содержал около 18 тысяч (!) коротких статей, большинство из которых – биографии. Его назначением был быстрый поиск информации об исторических личностях и заметных людях Российской империи и всего мира. Изданный в годы своеобразной «оттепели», он отличался либеральным настроем. В нём были помещены

Handwritten signature

ДВѢТЬ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

3611/6

СЛОВАРЬ-АЛЬБОМЪ

РУССКИХЪ ДѢТЕЛЕЙ XIX ВѢКА

содержащаго описанія служебъ, краткихъ характеристикъ, надписей къ портретамъ и эпитафіямъ,

П. К. МАРТЬЯНОВА.

(Эзопъ — Кактусъ).

О-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданъ въ Типографіи П. Губина, Троицкая улица, домъ № 18.

1890.

Словарь-альбом П.К.Мартянова

биографии деятелей мировой социал-демократии, прогрессивных политических и общественных деятелей.

Ну, а теперь самое время сказать о книге, которая заставила меня пересмотреть имеющиеся у меня словари и справочники, сходить в Российскую государственную библиотеку, поползать по мировой сети.

Называется она длинно и витиевато: «Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX века в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпитафиям П.К. Мартьянова («Эзопа-Кактуса»). Напечатан словарь в 1890 году в Санкт-Петербурге, в Типо-Литографии Р. Голике. Книга содержит 248 страниц, в ней помещены 1450 имён русских деятелей 19-го столетия. В 1891 году вышло второе стереотипное издание.

Во вступлении автор-составитель прежде всего раскритиковал «всевозможные Словари», сказав, что «по обыкновению, все они – многотомны, толсты, тяжелы и – пусты. В них есть всё, кроме, конечно, того, что нужно». В противоположность «подобному ветхозаветному типу» и был представлен на суд читателя «Словарь-альбом», в котором «... мы несколькими строками старались очерчивать деятельность и значение известных лиц. Стимулом нашим была идея правды и справедливости».

Посмотрим поближе на труд П.К. Мартьянова. Все имена, как живущих, так и покинувших этот мир, расположены в простом алфавитном порядке. Для меня первым действительно известным на букву «А» оказался писатель В.П. Авенариус, хотя по порядку это было уже одиннадцатое имя (всего на эту букву приведено 89 имён). Предоставляю Вам возможность проверить свою эрудицию и перечисляю первые десять имён: Абаза А.А.,

Абаза Н.А., Абалешев П.Н., Абарина А.И., Абатуров Л.Ф., Абрамов А.К., Абрамов Я.В., Августинович О.П. Авдаков Н.С., Авдеев М.В. Признаюсь, что и после поиска в разных источниках (правда, не слишком глубокого) несколько имён остались для меня загадкой, хотя, скажем, их профессия была ясна. Примерно такой же ситуация оставалась, когда я, не скрою с большим интересом, листал этот «Словарь-альбом».

Труд П.К. Мартьянова мог бы стать большим подспорьем для нас, живущих сто с лишним лет спустя. Шутками, он охватывает почти полторы тысячи имён россиян – известных и поныне, и давно забытых. Однако есть одно большое «но». Мы всё ещё не сказали о главной изюминке словаря. Во вступлении автор-составитель говорит, что «...мы несколькими строками старались очерчивать деятельность и значение известных лиц». Под этим П.К.Мартьянов подразумевает стихотворные строки собственного сочинения. Перелистаем несколько страниц (пунктуация – автора).

С первым поэтом России всё ясно:

Пушкин, А.С.

*В лице его сходил на землю, к нам, сам гений
И миру дал скривжалъ небесных песнопений.*

Можно, конечно, и пооригинальнее было выразиться, но, в целом, понятно.

Как правило о занятиях лица, помещённого в словарь (даже если вообще ничего не знать о нём), можно легко догадаться. Например, читаем об известном петербургском фотографе.

Шапиро, К.А.

*Художник-фотограф, он тем себя прославил,
Что лучшую коллекцию портретов*

*Писателей, учёных и поэтов,
И прочих деятелей собрал и составил.*

Другой пример. Сразу вслед за путешественником Елисеевым А. В., известным журналистом Г.З. Елисеевым и братьями Г.П. и С.П. Елисеевыми (банкиром и торговцем) находим следующий игривый стихотворный опус:

*Енгальчева, Н.А., княжна
Московской оперы певица-примадонна,
В Париже пела и не раз
К нам, в Питер наезжала благосклонно,
Но не для пенья, для проказ.*

Полистав различные энциклопедии, выясняем, что речь идёт о Надежде Афанасьевне Енгальчевой, представительнице древнейшего и очень разветвлённого рода татарских князей Енгальчевых. Выпускница Санкт-Петербургской консерватории, она с 1870 года с большим успехом выступала под сценическим псевдонимом Энгалли в Италии и Франции, затем пела в Итальянской опере в Санкт-Петербурге, а в 1881 году перебралась в Большой театр. Вот только, что за «проказы» позволяла себе в столице примадонна, обладательница великолепного контральто, из энциклопедий узнать не удалось.

Общий тон помещённых в «Словаре-альбоме» кратких характеристик, в целом, почти всегда дружелюбный. Лишь иногда автор-составитель позволяет себе немного поязвить, как, например, в этом случае:

*Горчаков, М.Д., князь
Несчастливый генерал,
На Дунае отступал,
Севастополь потерял
И Варшаву взбунтовал.*

«Словарь-альбом» можно листать долго. Конечно, из него не узнаешь ни дат жизни, ни подробной истории деяний того или иного лица, но незатейливые стихотворные характеристики передают аромат эпохи, добавляют штрихи к биографиям людей, живших в позапрошлом веке. Такой вот своеобразный российский «Кто есть Кто» 1890 года!

Кем же был автор «Словаря-альбома»? Пётр Кузьмич Мартьянов (1827–1899 г.г.) долгие годы состоял на военной службе. Много печатался как военный историк, очеркист и поэт-юморист в различных журналах. Автор нескольких сборников стихотворений: «Стихотворения поэта-солдата» (1865 г.), «Рассказы, басни, стихи и каламбуры» (1886 г.), «Лопари и самоеды столичных наших тундр» (1891 г.), и книг: «На изломе века» (1893 г.) и «Дела и люди века» (1896 г.).

Пользовался псевдонимами: Эзоп и Кактус-Эзоп. В 2007 году Издательство Государственной публичной библиотеки России переиздало тиражом 500 экз. сборник афоризмов, составленный П.К.Мартьяновым в 1890 году. («Умные речи, красные слова великих и невеликих людей. Собраны, записаны и изданы П.К.Мартьяновым. В двух частях. С-Петербург. Типография В.В.Комарова, Невский просп., 1890). В сборнике содержится около 5000 изречений великих и совсем не известных людей. Так, спустя 120 лет имя П.К.Мартьянова вернулось к читателю.

В заключение хотел бы поблагодарить большого знатока и друга Книги Ирину Леонидовну Великодную, стараниями которой «Альбом-справочник» оказался на моей книжной полке.

Олег Любченко

Просветитель

Мы переживали тогда замечательное время, когда у людей проснулся повышенный интерес к прошлому своей Родины, России. Больше всего к тому прошлому, к тем его сторонам, которые долго искажались или замалчивались.

Атмосфера запретов, страха, духовной затхлости всё больше разрежалась. Мы взялись за изучение истории своей страны, культуры прошлого. Мы ездили на экскурсии, ставшие необыкновенно популярными, посещали старинные русские города, древние монастыри, бывшие помещичьи усадьбы, где местные музейщики-энтузиасты сообщали нам немало любопытно-го, чего нельзя было прочесть в путеводителях или в прессе. Ну, а кто хотел знать больше, шёл в библиотеки, архивы, совершал самостоятельные путешествия в какие-нибудь глухие, позабытые уголки. Мы узнавали столько нового, необыкновенного, что людям, способным изложить свои мысли на бумаге, не терпелось поделиться с другими новоприобретенными сведениями, открытиями. Рождались книги, статьи, очерки, часто ещё незрелые, недоношенные, но и они читались взахлёб. И мы становились своего рода просветителями, открывали людям глаза на прошлое, помогали очищать его от советских идеологических стереотипов, восстанавливать правду.

Славное было время! Наш очерк посвящён одному из ярких его деятелей, бывшему в первых рядах когорты просветителей той незабываемой поры.

До сих пор мне хорошо памятен день, когда состоялось это знакомство – одно из самых счастливых для меня, сыгравшее немалую роль в моей литературной судьбе, и само по себе счастливое, потому что дало мне возможность общения с замечательным человеком.

...В последних числах февраля 1979 года, ярким днём, когда солнце уже светило и снег сверкал почти по-весеннему, я приехал в Тулу, чтобы в тамошнем Приокском книжном издательстве договориться о выпуске небольшой задуманной мною книжки, посвящённой известному писателю и учёному конца XVIII – начала XIX века туляку Андрею Тимофеевичу Болотову, точнее его деятельности, как мастера садово-паркового искусства, и истории создания им Богородицкого парка.

Не без труда на глухой улице, засыпанной снегом, среди домов индивидуальной застройки я разыскал издательство. Оно располагалось в невзрачном патриархального вида здании с нижним кирпичным и верхним бревенчатым этажами. Как часто я потом буду с благодарностью вспоминать и эту улицу, и этот дом!

В издательстве, в одной из комнат нахожу троих мужчин, беседующих, как мне показалось, на отвлечённые предметы. Говорю о цели моего визита, о чём собираюсь писать. Они объясняют, что с моей темой следует обратиться к Станиславу Дмитриевичу Ошевскому, заведующему отделом краеведческой литературы, но сейчас его на месте нет, он на семинаре пропагандистов в Доме политпросвещения, а это рядом, я могу туда подойти.

Но я не знаю его в лицо. Как мне его там найти, спрашиваю, и получаю удививший меня ответ: *«Интеллигентного человека всегда можно узнать»*.

И вот я в Доме политпросвета, в помещении перед дверями зала, где проходит семинар. Сижу, наверное, не больше пяти минут, как дверь приоткрывается и выходит человек лет сорока с небольшим, причём именно такой, который очень подходит под определение, данное в издательстве, – типичного интеллигентного облика. Те трое, с которыми я разговаривал в издательстве, выглядели попроще.

Я встаю ему навстречу:

– Вы Станислав Дмитриевич Ошевский?

Дальнейший разговор происходит на ходу, на улице, он ведёт меня в издательство. Я коротко объясняю, что пишу о русском садовом искусстве, имею уже публикации, очень хотел бы сделать книжку о Богородицком парке, творении Болотова.

В издательстве он приглашает меня в комнату своего отдела. Стены сплошь заняты небольшими полотнами, в основном посвященными видам Тулы. Оказывается, это его собственные произведения, он ещё и художник. Картины мне нравятся, в них «что-то слышится родное», говоря словами поэта. Ведь я столько лет прожил в Рязани, а в детстве в Малоярославце, городах той же Центральной России. И написаны полотна хорошо, с душой.

С. Д. Ошевский
за работой

Мы продолжали нашу беседу. Моё предложение его заинтересовало – как и всё, говорит он, что касается Андрея Тимофеевича Болотова (имя, отчество, фамилия подчёркиваются уважительной интонацией). Но дело в том, что болотовской темой занимаются и другие: ленинградский архивист Малеванов, тульский архитектор Уклеин.

Я смиренно возражаю:

– Ну, сначала пусть они напечатаются, а через какое-то время дайте меня.

Некоторое время Ошевский пребывает в раздумье. Затем просит не затягивать со своей работой о Болотове и сразу же переходит к конкретным указаниям. Рукопись должна быть по объёму не меньше четырёх листов, то есть 88 машинописных страниц, и её нужно представить до конца года. С хорошим заголовком, планом книги, это прежде всего, большим количеством иллюстраций.

Ведёт меня к главному редактору издательства. Договариваемся пока о том, что я присылаю план.

Спрашиваю Ошевского: *«А когда будет издана книга?»* Он не даёт определённого ответа. Да, в сущности, и рано об этом говорить, ведь рукописи ещё нет.

Ещё он предупреждает, что нужны две рецензии. Одну даст тот самый Уклеин, о котором он уже упоминал. О второй я должен позаботиться сам.

Длинный перечень данных мне указаний радует: значит, меня восприняли как серьёзного кандидата в авторы. Возвращаюсь домой в Москву в самом радужном настроении.

Началась работа над книгой – далеко не лёгкая для меня, журналиста, привыкшего писать коротко, сжато для газет, а также тонких журналов. Статья или очерк в

10-12 страниц была для меня уже большим материалом, крупнее вещей я не писал. А теперь от меня потребовали как минимум 88 страниц.

Вначале я сумел сделать чуть больше 60-ти страниц и представил их в издательство. Написанное мною было ещё далеко не книгой, но в лучшем случае костяком, основой её. И вот тут я постепенно стал осознавать, как мне повезло с редактором. Он (а также мой московский рецензент архитектор Вергунов) дал мне бесценные советы, за счёт какого материала можно расширить рукопись, чтобы дотянуть ее до нужного объема, и, главное, придать ей больше основательности, весомости. Рукопись была вначале лишь рассказом о создании Богородицкого парка и о Болотове, как мастере садово-паркового искусства. После включения в неё описаний парков пригородов Петербурга и некоторых московских, получился очерк о ландшафтном искусстве России той поры – последней трети XVIII столетия; не большой, но содержательный.

Ошевский очень быстро подметил, что из иных страниц моей рукописи выглядывает бывший газетчик. Он указал мне, что нужно всячески избегать «газетчины». Я, понимая, что он прав, старался изжить в себе это, выправлял места, написанные в стиле периодической печати.

Он стал для меня редактором-другом, и думаю, что не только для меня.

Ошевский всегда уважительно, бережно – хочется сказать, интеллигентно – относился к авторскому тексту, чего, к сожалению, очень не хватало большинству тогдашних редакторов, весьма бесцеремонно, а порой и безграмотно вмешивавшихся в наши рукописи. Вспоминаю редакторов двух московских изданий. Это были

(надеюсь, и сейчас они живы) прекрасные люди. Они хорошо относились к моим статьям, очеркам, хвалили их и печатали, но, Бог мой, до чего мучили, изводили они меня своей правкой. Я к тому времени был уже опытным литератором, материалы сдавал чистенькими, выглаженными, и тем обиднее представлялась мне та ненужная, бессмысленная работа, которую они проделывали над моими статьями. Один из этих редакторов страдал странной манией все причастные обороты переводить в деепричастные и наоборот, а придаточные предложения заменять причастными оборотами. Он считал себя великим стилистом. Другая редакторша вставляла в мой текст «перлы» собственного сочинения, причём некоторые её добавления были такого качества, что потом приходилось краснеть за них перед читателями, оправдываться, что это не моё. Вступать в спор было не только бесполезно, но и опасно. Протест с моей стороны вызвал бы бурю негодования и обид, и меня бы, конечно, отлучили от издания. Слышал я и о редакторах, которые полностью, от слова и до слова переписывали рукописи, отданные им на редактирование. Каково после этого было авторам, и доставляла ли им радость вышедшая книга!?

Ошевский же никогда не трогал мой текст, если в этом не было необходимости, причём все сокращения, поправки вносил не сам, а предоставлял делать их автору.

Надо отметить, что был он при этом и весьма требователен. Указания его я должен был выполнять неукоснительно.

Поскольку я жил в Москве и выбираться в Тулу очень часто не мог, связь с Ошевским мы держали по телефону, а также с помощью активной переписки. Послания его

всегда отличались подробностью и обстоятельностью, он старался не оставлять у адресата никаких вопросов. Некоторые из его писем у меня сохранились.

Вот образец высокой культуры его редакторской работы с автором.

Письмо от 4.03.1981 г.

«Высылаю Вам рукопись с замечаниями.

В той части, о которой мы с Вами говорили по телефону, надо сделать соответствующие изменения. Страницы, на которых сделаны замечания, следует перепечатать и помечать карандашом, чтобы я мог еще раз их посмотреть.

Одновременно посылаю Вам бланк на рецензирование. Надо, чтобы Вергунов (имя и отчество следует в бланке проставить полностью) поставил свою подпись и указал домашний адрес и возраст или наличие детей, дабы избежать излишнего налогового обложения.

По исправлении экземпляры рукописи и бланк на рецензирование (его в первую очередь) вышлите в адрес издательства.

С уважением С. Ошевский.»

Отмечу его постоянное доброе отношение ко мне. В своих письмах он старался подбодрить меня, лишний раз похвалить мой труд.

«Уважаемый Олег Николаевич!

Рукопись Вашу прочитал.

Поработали Вы неплохо.

Замечания, редактирование весьма незначительны».

(Из письма без даты).

Помню после выхода книги «Есть в Богородицке парк» я вначале нервничал, беспокоился, как примет её читатель, а Ошевский успокаивал меня: *«Насчет содержания Вы не сомневайтесь, отлично сделано»* (подчёркнуто им, из письма конца 1984 года).

После выхода моей книжки о Богородицком парке, имевшей, надо сказать, успех, я решил сделать вторую, о жизни А.Т. Болотова. С. Ошевский приветствовал моё намерение и велел торопиться: *«Конечно же, об А.Т. Болотове надо в первую очередь готовить книгу, чтобы в юбилейном 1988 году (250-летия со дня рождения Андрея Тимофеевича – О.Л.) она вышла в свет»* (из письма конца 1984 г).

Рукопись была написана, С. Д. Ошевский одобрил её. Требовалась, как водится, рецензия. Я обратился к большому знатоку деятельности А.Т. Болотова, доктору сельскохозяйственных наук, который уже давно начал реабилитацию этого замечательного человека, считавшегося в советское время реакционером и крепостником.

Рецензент обещал дать отзыв, но очень долго не давал его, а когда написал, то оказалось, что его рецензия – ни то, ни сё. Вначале он похвалил рукопись и её автора, но затем, придравшись к вполне законному, общепринятому выражению «плохие земли», стал доказывать, что плохих земель не бывает и пустился в длинные демагогические рассуждения. В результате, рецензия оказалась скорее отрицательной, чем положительной.

Получив её, Станислав Дмитриевич, конечно понял, чего она стоит, и думал, что понимание проявит и руководство издательства, но вначале было как раз наоборот

Однако ему удалось отстоять мою рукопись. Выход моей книги «Андрей Тимофеевич Болотов» окупил с лихвой все наши волнения и неприятности. Она была хорошо принята читателями. В издательстве радовались. Ошевский же был счастлив, кажется, ещё больше, чем я. Он сожалел лишь о том, что из-за отвратительного типографского исполнения – её печатало Калужское

предприятие «Полиграфист» – книгу нельзя было послать на конкурс.

И снова поддержал меня Станислав Дмитриевич, когда мы выпускали мою третью небольшую книжку «Чёрных машин полёт», очень дорогую мне. Задумал её я давно, но осуществить замысел мог только в последние перестроечные годы, когда разрешили писать уже почти обо всём.

В своём сочинении я поведал о тяжёлых невзгодах, выпавших на долю нашей семьи во время войны, в дни Московской битвы и немецкой оккупации. Описание оккупации вызвало сразу же, как только рукопись была отпечатана на машинке и пошла по кругу, резко противоположные мнения среди читателей – родных и близких. Одни приветствовали мой правдивый рассказ, другим он наоборот решительно не понравился.

Я послал рукопись Ошевскому, не поднимая вопроса о возможности её публикации, а чтобы просто узнать его мнение, которое так ценил. И как же радостно было услышать от него взволнованное:

– *Чудесные воспоминания!*

Моё повествование было близко ему. Ошевский – коренной туляк, а тульская земля также как и калужская, где тогда находился я, была почти вся накрыта волной немецкого наступления осенью 1941 года. Он и его родные, хотя и не оказались под немцами, но те были совсем рядом: бомбежки, обстрелы – всего этого они натерпелись. Сам он, правда, был тогда еще очень мал – четырёх лет (он с 1937 года, а я с 1932), но позднее, конечно, наслушался рассказов о тех страшных днях, и услышанное от очевидцев мог сравнить с официальным освещением событий.

Написанное мною о войне он воспринял всем сердцем. Вскоре мы уже вели переговоры о том, как опубликовать воспоминания. Для отдельной книжки они были маловаты по объёму. Ошевский предложил поместить их в первых двух номерах краеведческого альманаха, который издательство собиралось тогда выпускать. Однако выпуск альманаха, первый номер которого Ошевский уже подготовил, не состоялся. Для издателей наступали чёрные времена, тогда уже всё трещало по швам, рушилось.

В тот моменту меня оставались ещё кое-какие деньги, и я решил потратить их на издание своего сочинения (издания на средства авторов уже практиковались). Пусть оно выйдет в свет хотя бы тонкой брошюрой – так хотелось его увидеть напечатанным. Ошевский горячо поддержал меня, а потом и помогал в издании. Вообще в издательстве были рады получить хоть какую-то «живую копейку». Деньги шли прямо на оплату труда сотрудников, чему они были, конечно, рады, и очень хорошо отнеслись к моему произведению. Но не только по соображениям материального характера. Туляки знали о войне и оккупации не по пропагандистским клише, и они приветствовали наконец-то сказанную правду.

Наша переписка, встречи с Ошевским приобретали всё более дружественный характер. В письмах официальное «уважаемый», сменилось тёплым «дорогой». Приезжая по издательским делам в Тулу, я неизменно находил самый лучший приём с его стороны. Издательство вскоре переехало в приличное помещение, в новом здании, притом рядом с вокзалом, что было очень удобно для меня.

Теперь с сожалением думаю, что в сущности так редки и коротки были наши встречи и беседы с ним. А нам было о чём поговорить. Даже беглый обычно обмен мнениями показывал, как сходились наши взгляды, если не по всем, то почти по всем кардинальным вопросам нашей жизни. Главное же, что нас объединяло, – любовь к русской старине, которой мы увлечённо занимались, разрабатывали, каждый по-своему, свои темы.

Ошевский был человеком разносторонним. По образованию историк (кончил истфак Тульского педагогического института, ныне университета), он работал сначала учителем в школе – в Восточной Сибири, – затем архивистом в Туле, наконец перешёл в краеведческий отдел издательства. Редакторская работа стала его основной специальностью, основным делом, которым он занимался буквально до последнего дня своей жизни.

Но природа одарила его ещё и другими талантами, прежде всего талантом художника. Он с детства увлекался живописью, посещал художественную студию, и, настойчиво совершенствуя своё мастерство, достиг немалых высот. Работая в архиве, в издательстве, он своё свободное время посвящал живописи. Но поскольку по своей основной, дипломной профессии он был историком, историк в нём постоянно и властно заявлял о себе.

Соединение, слияние в нём художника и историка-исследователя – очень удачное соединение! – сыграло важную роль в создании его собственных первых вещей: альбома «Грани тульского зодчества» (Тула, 1983) и книги «Тула деревянная» (Тула, 1990). Вышедшие с промежутком в семь лет, они, тем не менее, были неразрывно связаны между собой, будучи посвящёнными

одной теме – тульской архитектуре, но в сущности гораздо большему.

В альбоме он стремился показать всё, наиболее заслуживающее внимания в зодчестве Тулы, старинного русского города, облик которого складывался на протяжении нескольких столетий. И это удалось ему, несмотря на то, что альбом мог вместить лишь ограниченное число репродукций, всего 54, – малую толику того, что он создал, ведь трудился он над своими тульскими полотнами много-много лет. Тем не менее, благодаря тщательному отбору репродукций, альбом получился цельным, завершённым. В составлении его ясно прослеживался исторический, историко-искусствоведческий подход. Ошевский стремился отобразить архитектуру всех эпох и времён.

Его полотна всегда отличала *художественная документальность*, по удачному выражению В. Уклеина. Альбом «Грани тульского зодчества» оказался более многогранным, чем можно заключить по его названию. Художник сумел сказать в нём о многом и важном.

Издание альбома Ошевского должно было бы стать явлением и удостоиться хотя бы доброжелательных отзывов в печати. Но произошло не так.

Рецензии были тогда труднопроходимым жанром, особенно если они касались книг, альбомов краеведческого направления. Выход подобных изданий, даже очень хороших, замеченных читателями, почему-то не считался культурным событием.

Автор этих строк сделал попытку обратить на альбом Ошевского внимание редакции альманаха «Памятники Отечества», посвящённого изучению старины, развитию краеведения, говорил о необходимости дать на него отзыв. Увы! Моё предложение решительно отклонили.

*Из альбома С.Д. Ошевского «Грани тульского зодчества».
«Улица Версаева. Перспективу замыкает колокольня Всехсвятской церкви».*

Во-первых, сказали мне, художник-любитель (как будто важно это, а не значительность, совершённого им), вторых и в главных, мол, если дать отзыв на альбом одного художника, то это вызовет бурю возмущения со стороны его собратьев по кисти: почему этого художника, да ещё любителя, отметили, а чем хуже другие? Редакция альманаха будет иметь неприятности. Такая вот логика.

Местная же, тульская печать дала рецензию на альбом, но какую! Она пошла на поводу у художников, дружно выступивших против Ошевского, обвинивших его, конечно же, в «непрофессионализме», и отодвинув, таким образом, в сторону вопрос о главном – значимости альбома.

И четверть века спустя, когда Ошевского уже не было в живых, открылась и прошла с большим успехом выставка его картин – к посрамлению его бывших гонителей.

С.Д. Ошевский «Церковь и колокольня Николая Зарецкого в Оружейном пер».

В 1990 году, как уже говорилось, Ошевский выпустил книгу «Тула деревянная». Обильно иллюстрированная и почти такого же формата, как «Грани тульского зодчества», она похожа внешне скорее на альбом. Ошевский и задумал её вначале как альбом, но чтобы вновь «не дразнить гусей» и заметно ослабить огонь критики, сделал так, что она было издана книгой.

Мне удалось опубликовать рецензию на нее в еженедельнике «Литературная Россия» (№ 38 от 21 сентября 1990 г.). Не обошлось без помощи одного крупного журналиста, а моего близкого университетского товарища, работника центральной печати, находившегося в дружеских отношениях с тогдашним, ныне покойным, главным редактором «Литературной России» Э.И. Сафоновым. Вот какие силы были задействованы, чтобы напечатать небольшую рецензию!

Вот как она характеризует книгу:

«Основанная на обширном материале, причём во многом на собственных разысканиях автора, «Тула деревянная» представляет собою сжатое, ёмкое популярное изложение истории деревянной гражданской архитектуры города. Она имеет большое познавательное значение. Немало интересного почерпнёт из неё любознательный читатель. Как развивалось зодчество, как каждая эпоха вносила в него свои требования и вкусы.

С. Д. Ошевский на персональной выставке.

И как при всех сменах влияний, веяний, стилей оставались живы исконные народные традиции».

В начале 90-х годов у нас со Станиславом Дмитриевичем, в основном, закончились издательские дела, наши встречи почти прекратились. Мы лишь изредка перезванивались и обменивались письмами.

Он, как и многие, многие другие, пережил в те годы немало испытаний и невзгод, выпавших на долю нашей пишущей и редактирующей братии.

Но, в общем, судьба оказалась довольно милостивой к нему. В те годы в Туле как никогда расцветает краеведение (это характерно и для многих других мест).

Увеличивается спрос на краеведческую литературу. И кто же здесь мог быть более полезен, чем Станислав Дмитриевич, многие годы возглавлявший краеведческую редакцию, поднаторевший в этом деле.

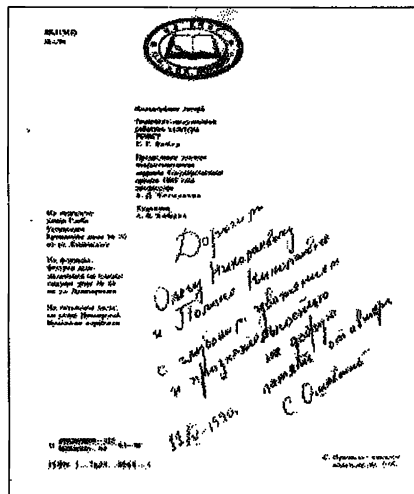

Его бывший непосредственный начальник в Приокском книжном издательстве Николай Кузьмич Кирюхин стал владельцем собственного Издательского Дома, названного в честь героя Куликовской битвы «Пересвет». Он всегда высоко ценил Ошевского, его деловые и человеческие качества, и пригласил сотрудничать. В результате их совместного

труда вышло немало хороших книг.

Ошевский работал и с другими издательствами. Последнее десятилетие его жизни отличалось необыкновенной продуктивностью. Диву даёшься, сколько мог сделать один человек за не такой уж большой срок. Назову лишь некоторые из книг, которым он дал «путёвку в жизнь».

Вот «Сказания русского народа» И.П. Сахарова, замечательного

*Автограф из книги-альбома
«Тула деревянная»
С. Д. Ошевского*

этнографа, туляка. Изданы в 2000 году ещё существовавшим тогда Приокским книжным издательством. На обороте титульного листа читаем: «Составительство и комментарии С.Д. Ошевского»

«Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год» Автор В.А. Левшин, писатель, переводчик, исследователь, посвятивший много лет изучению и описанию Тульского края. Издано в 2006 году издательством

«Пересвет». Снова находим слова «Составление и подготовка рукописи осуществлена С.Д. Ошевским»

«Богородицк», ряд авторов (в создании книги принимал участие и я), Тула, «Пересвет», 2002. Редактор С.Д. Ошевский.

Это лишь самая малая часть того, что он отредактировал, подготовил к печати, а всего таких изданий многие-многие десятки.

Он сыграл исключительную роль в выпуске двух энциклопедических изданий: «Тульского биографического словаря» в двух томах (Тула, «Пересвет», 1996-2003) и «Энциклопедия городов и районов Тульской области» (Тула, «Пересвет», 2000). Он был не просто редактором или даже редактором-составителем. Он находил авторов для статей, обрабатывал и серьёзно перерабатывал их материалы, сам написал многое, работал в архивах.

Ошевский обладал необыкновенным трудолюбием и редкой работоспособностью. Он взялся за неподъёмное, казалось бы, дело – подготовку целых трёх изданий сочинений Н.И. Костомарова (1817–1885 гг.).

Внимание Станислава Дмитриевича давно привлекал этот замечательный русский – точнее русско-украинский историк, бывший почти под полным запретом в советские времена, подвергавшийся гонению и до революции, в XIX веке. Помню, как Ошевский горячо говорил о нем, как об историке, совершенно не обыкновенном, не похожем на других.

Думаю, что участие в издании произведений Костомарова Станислав Дмитриевич возводил в степень своей нравственной обязанности, считая, что каждый культурный человек, любящий отечественную историю,

должен иметь возможность познакомиться с ними. Это и стало, мне кажется, одним из главных побудительных мотивов, заставивших его взять заказ от московского издательства «Мир книги» на подготовку текста – составление и комментирование двенадцатитомного издания сочинений Н.И. Костомарова, объединённых под названием «История Руси Великой».

Он принял на себя тяжелейший труд. Что значит снабдить комментариями 12 томов исторического текста? Каждый том Н.И. Костомарова требовал многих десятков примечаний, занимавших порой до двадцати и более страниц. Теперь помножим это на двенадцать... Такую вот работу проделал Ошевский, а прежде чем начать её надо было ещё обеспечить себя справочной литературой, искать и покупать ее на собственные средства.

Надо добавить, что подготовка текста к изданию не ограничивалась одним комментированием, но включала в себя и многое другое.

«Мир книги» дал очень сжатые сроки для выполнения заказа. Ошевский должен был постоянно торопиться, напрягать все силы. «Он работал, работал, работал», – рассказывала вдова Земфира Аркадьевна Ошевская. – Я боялась, что это скажется на его здоровье...»

Но закончив трудиться над двенадцатитомником для «Мира книги», он принялся за второй заказ на Н.И. Костомарова – на сей раз четырехтомник для издательства «Терра». За вторым заказом последовал ещё и третий. Он выступает как автор книг. В соавторстве с Е.Л. Горбуновым выпускает учебное пособие для школьников-старшекласников «Социальная и экономическая география Тульской области» (Тула, «Пересвет», 2001).

Пишет две книги о городах Тульской области: «Щекино» и «Венёв» (то же издательство, 2004 и 2005).

Его книги отличаются добротностью, основательностью, привлечением огромного количества материала, извлечённого из архивов, литературных источников, строго научным подходом. Однако на последних его работах уже лежит печать усталости.

...Неутомимый труженик, он работал, можно сказать, до последнего вздоха, хотя был уже при смерти, поражённый смертельным недугом. За четыре часа до своей кончины он ещё сидел за письменным столом над рукописью.

Его не стало 7-го марта 2007 года.

Кончина С.Д. Ошевского была по-своему символична. Время, которому он принадлежал, время бескорыстного, честного просветительства, по-видимому, скоро останется в прошлом. Постепенно уходят из жизни люди того времени. Меркнут и его идеалы. И хотя разыскания, открытия продолжаются, но они всё больше носят иной характер. Центр тяжести начинает перемещаться к изучению собственных родословных, своих корней, что далеко не всегда представляет серьёзную познавательную ценность, часто ведёт к неоправданному преувеличению роли малоинтересных личностей и событий. Снижается историко-просветительское значение работ, иные из которых не возвышаются над уровнем простой семейной хроники.

Но это уже другая тема, выходящая за рамки нашего очерка.

Григорий Бабич

Labore et Constantia

О старинной бельгийской типографии

Путешествие в незнакомую страну приобретает совершенно особый оттенок, когда там у вас есть определённая цель или задание, интерес или поручение, к выполнению которого вы будете стремиться. Тогда есть шанс не быть зевающим по сторонам туристом и перемещаться, уткнувшись в карту, и, лишь увидев старинную виньетку на фасаде, тянуться к фотоаппарату.

Предлог к созидательной деятельности меняет угол моего зрения. Тогда я не сторонний наблюдатель, а участник истории сегодняшнего дня. Тогда пройдя через главную площадь, я не увижу застывших декораций, сбежавших из учебника по истории, а почувствую ритм действительной жизни на средневековых улицах.

Так было и в бельгийской поездке ноября 2008 года, где мне посчастливилось оказаться среди других студентов в составе российской делегации, посетившей экслибрисный центр в Синт-Никлаасе. Печатные техники и книжный знак – предмет нашего интереса, подстёгивает глаз видеть всё, так или иначе связанное с экслибрисом, как магнит общей темы притягивает винтики частных. Поэтому нам, конечно, повезло, что в ходе нашей поездки мы посетили музей Плантена и Морету-са в Антверпене, но повезло закономерно.

Это уникальный в своём роде памятник – типография и жилой дом XVI–XVII веков с позднейшими пристройками. Над входом в архитектурный ансамбль – рельеф,

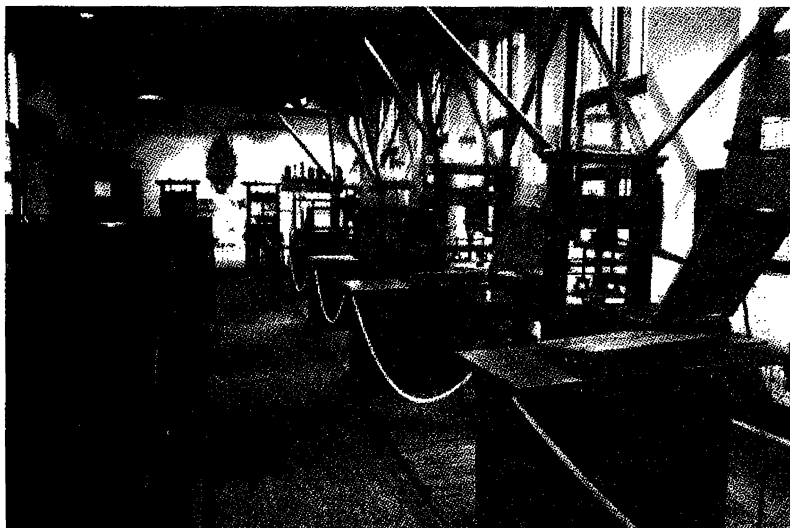

изображающий логотип компании – рука с циркулем и девиз в картуше – «Labore et Constantia» (Трудом и Постоянством). Эти слова попали точно в яблочко, если принять во внимание, что одна семья, руководствуясь ими, управляла типографией на протяжении трёх столетий. Имя её основателя – Кристофа Плантена (1514–1589 г.г.) занимает особое место в истории книгопечатанья, несмотря на то, что в эту профессию его привёл несчастный случай. Изначально он переплетал книги, а также работал по коже, и был уже довольно известен в Антверпене, хотя перебрался сюда из Франции сравнительно недавно. Заказы поступали к нему уже от королевского секретаря. Но однажды вечером (1555 г.) Плантен стал жертвой пьяных гуляк, принявших его за кого-то другого. Серьёзное ранение в плечо лишает его дальнейшей возможности тяжёлой ручной работы. И всё же он решает не бросать книжное дело и пробует себя в качестве типографа. Успех скоро приходит к нему и не оставляет на протяжении последующих 30 лет. Результат – около полутора тысяч изданий, среди которых множество определивших своё время.

Шедевр Плантена – многоязычная Библия (Biblia Poliglotta) с параллельными текстами на латинском,

Издательская марка с портретом Кристофа Плантена. Гравюра на меди

*Печатная мастерская.
Фото автора 2008 г.*

греческом, еврейском, сирийском и арамейском языках. Восемь тяжёлых томов, работа над которыми заняла около пяти лет (1568–1572 г.г.). Сам Филипп II финансировал производство и щедро вознаграждал типографа – тот получил своего рода монополию на издание священных и духовных книг для территории Испании и её колоний. Таким образом, уже было обеспечено процветание семейного дела, перешедшего после смерти Плантагена к его зятю Яну I Моретусу.

Но это ещё далеко не всё. Печатня того времени – просветительский центр, с которым так или иначе были связаны важнейшие люди искусства и науки.

Мы в большой гостиной на первом этаже жилой части дома – это галерея портретов кисти Питера Пауля

*Спасение книг от пыли.
Фото автора 2008 г.*

Рубенса: Плантен, Ян Моретус, его сын Балтазар – третий хозяин типографии, друг детства Рубенса. После возвращения художника из Италии, их дружба становится основой для плодотворного сотрудничества. По рисункам Рубенса было нарезано множество гравюр на меди, украсивших книги издательства. Вместе, художник и типограф, разработали новый стиль оформления книг, – на титульные страницы вылезли барочные фигуры – персонификации абстрактных качеств и тем произведения. Вскоре это модное поветрие захватило всю европейскую книгу.

Пройдя через внутренний дворик, можно попасть в другую часть дома, и в комнату, где временами жил и работал друг Моретусов – знаменитый гуманист Юст

Липсий, труды которого были отпечатаны на здешних станках. Сама типография располагается в комнате рядом – огромная, ярко освещённая зала. В ряд стоят несколько прессов XVII–XVIII веков, вполне готовых к работе, а также станок для глубокой печати. У другой стены громоздятся шрифтовые кассы, а в углу, как два стражника, замерли станки рубежа XVI–XVII веков – самые старые сохранившиеся печатные прессы в Европе.

На втором этаже выставлены некоторые гравированные доски (всего в коллекции музея их около 15 тысяч), медные пластины (около 3 тысяч) и оттиски с них. Пройдя через шрифтолитейный цех, мы оказываемся в знаменитой библиотеке, собирать которую стал ещё Кристоф Плантен. Теперь она насчитывает 30 тысяч томов, среди которых 150 инкунабул, более 600 манускриптов (самый ранний – IX века). Здесь же выставлена 36-строчная Библия Гуттенберга – единственная в Бельгии и одна из 17 дошедших до нас.

Как удалось донести это наследие сквозь века? *Labore et Constantia!* В одной из комнат библиотеки мы увидели, как тщательно следят за сохранностью древних фолиантов – аккуратнейшая тётушка в перчатках миниатюрным устройством дотошно продувала старинные страницы.

Правда – девиз действует здесь и поныне, хоть в руке у этой женщины была трубка пылесоса, а не циркуль...

Personalia

Виталий Бакуменко

Памяти первого главного редактора «Альманаха библиофила»

Известный русский писатель, литературный критик и общественный деятель Евгений Иванович Осетров (1923–1993 г.г.) вошёл в историю отечественной литературы XX века не только как автор замечательных книг, но и как активный организатор издательского дела в Москве.

Евгений Иванович Осетров родился в старинном русском городе Костроме. Он принадлежал к тому трагическому поколению, которое приняло на себя основной удар Великой Отечественной войны. Сразу же после окончания десятилетки ушёл на фронт и Евгений Осетров. Принимал участие в боях на Смоленской земле, форсировал Десну и Днепр. Воевал достойно, поскольку был награждён орденом Отечественной войны 1-й степени и многими боевыми медалями. А уцелел потому, что был тяжело ранен и контужен под Гомелем и демобилизован.

После продолжительного лечения Евгений Осетров начал работать журналистом – сначала в костромской

газете «Северная правда», затем во владимирской газете «Призыв».

Многое связано в жизни и творчестве Е.И. Осетрова с владимирской землёй. Здесь вышли и первые книги писателя. Об этом он сам рассказал в одной из лучших своих новелл «Встречи с Андреем Рублёвым»: «В пятидесятых годах я жил во Владимире. По журналистским делам мне постоянно приходилось ездить по городам и весям старой владимирской земли, о которой академик Н.П. Кондаков писал в своё время, что нигде в России искусство не внедрялось столь глубоко в народную жизнь, как здесь. Даже названия городов междуречья Оки и Волги звучат как напоминания о поэзии исторического прошлого: Владимир, Суздаль, Муром, Гусь-Хрустальный, Александров, Юрьев-Польский... Каждый город, чуть ли не любое селение имеет своё неповторимое лицо, свой силуэт, редкостные архитектурные памятники, памятные места, упоминается в летописи, народной песне, в былине или в жизнеописаниях выдающихся личностей...

Я полюбил тихую извилистую Клязьму, её омуты и песчаные берега, приречные дубравы и ивняки, полюбил воспетый поэтами владимирский откос, откуда открывается вид на муромские леса, Козлов вал,

Худ. А. Калашников

Худ. А. Калашников

покрывающийся весной белым вишнёвым цветом, белокаменные Успенский и Дмитриевский соборы, Золотые ворота, Княгинин монастырь...»

Подобные признания можно встретить в каждой вещи писателя. Особенно ярко запечатлел Е. И. Осетров свои находки и маленькие открытия на владимирской земле в «Записках старого книжника».

Так, уже первый очерк «Мелодия старинных курантов» начинается сенсационно: «Однажды знакомый художник

сказал: «В Собинке, в одном доме, хранятся часы писателя Александра Сергеевича Грибоедова и другие интересные вещи».

Следующий этюд – «Портрет» содержит такое сообщение: «В городе Муроме, в фондах местного музея, краевед Иван Петрович Богатов, рассматривая старинный альбом, обратил внимание на портрет (карандаш), в котором узнавался облик великого баснописца. Краткая подпись на французском языке под портретом гласила: «Крылов». Указывалась дата создания портрета: «1816».

Следующий очерк – «Шкатулка Арины Родионовны», ведёт нас в город Судогду. В нём идёт речь о шкатулке, принадлежащей няне Пушкина. Длинный путь от одного поколения к другому проделала шкатулка, которую подарил Арине Родионовне поэт Николай Языков.

Эта резная дубовая шкатулка бережно хранилась на владимирской земле, прежде чем была передана Пушкинскому заповеднику в Михайловском, где и поныне её можно видеть в экспозиции музея.

Особый интерес вызывает очерк Е.И. Осетрова «Трубы воинской славы». Писатель поведал о том, как энтузиаст из Вязников Николай Петрович Рождественский, изучая рукописную книгу «Стоглав»,

Худ. В.Васильев

ярко рисующую колоритные картины из жизни времён Ивана Грозного, обнаружил вшитую в неё «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Написанная в XVI веке повесть – не только важное историческое свидетельство, но и произведение с яркими художественными достоинствами. Повесть была известна и раньше, но в Вязниках обнаружился её самый ранний список. О находке было сообщено в Академию наук СССР. И когда встал вопрос об издании повести, учёные обратили самое серьёзное внимание на редакцию, обнаруженную в Вязниках. В предисловии это отмечено отдельно: «В основу настоящего издания положен список Вязниковского районного музея Владимирской области, № 1453, как старший и наиболее исправный».

Открытие «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» – неединственная заслуга вязниковских краеведов. Здесь проведены работы по составлению

Худ. В. Васильев

научного описания славяно-русских рукописей и старопечатных книг, хранящихся в библиотеках Вязниковского и Мстёрского музеев. Это описание показывает, какой сокровищницей памятников отечественной письменности, в особенности XV и XVI веков, обладают музеи владимирищины.

Подобные примеры можно ещё долго приводить: лучшие страницы книги «Записки старого книжника» связаны с владимирским краем. Столь красочных и богатых фактическим материалом краеведческих вещей автору больше не удалось написать. В столице Е.И. Осетров был слишком отвлечён другими заботами и работой иного характера. Может быть, поэтому писатель до конца дней испытывал ностальгические настроения, грусть о безвозвратно ушедших годах жизни и творчества в одном из прекрасных старинных русских городов на Клязьме.

Приняв приглашение стать первым заместителем главного редактора еженедельника «Литература и жизнь» (ныне «Литературная Россия»), Евгений Иванович Осетров поселился в Москве. За три десятилетия жизни в столице он был редактором отдела литературы и искусства газеты «Правда», членом редколлегии «Литературной газеты» и «Книжного обозрения», а последние двадцать лет – первым заместителем главного редактора журнала «Вопросы литературы» и

одновременно главным редактором «Альманаха библиофила».

Более двадцати лет Евгений Иванович Осетров был председателем Клуба книголюбов в Центральном Доме литераторов. Сколько он сделал добра на этом поприще! Библиофильская Москва никогда не забудет выдающегося вклада увлечённого библиофила! Этот подвиг писателя и обществен-

ного деятеля увековечен очень достойно: созданный Е.И. Осетровым Клуб книголюбов в ЦДЛ носит имя своего основателя и бессменного председателя.

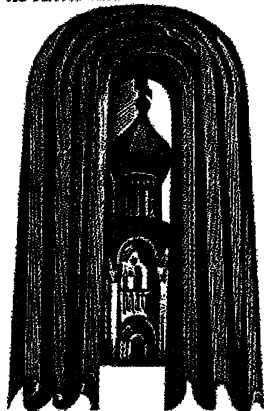
При огромной занятости редакторской и общественной деятельностью Евгений Иванович Осетров находил время для писательской работы. У него часто выходили книги по истории отечественной культуры. Лирические новеллы «Живая Древняя Русь», сборник литературно-критических статей «Познание России», монографии, посвящённые «Слову о полку Игореве», поэзии Твардовского, Рыленкова, Исаковского, книга «Твой Кремль», роман-исследование «Три жизни Карамзина», этюды о русской лирике «Голоса поэтов», повествование, посвящённое живым художественным ценностям Древней Руси «Родословное древо» – вот далеко не полный список только наиболее известных книг талантливого писателя.

Худ. А. Калашиников

КНИЖКА ЕВГ. ОСЕТРОВА

Худ. А. Калашников

Много лет посвятил Евгений Иванович Осетров исследованию шедевра Древней Руси – поэме «Слово о полку Игореве». Никогда не затеряется в огромном море литературы, посвящённой великому памятнику древнерусской литературы, его замечательная книга «Мир Игоревой песни».

Но самый главный памятник Е.И. Осетров воздвиг тем, что основал долгожданный отечественными книголюбями «Альманах библиофила». Целые пласты русской культуры, литературы, искусства увековечены в 28 выпусках «Альманаха» под редакцией писателя. Выпуск в свет этого примечательного издания осуществляло московское издательство «Книга». Именно такой главный редактор, соединявший в одном лице писателя, литературного критика, публициста, журналиста, библиофила, коллекционера, знатока искусства графики нужен был этому популярному изданию. Слава Богу, в XXI веке нашлись энтузиасты, которые продолжили начатую Евгением Ивановичем работу и «Альманах библиофила» начал выходить в свет. Это самая лучшая дань памяти замечательного писателя и подвижника на ниве русской культуры.

Увековечили память о выдающемся библиофиле Евгении Ивановиче Осетрове и наши крупные мастера искусства экслибриса. Для обширнейшей библиотеки писателя замечательные книжные знаки создали Анатолий Калашников, Валентин Васильев, Владимир

Марьин, Владимир Семёнов, Владимир Савельев и другие. Особенно дорожил писатель экслибрисами, которые ему выгравировал большой мастер искусства ксилографии, Заслуженный художник России Анатолий Иванович Калашников (1930–2007 г.г.). Он был самым любимым графиком Евгения Ивановича Осетрова. Не случайно именно Калашников стал по сути дела полноправным соавтором писателя в создании таких незаурядных книг Осетрова как «Золотой ключ» и «Записки старого книжника». Эти книги наполнены таким количеством гравюр и экслибрисов художника, что они невероятно обогащают их новым смыслом и содержанием.

Евгений Иванович Осетров по-настоящему любил искусство экслибриса и знал в нём толк. Писатель часто писал статьи и очерки на экслибрисные темы. Даже свою книгу «Записки старого книжника» он открывает оригинальным вступлением – «Речь книжного знака». Этот своеобразный «монолог» начинается весьма красноречиво: «Я – Книжный знак, много лет украшающий книги...»

Наша статья посвящается 85-летию со дня рождения Евгения Ивановича Осетрова. В качестве иллюстраций данной статьи мы помещаем книжные знаки, которыми чаще всего любил украшать книги своей библиотеки тонкой души человек, посвятивший служению Книге и Познанию России всю свою достойно прожитую жизнь.

Анатолий Ракитянский

Художник и экслибрис. Попутные заметки

Что-то стало с нашим временем. Оно определяет свой стремительный отсчёт уже не одним, а скорее пятью, десятью годами.

Елена Антимонова ушла от нас 3 октября 2002 года, и прошло уже несколько лет, а нам всё кажется, что мы её встретим на каком-либо художественном вернисаже или увидим новые её работы на различных выставках, купим книгу с её иллюстрациями или встретимся на очередном Конгрессе FISAE.

Елена Антимонова родилась 15 сентября 1945 года в Тбилиси, но по-настоящему своим родным городом считала Ригу: здесь она училась в школе, здесь в 1971 году окончила Латвийскую Академию художеств по классу живописи, здесь состоялись её многие персональные выставки. Кроме Латвии, её работы также экспонировались в Швейцарии, Финляндии, Японии, России, Германии, Дании, Франции и в других странах.

В июне 1998 года на выставке в магазине «Русская книга», где мною был представлен «А.С. Пушкин в экслибрисе и миниатюрных книжных изданиях», посетителей было много. Интересные и примечательные общения и встречи. Одна из них – с Леной Антимоновой. Поначалу вроде бы простой разговор как-то незаметно перешёл в интересную беседу, продлившуюся больше двух часов. Говорили мы о книге, о современном книгоиздательстве и о насущных проблемах по этой теме. Беседа была примечательной ещё и тем, что этот

разговор состоялся накануне выхода альбома «Елена Антимонова. Портрет художника».¹

Имя этой художницы я впервые услышал ещё в 60-е годы от И. Малера, замечательного знатока книги и настоящего поэта по образу мыслей и всему, что относится к искусству. Елена в 1967 году выполнила для И. Малера один из первых своих книжных знаков, а с ним мы были знакомы давно. Вместе посещали отчётные студенческие выставки в Академии художеств, не пропускали ни одной выставки графики в Доме художника и, разумеется, бывали на всех выставках живописи в Художественном музее. Его мнением я очень дорожил и прислушивался к нему.

Вторым этапом моего знакомства с творчеством Антимоновой была книга Станислава Рубинчика «Рукопись, найденная в саквояже»,² проиллюстрированная её рисунками, которые очень хорошо вписались в контекст содержания о поиске пропавшей библиотеки замечательного библиофила, коллекционера и писателя Сергея Рудольфовича Минцлова. Но в более тесное наше знакомство переросло на встречах в середине 80-х в клубе «Библиофил» и на ежегодных выставках графики. Позднее я несколько раз побывал в замечательной мастерской Лены, которая находилась в самом центре Риги. Она в отличие от тех, что я видел до этого, показалась мне особенной. Под самой крышей – полукруглое окно во всю фасадную сторону давало много света. Весь интерьер чем-то напоминал сцену театра и его подмостки. Свою мастерскую Елена не раз изображала в графических работах. Есть она и на многочисленных фотографиях В.Михайловского.

В середине 90-х именно в этой студии у нас состоялся разговор с Леной об издательских секретах. Она, зная о

Худ. Е. Антимонова

том, что я хорошо знаком с полиграфией и издательским делом, в долгой трёх-четырёх часовой беседе дотошно расспрашивала обо всех нюансах этого направления. Её интересовало буквально всё: от замысла книги и авторских прав на рукопись до всей кухни редакторско-издательской деятельности и последовательности полиграфических процессов. Тогда же я узнал, что ей хотелось не только пассивно участвовать в издании книг как художнику, но быть автором, составителем, редактором и издателем, что в полной мере удалось. Достаточно взглянуть на книжную полку, где рядом стоят три альбома: два из серии «Портрет художника»: «Елена Антимонова», «Артур Никитин» – и совершенно уникальный

Худ. Е. Антимонова

альбом, выпущенный к 800-летию Риги, «Портрет Старого Города» в рисунках, графике, живописи различных художников. Были и ещё два издания, посвящённые истории латышского экслибриса в XX веке.

А вот ещё одна памятная наша последняя встреча. Как-то раз в её прекрасной студии мы начали разговор о художниках Прибалтики. На журнальном столике оказалось десятка два альбомов и каталогов. Выяснилось, что у нас практически совпадают имена тех, чья графика нас интересует: Л. Лыхмус, Р. Кальо, Э. Окас, (Эстония); Р. Зариньш, С. Видберг, Н. Пузыревский, З. Зузе, (Латвия); В. Якштас, А. Чепаскас, М. Люгайла, (Литва). В какой-то момент она не захотела далее вступать в дискуссию со мной, и я услышал такую фразу: «Но вот завтра или спустя какое-то время у меня в обойме вполне могут появиться и другие имена». Сюрпризом того дня был быстрый эскиз с натуры. Я и не заметил, когда она успела его сделать. Для меня это было столь неожиданно, что я, не смог его даже разглядеть по-настоящему и похвалить, потому что рисунок быстро исчез в папке с возгласом: «Ну, мы к нему ещё вернёмся». Вернуться не удалось.казалось, впереди сама вечность. Но вечности не было. А тот рисунок уже потом великодушно мне преподнес Володя, супруг Лены.

Каждый год проходят в Риге выставки нашего замечательного художника Елены Антимоновой. Интересен факт: у Лены было много друзей и знакомых, но в жизни они часто не пересекались и даже не всегда были знакомы между собой. Тем удивительнее, что на выставках, посвящённых её творчеству, встречаются совершенно разные люди, рассказывающие друг другу истории с волнующими моментами почти такими же, как случались и с тобой. Уже несколько раз можно было услышать фразу среди людей, увлечённых графикой и экслибрисом, похожую на ту, которую когда-то произнёс Вениамин Худолей: «...Мы помним тебя Лена». Так было на Международном Конгрессе экслибриса (FISAE) в швейцарском курортном городке Нионе, расположенном вблизи Женевы; так было в Вологде на Первом Всероссийском конгрессе экслибриса. Не забывают её и в Москве. 27 апреля 2007 года в Музее экслибриса МСК прошла памятная выставка графики и экслибриса из собрания С. Вуля, которую предоставил Е.П. Жарницкий, а также из коллекции семьи художника и моей. Можно было увидеть её работы совсем недавно и на 21-ой Московской международной выставке-ярмарке на ВВЦ в зале пресс-конференций.

Жизнь художника в искусстве и памяти друзей продолжается!

Примечания

1. Елена Антимонова. Портрет художника. Галерея «ЛАРА». Рига, 1998.
2. Рубинчик С.Л. Рукопись, найденная в саквояже. Художник Елена Антимонова. «Лиесма», Рига. 1978.

Ю.С. Бородаев

О жизни, о себе, об экслибрисах

К 85-летию со дня рождения

Родился я 29 ноября 1923 г. в Москве. До войны успел окончить 9 классов средней школы. В первые месяцы войны мобилизован для рытья противотанковых рвов в Смоленской области. Призван в Красную Армию 25 октября 1941 г. Служил первый год в аэродромных ротах Кинешмы и Иваново, где собирались самолеты, присланные по лендлизу – английские Харрикейны и американские Кобры. Затем направлен в Ивановское стрелково-пулемётное училище, которое не окончил, будучи послан вместе с подавляющим числом курсантов на Донской фронт (начало Сталинградской эпопеи). Участвовал в боях под Ворошиловградом рядовым-миномётчиком. В декабре 1942 г. был впервые ранен (тяжёлое пулевое ранение в руку). После госпиталя воевал на Калининском, Белорусских и Прибалтийских фронтах в стрелковых полках в разное время в качестве миномётчика, наводчика противотанкового орудия и, наконец, с середины

1944 г. полкового переводчика немецкого языка. За этот период был дважды ранен (легкие осколочные ранения в ногу и руку). На фронте награждён медалью «За отвагу». Позднее награждён орденом «Отечественной войны 1-ой степени» и многими медалями, как и все ветераны. Демобилизован осенью 1945 г. Окончив 10 класс в школе рабочей молодежи, в 1946 г. поступил на геолого-почвенный (позднее геологический) факультет МГУ. После окончания факультета в 1951 г. принят в аспирантуру, которую завершил защитой кандидатской диссертации, посвящённой особенностям оруденения Тетюхинского свинцово-цинкового месторождения в Южном Приморье. Оставлен на кафедре «Геологии и геохимии месторождений полезных ископаемых» сначала в должности ассистента, затем доцента, в коем звании работаю по сей день. Читаю лекции по геологии месторождений полезных ископаемых и веду практические занятия по рудной микроскопии (минераграфии). 21 декабря 1998 г. Учёным Советом МГУ мне присвоено Почётное звание «Заслуженный преподаватель Московского университета». Результатом исследовательской работы явились 290 публикаций (монографии, учебники, статьи в русских и зарубежных изданиях). С моим участием открыто 7 новых минеральных видов. В мою честь назван новый минерал бородаевит, найденный в Забайкалье.

Увлечение книгой началось ещё в раннем детстве под влиянием отца, который ещё до войны передал мне свою небольшую коллекцию экслибрисов и издательских марок. Серьёзное собирательство экслибрисов и их изучение началось с 1950-х годов, когда я начал переписываться и обмениваться знаками с Б. Вилинбаховым, Г. Ивенским, Я. Бердичевским и другими известными

коллекционерами. В начале 60-х гг. была организована секция экслибриса при Московском городском обществе коллекционеров (МГОК), в работе которой я принимал активное участие. Там я сделал свои первые доклады, посвящённые книжным знакам А.К.Пожарского и А.П.Радищева. В 1965 г. секция была реорганизована в Московский клуб экслибрисистов, заседания которого я неизменно посещал. Мой первый доклад

Худ. А. Скворцов

в МКЭ был посвящён экслибрисам Австралии (1974 г.), затем Болгарии и Японии (по материалам личных сборов во время научных командировок в эти страны). В последние годы активной работы в МКЭ был избран секретарём клуба. В 2007 г. избран в новый состав Совета Российской ассоциации экслибриса Международного союза книголюбов.

Некоторые сведения о моей дальнейшей лекционной и выставочной деятельности в МКЭ и Музее экслибриса. Результатом изучения имеющихся у меня в коллекции каталогов выставок Международной ассоциации экслибриса в Лос-Анджелесе (США) (1927–35 гг.) явились сообщения, сделанные в МКЭ и в Ленинградском клубе экслибрисистов и любителей графики. Доклады сопровождались демонстрацией экслибрисов (из моей коллекции), которые соответствовали знакам, посылавшимся

Худ. В. Усолкин

советскими художниками в Лос-Анджелес. На заседаниях МКЭ делал доклады на различные темы: «У.Г. Иваск – художник экслибриса» (с демонстрацией всех знаков его работы), «Афоризмы на экслибрисах», «История российских издательских марок» и др. Тематическая часть моей коллекции: «Экслибрисы геологов и геологических учреждений» – дала

возможность сделать соответствующие доклады в Москве и Ленинграде, а также опубликовать статьи, в том числе в самом первом номере журнала У. Батлера «Bookplate International» (1994 г.). Сейчас завершаю работу над каталогом экслибрисов геологов России, в котором помимо описания самих экслибрисов и их воспроизведения приводятся биографические данные об их владельцах.

Мною совместно с М.Б. Горнунгом было организовано несколько тематических выставок в Музее экслибриса МСК (на базе собственных собраний): «Москва в экслибрисе», «Русский военный экслибрис», «Москва и москвичи в книжном знаке».

В 1995 г. участвовал в Международном экслибрисном конкурсе (Белград) и получил (в числе 10 участников конкурса) «Diplom of merit» за серию экслибрисов, сделанных для меня разными художниками на геологическую тему и комментарии к ним.

Опубликовал четыре статьи в журнале «Гербовед» о геральдических знаках русских военных, флотоводцев, военных учреждений и экслибрисах семьи Николая II. За активное участие в журнале «Гербовед» Всероссийское геральдическое общество, членом которого я являюсь, наградило меня медалью «За заслуги».

Наряду с экслибрисами активно собираю книги по экслибрису, повременные издания в виде повесток и приглашений на соответствующие заседания и выставки, афиш, а также статей по книжному знаку в журналах и газетах (все собранные газетные вырезки переданы в Музей экслибриса). Мною собраны все заметки и статьи из «Книжного обозрения» за период с 1966 г. (с начала выхода первого номера) по 2003 г., когда материалы по экслибрису прекратили печататься. Все заметки расклеивались на листы бумаги, которые переплетались в отдельные тома. Что касается русских книжных изданий по экслибрису, то собрание оказалось довольно полным. Например, из 81 издания, вышедшего до 1940 г. и указанного в библиографическом справочнике М.Ю. Панова, у меня отсутствует только 7 номеров.

Увлечение собиранием и изучением издательских марок вылилось в серию публикаций в печати: две статьи в журнале «Книжное дело», статья в энциклопедии «Книга» (1999 г.) (совместно с Ю.Ф. Шульцем), а также книга (совместно с Ю.П. Марцевичем) «Русские издательские и типографские марки, ярлыки книгопродавцев и переплётчиков» (2003 г.).

Последняя публикация – книга «Художественные книжные знаки государственных и общественных организаций СССР. 1918–1955 гг.» (2007 г.), основанная на собственной коллекции и литературных данных.

От редакции:

Поздравляя юбиляра, мы зачастую пишем о нём или большую статью, или маленькую заметку, которые порой выглядят или помпезно, или чересчур скупно, так что герой публикации часто не знает то ли радоваться, то ли огорчаться. Скромный, искренний, бесхитростный простой рассказ Юрия Сергеевича Бородаева о себе оказался нам именно тем материалом, который подходит в наше издание в рубрику «Юбилеи». Как говорится, ни убавить, ни прибавить. Достойная жизнь, замечательное творчество...

Редколлегия «Альманаха библиофила» и все читатели с большим удовольствием и радостью поздравляют Вас, Юрий Сергеевич, с замечательным юбилеем. Здоровья Вам, живите долго, творите много. Пусть Ваши замечательные коллекции растут на благо библиофилам, коллекционерам, художникам экслибриса, одним словом, всем книголюбам.

In memoriam

Олег Ласунский

Родная душа

Памяти М.А. Грузова

В последние годы Организация российских библиофилов (далее – ОРБ) понесла невосполнимые потери: Всеволод Тарноградский, Вениамин Худолей, Владимир Лобурев... Теперь вот Михаил Грузов (скончался 11 октября 2008 г. в возрасте шестидесяти пяти лет). Уходят ветераны, остававшиеся до последней минуты в строю, сохранившие верность изначальным идеалам нашего вольного содружества. Каждый из них уже стал для нас легендой.

На сей раз ничего, казалось бы, не предвещало несчастья: Михаил Андреевич Грузов, сам медик по образованию и по роду занятий, чувствовал себя вполне нормально, смотрел вечернюю телевизионную программу (наверное, любимый американский боевик). Смерть настигла его внезапно, сразила наповал. Не выдержало брненное тело: ведь ему пришлось немало в жизни потрудиться. Фамилия у Миши была говорящая: он

никогда не избегал грузов, особенно книжных. На наши ежегодные ОРБ-эшные «посиделки» он являлся с туго набитыми сумками. Ему доставляло огромную радость презентовать приятелям новинки своего любительского издательства «МАГ». Но и коллеги отвечали Грузову тем же, так что киевлянин отправлялся на днепровские берега, волоча на тележке бесчисленные библиофильские дары. Ни одного из врученных ему экземпляров он не оставлял на подоконнике гостиничного номера: кряхтел от тяжести, но покорно влачил свою неподъёмную ношу. Зато какая это была улада – знакомиться в спокойной, домашней обстановке с дружескими подношениями!..

С М.А. Грузовым я впервые увиделся летом 1982 года, когда приезжал в столицу братской славянской республики по приглашению Якова Исааковича Бердичевского: в Музее русского искусства открывалась выставка его совершенно блистательной «пушкинианы». После вернисажа мы шагали по благоухающему вечернему Киеву тёплой компанией (сам виновник торжества, Миша Грузов, Витя Киркевич, ещё кто-то) и беседовали на различные коллекционерские темы, вернее, говорил преимущественно Яков Исаакович, а остальные восторженно глядели ему в рот. Не помню, о чём именно шла речь, не забылось лишь само ощущение какой-то праздничной атмосферы.

В январе 1990 года М.А. Грузов и В.Г. Киркевич (они вечно шутивно подкалывали друг друга) прибыли в Воронеж на учредительную конференцию Всероссийской ассоциации библиофилов. Её делегаты жили в лучшей местной гостинице «Россия», и я часто заглядывал в номер к киевлянам, которые щедро потчевали меня чаем

Я.И. Бердичевский, М.А. Грузов (справа)

и кое-чем покрепче. Заседания проходили в областной библиотеке, дебаты были довольно жаркими. Миша Грузов, натура необычайно деятельная, без колебания поддержал намерения инициаторов форума создать в стране самоуправляемое библиофильское сообщество. В своём страстном выступлении (южный темперамент так и выпирал из оратора) он убеждал делегатов без всякого промедления основать независимое всебиблиофильское товарищество и тотчас придать его работе первичное ускорение (на заре горбачёвской перестройки словечко «ускорение» не сходило с уст).

Но Грузов не был бы самим собою, если бы только вещал истины с трибуны. Он и сам, засучив рукава, принялся укладывать камни в фундамент Всероссийской ассоциации библиофилов (позднее она стала называться

ОРБ). Миша всегда подчёркивал, что относится к категории членов ОРБ «первого призыва». А ещё гордился тем, что был единственным из членов Организации, кто не пропустил ни одного из её восемнадцати ежегодных собраний. А ведь ездил он всегда за свой счёт и с тревогой за оставленных им и нежно любимых домочадцев. На последней встрече в Кирове (май 2008 года) за эту исключительную верность библиофильскому братству Грузов был удостоен медали Международного союза книголюбов имени русско-украинского первопечатника Ивана Фёдорова. При всей ироничности своего мировосприятия Миша вполне серьёзно отнесся к награде, и она стала одной из последних его утех.

М.А. Грузов обладал сильной духовной энергетикой, которая заставляла группироваться вокруг него людей, близких ему по увлечениям. С 1998 года он возглавил клуб «Суббота у Бегемота», существующий при мемориальном Музее М.А. Булгакова (Киев, Андреевский спуск, 13). Заседания часто проходили, помимо тамошней территории, в помещении Музея книги и печати Украины. Грузову удалось сплотить жизнестойкий коллектив соратников: он, если теперь не распадётся, станет ещё одним памятником неутомимому популяризатору книговедческих знаний. К каждому заседанию клуба председатель собственноручно тискал на принтере изящно исполненные билеты: их полный комплект есть ни что иное, как иллюстрированная история клуба. Часто на памятках изображался булгаковский Кот Бегемот – рисунок художника А.С. Мильковицкого (последний создал выразительную графическую галерею портретов завсегдатаев клуба и некоторых его гостей). На ОРБ-эшных «ежегодниках» Грузов непременно докладывал о

том, чем за минувшее время отличились его «субботы». Во всех клубных начинаниях Мише неизменно помогал Анатолий Петрович Кончаковский, наш коллега по ОРБ и отчаянный «булгакофил».

Грузов был потомственным коллекционером. Ещё в детстве отец привил сыну интерес к почтовым маркам и открыткам, а также к литературе на соответствующую тему. СобираТЕЛЬский пыл позднее не только не угас, но превратился в жаркое пламя. Вместе с тем, он отнюдь не мешал карьерному росту М.А. Грузова, защитившего кандидатскую диссертацию и работавшему в одной из медицинских научно-исследовательских лабораторий. Миша пользовался в своём профессиональном кругу уважением и почётом. Но сердцем всегда тянулся к искусству, художествам, печатной старине.

Своим Учителем (именно так, с заглавной буквы) Миша считал Якова Исааковича Бердичевского, обладавшего каким-то магнетическим влиянием на молодую поросль киевских собирателей. Бердичевский действительно сформировал из стоявшего на распутье коллекционера серьёзного книжника, нацеленного на традиционные библиофильские ценности 20-го столетия: поэзия Серебряного века, геральдика и генеалогия, экслибрисистика, русские изящные издания, литература о книгах и книжниках, регионистика. Вслед за наставником Грузов составил превосходную экслибрисную коллекцию, в которой имелось более трехсот гербовых знаков и около тысячи ярлыков и штемпелей. Как и Яков Исаакович, Миша видел в экслибрисе прежде всего владельческую метку, документированное свидетельство реально существовавшей библиотеки. Впоследствии грузовская подборка разошлась по чужим собраниям.

У М.А. Грузова сложились самые доброжелательные отношения с киевскими букинистами и антикварами. Его человеческое обаяние действовало безотказно как на суровых продавщиц, так и на угрюмых товароведов. Приветливый, обходительный в обращении, смешливый, способный разговорить кого угодно, он покорял собеседников ещё и широтой своих сведений из области книжной старины. А когда Учитель и ученик заходили к букинистам вместе, вокруг них тотчас образовывался тесный кружок и, в сущности, происходил очередной мастер-класс для сотрудников магазина.

В постсоветскую эпоху собирательские интересы у М.А. Грузова заметно изменились. Поветрие на раритетную украинику коснулось и его. Он без особого сожаления расстался со многими своими реликвиями, зато устроил настоящую охоту за малоизвестными, полузабытыми изданиями по истории родного, уже независимого государства. Я.И. Бердичевский, живший уже в Берлине, но не терявший из виду своих прежних питомцев, сильно сердился на Мишу за его «легкомысленность». Сам великолепный знаток антикварной художественной украиники, Я.И. Бердичевский считал, что Грузов сужает своё поле деятельности и тем самым лишает себя многих собирательских прелестей. Так оно, конечно, и было, да только каждый из нас единолично решает, что ему важнее. Киевлянин выбрал свой путь и отважно двинулся по нему вперёд.

Пребывание в рядах ОРБ предоставляло Грузову уникальную возможность приобретать с помощью коллег литературу, давно исчезнувшую на книжном рынке в самой Украине, но случайно уцелевшую в культурных центрах России. Когда на традиционных ОРБ-эшных

аукционах выставлялись лоты на украинском языке, никто не вступал с Грузовым в ценовое единоборство: это было отчасти своеобразным знаком уважения к его персоне (библиофилы обычно готовы биться до упора за облюбованный лот), но, главное, выражением сугубо рационального начала: лучшего владельца, чем Грузов, для подобных изданий не сыскать.

Кстати, о наших аукционах. Они как-то сразу переросли привычные рамки купли-продажи, превратились в некую интеллектуальную развлекаловку, почти в театральный капустник. Дело в том, что на роль аукционистов быстро выдвинулись два неординарных человека – москвич Артур Павлович Толстяков и Миша Грузов, большие остроловы, балагуры. Они выступали режиссерами и основными исполнителями этого блестящего сценического действия. И тот, и другой отлично ориентировались в мире печатных древностей, оба мгновенно и весело реагировали на колкие реплики из зала, умело «заводили» публику. В результате все присутствующие на торгах становились участниками оригинального спектакля. На аукционах мы лучше узнавали друг друга, да и самих себя. Клокочущий энергией, неистощимый на шутки Миша Грузов, со своим киевским говорком и лукавой улыбкой, был совершенно не отразим. Он приводил нас в состояние, близкое к гипнотическому, и мог сбить с рук самый завалющий товар.

Талантов у этого человека было немало. Обнаружились и чисто литературные способности. Творческий огонёк поддерживал и раздувал в нём Николай Архипович Шудря, видный в Украине публицист, любитель и знаток шевченкианы. Они вместе опубликовали в авторитетных киевских журналах целую серию очерков,

основанных преимущественно на богатствах грузовского собрания... В последние годы Мишу потянуло на мемуары, он написал содержательные воспоминания о своём детстве и отрочестве. Вообще семейные хроники привлекали нашего героя всегда, тем более, что его генеалогические корни уходили вглубь киевской интеллигентской почвы.

Но, как любого библиофила, М.А. Грузова более всего притягивала к себе библиографическая работа. Он мечтал составить подробное, аннотированное описание наиболее примечательных экземпляров из своей библиотеки, а также различных исторических документов и изобразительных материалов. Полагаю, наследники разумно распорядятся судьбой грузовского собрания; насколько мне ведомо, владелец ещё при жизни не раз высказывался на сей счёт со всей определённойостью. И всё-таки до боли сердечной обидно: очередной крупный библиофил покинул земную юдоль, так и не завершив каталогизацию накопленных сокровищ. Ничему не учат нас чужие трагедии!

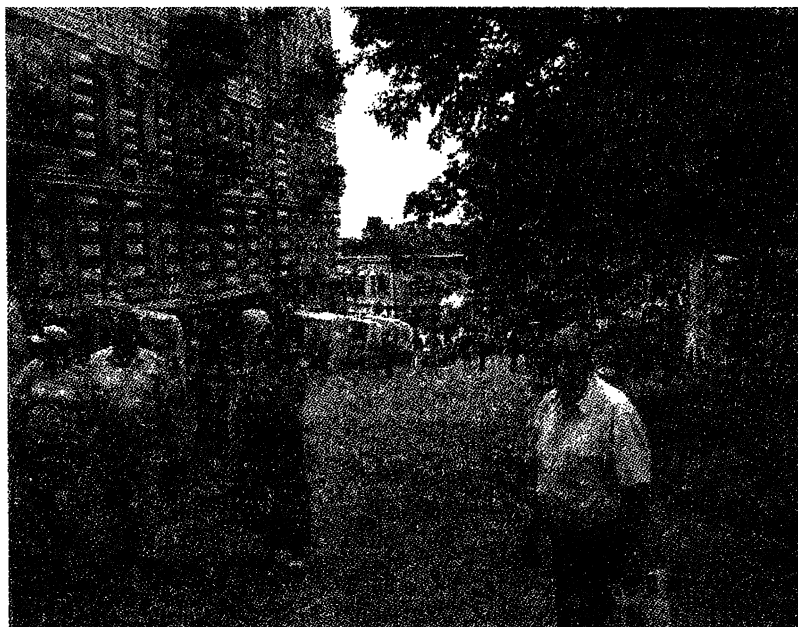
Была у М.А. Грузова одна особинка, которая выделяла его среди товарищей по ОРБ: в нём неистребимо билась издательская жилка. Ранее иных осознав исключительные перспективы новейших множительных технологий, он учредил собственную, в сущности, домашнюю «фирму», в названии которой увековечил самого себя – «МАГ». В своей «скоропечатне» он успел изготовить около тридцати малотиражных книг, брошюр, указателей, буклетов, прежде всего на историко-книговедческие, библиофильские и книголюбские темы. В нём проснулся мастер компьютерного дизайна, его МАГи-ческое искусство покорило библиофильскую среду.

С особым желанием Грузов предавал тиснению стихотворные и прозаические тексты, сочинённые его воронежскими приятелями. С маркой «МАГ» вышли работы В.Ф. Панкратова, А.Н. Акиньшина, автора данных строк. Мише нравилось оказываемое ему воронежцами гостеприимство, и он использовал каждый повод, чтобы проездом или специально побывать в «столице Черноземья».

Один из первых визитов был связан с тем, что я хотел передать Мише целую библиотечку старых, бесспорно, важных для него книг на каком-то западно-украинском наречии: они появились на свет в Галиции. Эти раритеты достались мне от научного руководителя, профессора-филолога, прибывшего в Воронежский университет из Львова – Виктора Александровича Малкина (1910–1996 г.г.). Он оттуда и привёз добытые каким-то образом книги. Профессор просил меня вернуть их в Украину. Более достойного претендента, чем Миша Грузов, для меня не существовало. Он был весьма доволен столь весомым пополнением своей украиники, особенно идеальной сохранности комплектом ранней галицкой газеты «Зоря» (середина XIX века). О жемчужинах западно-украинского раздела своего собрания Грузов часто делал доклады на проходивших во Львове научных конференциях по истории периодической печати. Предметом его заслуженной гордости являлась благоприобретенная книговедческая пресса, выходившая за рубежом в местах скопления украинской диаспоры.

В Воронеже Грузов останавливался то у Виктора Фёдоровича Панкратова, то у меня, но всегда в нашу компанию входил Александр Николаевич Акиньшин,

М.А. Грузов

с которым Миша любил вести потешную словесную перепалку: они ловко подначивали друг друга, и было весело наблюдать за этой забавной умственной игрой. Между прочим, Саша Акиншин, похоже, был последним из ОРБ-эшников, кто общался с Мишей по телефону. Их диалог состоялся за несколько дней до смерти Грузова. Собеседник был бодр, и ничто не предвещало беды. Тем неожиданней стала скорбная весть, донесшаяся из Киева... Мы с Сашей Акиншиным решили посвятить светлой памяти своего друга второе, дополненное издание нашего труда о воронежских дворянских династиях: ведь Мишу, как уже было сказано, всегда занимала историко-родословная проблематика.

Теплые отношения сложились у Миши с поэтом Виктором Панкратовым, который считал для себя великой честью состоять членом грузовской «Субботы у Бегемота». Он действительно выступал (и имел немалый успех) на одном из клубных заседаний, а свой портрет, нарисованный тогда же А.С. Мильковицким, часто воспроизводил на страницах собственных «самиздатовских» буклетов. Виктор, как и остальные воронежцы, побывавшие в Киеве по приглашению нашего героя, останавливался у Миши на квартире, в особняке на улице Рейтарской, 17, и его тоже привечала удивительно милая Мишина супруга – Людмила Михайловна... «Любимец муз и друг хунхузов» (панкратовское определение) часто мелькал в произведениях воронежского стихотворца. Сквозь дымку иронии проступал образ отнюдь не «книжного сухаря», а человека, который сумел гармонично соединить в себе почти языческое поклонение печатной старине с полнокровным, оптимистическим восприятием мимотекущей жизни во всех её проявлениях.

В перечень своих сборников В.Ф. Панкратов включал и самодельные МАГовские издания – оттого-то этот список вызывал у скептиков недоумение своим невероятным количеством. В грузовской «скоропечатне» были изготовлены многие брошюры с поэтическими отчётами В.Ф. Панкратова об ОРБ-эшных встречах, а также сборнички «Книгосоцветья» (1993 г.) и «Стихи, найденные на антресоли» (1995 г.). У собирателей, однако, возникают сомнения относительно физической долговечности этих ранних принтерных оттисков.

Грузовскими руками были набраны, сверстаны и напечатаны многие мои библиофильские этюды – и всё это делалось Мишей по собственному почину и к

собственному удовольствию. Однажды он презентовал мне большую, на каких-то диковинных зажимах, конторскую папку с отсканованными бумагами из своего ОРБ-эшного архива, в том числе и с моими к нему письмами, содержащими комментарии к некоторым событиям из современной библиофильской действительности. Я счёл за лучшее передать все эти материалы в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва) – авось, пригодятся будущему исследователю книголюбительского движения в нашей стране.

Туда же, в столичный Отдел рукописей, поступили и письма М.А. Грузова. Наша эпистолярная связь не прерывалась до последнего. Уже давно многие постоянные корреспонденты перестали откликаться на мои послания: кто по слабости зрения, кто по дороговизне почтовых услуг, а кто и вовсе по усталости от житейских невзгод. И только ось «Воронеж-Киев» продолжала исправно существовать. Я всегда выделял грузовские письма из общего эпистолярного потока за их информационную насыщенность, точность наблюдений и оценок, тонкий лиризм, отменный слог. Отнюдь не исключая того, что когда-нибудь историки русско-украинских библиофильских контактов обнаружат письма М.А. Грузова с соответствующими комментариями.

Я дважды наносил визиты Грузову: однажды выступал в булгаковском музее, на заседании «бегемотников», а второй раз приезжал летом 2003 года на шестидесятилетие Миши (привёз и читал на семейном торжестве библиофильскую поэму, адресованную юбиляру В.Ф. Панкратовым). На фотографии, запечатлевшей тогдашнее застолье, вижу Н.А. Шудрю, историка-киевоведа В.В. Ковалинского, А.П. Кончаковского и др. Самым

ярким впечатлением от той встречи стало путешествие по полкам грузовской библиотеки. Книги размещались в шкафах без какого-либо строгого порядка, но хозяин легко находил требуемое издание. Мне показалось, что предметом его особой заботы были не фолианты в золочёных переплётках, а скромные брошюрки, различного рода летучие издания: они сохранились в ничтожно малом количестве экземпляров. Демонстрировал Миша прежде всего то, что касалось прошлого Украины и её сложных, противоречивых отношений с Великороссией. Как и другие представители нынешней украинской интеллигенции, М.А. Грузов остро реагировал на многие болезненные моменты национальной истории. Впрочем, политические вопросы мы старались не затрагивать. Среди ОРБ-эшной братии Миша никогда не чувствовал себя иноплеменником: напротив, он был нашим всеобщим любимцем.

Азартный коллекционер, истинный ревнитель антикварной книги, М.А. Грузов ценил в собирательстве не столько конкретный материальный результат, сколько саму погоню за дезидератами, сам поисковый процесс, не возможный без межличностных соприкосновений. Он обладал особым даром человеческого общения. Его столь ранняя кончина – огромная утрата для ОРБ. Утешает меня лишь мысль о том, что Михаил Андреевич Грузов прожил отмеренный ему срок не напрасно, что его имя не исчезнет из библиофильских анналов.

Хроника

Мария Богданович

XVIII встреча ОРБ. Вятка – 2008

22-25 мая 2008 года в г. Кирове (Вятке) прошла XVIII ежегодная встреча членов Организации российских библиофилов (ОРБ). 39 членов ОРБ и более 30 гостей из Вологды, Воронежа, Иванова, Москвы, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Самары, Санкт-Петербурга, Челябинска, Киева, Одессы, Риги прибыли, чтобы принять участие в традиционных заседаниях и аукционе, культурной программе, плодотворном общении.

22 мая состоялись экскурсии: обзорная по городу, в областном краеведческом музее (особое внимание было уделено выставке «Аз, буки, веди... Слово о книге»), в Дом-музей М.Е. Салтыкова-Щедрина. В этот же день библиофилам продемонстрировали уникальные фонды отдела редкой и ценной книги библиотеки им. А.И. Герцена.

IX Петряевские чтения прошли 23 мая в Кировской областной научной библиотеке им. А.И. Герцена. С докладами выступили члены ОРБ О.Г. Ласунский, В.В. Манукян, В.А. Петрицкий, В.К. Семибратов. Памятные медали Международного союза книголюбов

«Иван Фёдоров» были вручены М.А. Грузову (Киев) и В.К. Семибратову (Киров).

Традиционный аукцион состоялся 24 мая. Затем вятские гости отправились в г. Слободской, на родину писателя-романтика А.С. Грина. Насыщенная культурная программа включала посещение краеведческого музея (где состоялось открытие выставки книжной графики вятских художников), деревянной церкви начала XVII века, Дом-музея Яниса Райниса, выставки экслибрисов из коллекции члена ОРБ О.В. Рогожникова.

25 мая состоялись экскурсии в Областной художественный музей им. В.М. и А.М. Васнецовых, Музей А.С. Грина, художественный салон дымковской игрушки.

Библиофилы пополнили собрания следующими новыми изданиями: «Библиофильские известия» (Вып. 1. М., 2008), альманах «Вятский библиофил» (Вып. 1. Киров, 2008), поэма В.А. Кислюка «Библиофилы на Волге» (Хайфа-Рига, 2008), второе издание составленного Л.И. Чертковым каталога «Фаворский. Книжная графика» (М., 2008), брошюра В.К. Семибратова «Библиофил, писатель, краевед: к 95-летию со дня рождения Е.Д. Петряева» (М., 2008), каталог выставки «Экслибрис из коллекции О.В. Рогожникова» (Слободской, 2008), сборник материалов научной конференции «Девятые Петряевские чтения» (Киров, 2008).

Новыми членами Организации стали: А.Ю. Дорошин (С-Петербург), С.Ф. Птухин (Вологда), А.В. Штоса (Рига).

Выражаем огромную благодарность организаторам встречи В.К. Семибратову, О.В. Рогожникову и А.В. Чашникову.

Светлана Никольская

Клуб миниатюристов продолжает работу

В 2008 году в Музее экслибриса МСК продолжил свою работу Московский клуб любителей миниатюрной книги. За истекший год было проведено 17 заседаний, несколько творческих вечеров поэтов Н.Ф. Алёшина, Л.С. Тарасовой, В.П. Волкова, С.В. Тихоновой, А.М. Шехтера, С.А. Белова. Состоялись презентации новых миниатюрных книг Л.С. Тарасовой «Играя росчерком пера», М.Г. Вяткина «Кортовичу – 60 лет», «Турецкие сказки» (куратор Т.В. Алёшина).

По-прежнему активное участие члены клуба принимали в работе книжных выставок-ярмарок на ВВЦ (Москва), в торговом центре «Тишинский» (Москва), а также на Международной книжной ярмарке в Лейпциге (Германия).

В Музее экслибриса МСК в конце апреля прошла выставка «Детская литература в миниатюре». Большой интерес у зрителей как всегда вызывали мастер-классы по изготовлению рукописных миниатюрных книг (Т.В. Алёшина, С.Н. Никольская), по переплёту (В.Д. Марков), проводимые в период работы книжных ярмарок.

За 2008 год члены московского клуба миниатюристов приняли в свои дружные книголюбские ряды ещё трёх человек: Л.С. Тарасову, Ю.Ф. Гакенталю, Е.Б. Кунченко.

На последнем в уходящем году заседании клуба был заслушан отчёт председателя С.Н. Никольской и обсуждены планы на будущий 2009 год.

Игорь Быков

Клуб «На Пушечной»

Не меняя своих традиций, каждую третью субботу месяца ждёт гостей в Музее экслибриса МСК Клуб библиофилов «На Пушечной». Здесь в уютном выставочном зале проходят заседания, на которых библиофилы обсуждают книжные новинки, свои новые приобретения, новости книжного рынка. Всего за 2008 год было проведено 9 встреч, которые посетили около 200 человек.

Из всех мероприятий наиболее заполнилось обсуждение книги В. Лаврова «Книжная лихорадка», получившей широкий резонанс в книжных кругах; сообщение сотрудника отдела редкой книги Государственной публичной библиотеки В.В. Кожуховой об уникальных изданиях, хранящихся в её фондах. Любопытной оказалась встреча с коллективом издательства «Игра слов». В минувший год состоялось первое выездное заседание клуба, которое прошло в издательском доме «Марка Дейча», где библиофилы познакомились с уникальными книгами, выпускаемыми этим издательством. В дальнейших планах Клуба встреча с художником Ю.В. Шестаковым, заседание, посвященное 80-летию выхода в свет Альманаха Ленинградского общества библиофилов.

Ждём всех в Клубе «На Пушечной» в 2009 году!

Именной указатель

- Абаза А.А. 153
Абаза Н.А. 154
Абалешев П.Н. 154
Абарина А.И. 154
Абатуров Л.Ф. 154
Абрамов А.К. 154
Августиневич О.П. 154
Авдаков Н.С. 154
Авдеев М.В. 154
Авенариус В.П. 153
Адам Олсарий 11
Азаров В.В. 111, 114
Айвазовский И.К. 94
Акиншин А.Н. 208
Александрова З. 128
Алексий свят. 11, 14, 17, 18, 19
Алёшина Н.Ф. 215, 216
Ангуерр Х.Е. 143
Андреев Н.А. 66, 67, 79
Антимонова Е. 189-193
Арбузов А.Н. 136
Арина Родионовна 183
Артисевич В.А. 95
Архипов А.Е. 101
Бабич Г.В. 176
Бакон Р. 138
Бакуменко В.М. 131, 181
Барщ М.О. 131
Батлер У. 197
Белинский В.Г. 34, 73
Белл Э. 139
Белов С.А. 215
Берггольц О.Ф. 114
Бердичевский Я.И. 93, 201, 202, 204, 205
Битнер В.В. 151
Блек А.К. 147
Блохина Н.Н. 76
Богатов И.П. 183
Богданович М.М. 213
Богородский К.И. 99,
Богослов Григорий 19, 22
Болотов А.Т. 158, 160, 164
Бородаев Ю.С. 194-199
Бородоский Ф.С. 101
Браз О.Э. 99
Брокгауз Ф.А. 74, 141, 143
Булгаков М.А. 203
Бутурлин М.Д. 51
Бэкон Ф. 39
Бюлов Н. 15,
Варжапетян В. 76
Варсонофий (Толстухин) 91
Васильев В. 184, 185
Васнецов А.М. 214
Васнецов В.М. 214
Великодная И.Л. 156
Венгеров С.А. 74
Верещагин Е.М. 31
Вернич-Мясоедов М. 99
Видберг С. 192
Вилинбахов Б. 195
Витберг А.Л. 47
Вишневский В.В. 114
Волжанин М. 125
Волков В.П. 215
Воробьев К.М. 121
Врубель М.А. 100
Вуль С.А. 193
Вязников Н.П. 184
Вяткин М.Г. 215
Гааз Ф.П. 39-79
Гакенталь Ю.Ф. 215
Геннадий Г.Н. 74
Геннадий архиепископ 15
Герасимов Д. 15
Герман монах 12
Герцен А.И. 69, 213
Гиришман Л.Л. 63
Говард Д. 61, 62
Гоголь Н.В. 68
Гончаров И.А. 61
Горбатов К.И. 99, 104
Горбунов Е.Л. 174
Горнунг М.Б. 197
Горчаков М.Д. 155
Горький А.М. 73
Грабарь И. 100
Гранат А. 145
Гранат И. 145
Грачихова Р.М. 216
Грейг А.С. 92, 93
Грек Максим преп. 11, 15, 19
Грин А.С. 214, 215
Грищенко П.Д. 112
Громов А.Н. 137
Грузов М.А. 200-212
Грузова Л.М. 210
Давыдова О.И. 74
Даламбер Ж.Л. 139
Дамаскин иеродиакон 12, 22

- Дамиан П. 30
 Дейнека А.А. 125
 Джонс Ф. 149
 Дяуба Л.А. 8
 Дидро Д. 139
 Дмитриев И.Г. 33
 Дмитриев И.И. 33, 34
 Дмитриев М.А. 34
 Дмитриев М.И. 114, 115
 Дмитриев Ф.М. 34
 Дорошин А.Ю. 214
 Достоевский Ф.М. 61, 70, 71, 136
 Дубовский Н.н. 104
 Евдокимова Л.В. 215
 Евреинов Н. 106
 Елисеев А.В. 155
 Елисеев Г.З. 155
 Елисеев Г.П. 155
 Елисеев С.П. 155
 Ельцин Б.Н. 117
 Енгальчева Н.А. 155
 Ерёмченко Н.Д. 136
 Ефрон И.А. 74, 143
 Жарницкий Е.П. 193
 Жиглинский В.О. 124
 Залеман Г.Р. 103
 Зариньш Р. 192
 Засулич В.И. 61
 Златоуст Иоанн 19, 92
 Злочевский Г.Д. 39
 Зонин А.И. 114
 Зузе З. 192
 Иваск У.Г. 197
 Ивенский Г. 195
 Икумений 19
 Исаченко Т.А. 11, 31
 Исповедник М. 31
 Истомин Карион 22, 23
 Кабо И.С. 112
 Казаков М.Ф. 57
 Калашников А.И. 182, 183, 186, 187, 188
 Кальо Р. 192
 Капелла М. 138
 Капнист И.В. 56, 57
 Каптерев Н.Ф. 11
 Карамзин Н.М. 34
 Кардовский Д.Н. 104
 Качура-Фалилеев Е.Н. 99, 104
 Киндяков А.Л. 36, 37
 Киндяков В.А. 35
 Киприан 19
 Киресский И.В. 68
 Киркевич В.Г. 201
 Киррский Федорит 19
 Кирюхин Н.К. 172
 Кислюк В.А. 214
 Ковалинский В.В. 211
 Козлов В.С. 117
 Колесников С.М. 100
 Колупаев В.Е. 90
 Комаров В.В. 156
 Кондаков Н.П. 182
 Кони А.Ф. 39, 40, 56, 61, 62, 63, 64, 65, 67, 68, 73, 74, 76, 77, 79
 Константинов Ф.Д. 9
 Кончаковский А.П. 204, 211
 Копелев Л.З. 76
 Корнилов В.А. 93
 Короленко В.Г. 61
 Костенечский К. 14
 Костомаров Н.И. 173, 174
 Крузенштерн И.Ф. 93
 Крылов И.А. 128
 Кузанын П.М. 136
 Кузьмин А.К. 31
 Кунилахис К. 63, 68
 Кунченко Е.Б. 215
 Лаврентьев Б. 94
 Лазарев М.П. 92, 93
 Ларусс П. 142, 143
 Ласунский О.Г. 133, 200, 213
 Лебедев П.С. 57, 58, 59, 60, 71, 72
 Лёбель Р.Г. 141
 Левшин В.А. 172
 Лепин В.И. 145
 Леонов Л.М. 109
 Липсий Ю. 179
 Лисовой Н.Н. 31
 Лобурев В.В. 134, 200
 Логофет П. 14
 Локк У. 140
 Ломоносов М.В. 68
 Лужков Ю.М. 79
 Дыхмус Л. 192
 Любченко О.Н. 157
 Люгайла М. 192
 Макарий митрополит 15
 Макаров С.О. 94
 Макфаркуэр К. 139
 Малеванов 160
 Малер И. 190
 Малкин В.А. 208
 Манукян В.В. 214
 Марков В.Д. 215
 Маркс А.Ф. 64
 Маргьянов П.К. 152, 153, 154, 156

- Марцевич Ю.П. 198
 Марьин В. 188
 Масютин В.Н. 99
 Матиясевич А.М. 108, 109, 110, 111, 112,
 113, 115, 116, 117, 118
 Матхаузеров С. 16, 17
 Матэ В.В. 103, 104
 Медведев Д.А. 5
 Медведев Сильвестр 17
 Мейснер А.Ф. 75
 Менделеев Д.И. 94
 Мечев М.Н. 136
 Мильковицкий А.С. 203, 210
 Минин К.М. 68
 Минцлов С.Р. 190
 Миронов В.П. 216
 Миронов Г.М. 77
 Михайловский В. 190
 Моретус Б. 179
 Моретус Я. 178, 179
 Морозова В.Б. 116
 Мосийчук А.М. 136
 Мурашко Н.И. 103
 Мурзин В.Н. 216
 Мясмин И.Г. 108, 114, 115
 Мясоедов И.Г. 99, 103, 104, 105, 106
 Нахимов П.С. 93
 Нежный А. 77
 Некрасов Н.А. 61, 73, 78
 Непринцев Ю.М. 108, 113, 114, 115
 Никольская С.Н. 215, 216
 Никольский К.Т. 31
 Ожгов С.И. 32
 Окас Э. 192
 Окуджава Б. 76
 Осетров Е.И. 181-188
 Осипов Г. 76
 Остроухов И.С. 66
 Ошевская З.А. 174
 Ошевский С.Д. 158-175
 Павлович С.В. 215
 Панкратов В.Ф. 208, 210
 Панов М.Ю. 198
 Пастернак Б.Л. 101
 Пастернак Л.О. 99, 145
 Паустовский К. 94
 Перси-Френч Е.М. 38
 Перси-Френч М.Р. 35, 37, 38
 Перси-Френч С.А. 35, 36, 37, 38
 Петрицкий В.А. 214
 Петряев Е.Д. 214
 Пирогов Н.И. 68
 Плантен К. 177, 179, 180
 Пожарский А.К. 196
 Пожарский Д.М. 68
 Полещук В.А. 110
 Поликарпов Ф. 12
 Половцев А.А. 150, 151
 Полоцкий Симеон 16, 17
 Поль А.И. 52
 Птухин С.Ф. 214
 Пузыревский Н. 192
 Пучков С.В. 65, 66, 67
 Пушкин А.С. 68, 154, 183, 189
 Радищев А.П. 196
 Разин С. 33
 Райлян Ф. 104
 Ракитянский А.Т. 189
 Ратнер Г.Л. 131, 132, 133, 134, 135, 136
 Репнин Н.В. 41
 Риддер Г.Р. 116
 Рогов А.М. 39
 Рогожников О.В. 214
 Романов Н. 104
 Рубенс П.П. 179
 Рыбников А. 124
 Ряжский Г.Г. 102
 Ряжский Г.С. 99
 Савельев В. 138
 Салтыков-Щедрин М.Е. 213
 Самокиш-Судковская Е.П. 45, 46, 47, 51,
 56, 64, 72
 Сафонов Э.И. 170
 Сахаров Д. 124
 Сахаров И.П. 172
 Семёнов В. 188
 Семёнов Н. 12
 Семибратов В.К. 214
 Сергеева Е. 135
 Сидоров А.А. 104, 105
 Скворцов А. 196
 Скребицкая Э.А. 36
 Скребицкий А.Н. 36, 37
 Славинецкий Епифаний иер. 12, 25
 Смели У. 139
 Соболева Н.А. 32
 Соловьев С.А. 108
 Спектор У.М. 127
 Спенсер У.Л. 148
 Спиченко Н.М. 37
 Сталин И.В. 124
 Степашинов С.В. 5
 Суворин А.С. 62
 Суворов А.В. 129
 Сытин И.Д. 129
 Тарасова Л.С. 215

- Тарле Е. 94
 Тарноградский В. 200
 Твардовский А.Т. 96
 Терехов В.Е. 136
 Тетерин А.А. 108, 115
 Тихонова С.В. 215, 216
 Толстой Л.Н. 61, 73, 94
 Толстяков А.П. 206
 Трепов Ф.Ф. 61
 Трибуц В.Ф. 112
 Гувельман А.Е. 215
 Тугендхольд Я. 101
 Тырновский Е. 31
 Уклеин 160
 Усень М.П. 216
 Усолкин В. 197
 Фалилсв В.Д. 99, 103, 106
 Фёдоров И. 68
 Филипп II 178
 Фирсов Авраамий 17
 Фишер К.А. 68, 69
 Фон-Гиргенсон П. 68
 Франклин Б. 140
 Фролов В.А. 136
 Фролов Н.Ф. 216
 Фрунзе М.В. 112
 Худолей В.В. 193, 200
 Хушер Г.Э. 140
 Хюбнер Р. 149, 150
 Ционглинский Я.Ф. 103
 Циприс И.Б. 40
 Чашников А.В. 214
 Чемберс Э. 139
 Чепанускас А. 192
 Черкасов Н.К. 112
 Черниговский Ф. 73
 Чернышевский Н.Г. 95
 Чертков Л.И. 214
 Чертков Л.Н. 77
 Черчилль Р. 148
 Чехов А.П. 72
 Чехов М. 99
 Чудовский Евфимий 12, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 29, 30, 31
 Шапиро К.А. 154
 Шехтер А.М. 215
 Шмидт О.Ю. 146
 Шполянский И.И. 39
 Штоса А. 214
 Шубин Б. 76
 Шудра Н.А. 206, 211
 Шульц Ю.Ф. 198
 Шумахер А.Д. 50
 Шустрова Л.В. 10
 Эфрос А. 102, 103
 Южаков С.И. 145
 Ягич И.В. 31
 Языков Н. 133
 Якштас В. 192
 Яценко Н.И. 32

Коротко об авторах

Бакуменко Виталий Маркович (р.1937), певец, ветеран Большого театра России; коллекционер, библиофил, журналист. Автор множества публикаций о библиофильских находках, на литературные, музыкально-театральные темы, краеведению. Выпустил каталоги-альбомы «Есениниана Василия Леоненко», «Валерий Покатов - художник книги и экслибриса», книги-альбомы «Книжные знаки Е. Лебедева», «В. Кунташев. Книжные знаки», «Сергей Есенин в творчестве Василия Леоненко», «Книжные знаки Вадима Житникова», миниатюрный альбом «На рубеже веков, или Итоги XX века» и ряд миниатюрных книжек о мастерах искусства экслибриса. Действительный член Вологодского Союза писателей-краеведов, ответственный секретарь «Российского экслибрисного журнала».

Бабич Григорий Владимирович (р. 1988), художник, студент графического факультета МГУП. Учится ксилографии у В.В. Кортювича,

с которым также работает в лаборатории «Эстамп» при университете. Собирает печатную графику; книги, иллюстрированные в гравюре, а также детские книги. Работал в детском издательстве «Самокат». Музыкант (ударные, перкуссия).

Бердичевский Яков Исаакович (р. 1932), библиофил, коллекционер, музейный работник; автор многочисленных статей и публикаций ряда книг. Его собрание, посвящённое Пушкину и его окружению, легло в основу Музея А.С. Пушкина в Киеве (Украина). Ныне живет в Берлине (Германия).

Богданович Мария Михайловна, (р. 1977), редактор, кандидат филологических наук, автор статей в профессиональных периодических изданиях по темам библиофильства, книговедения. Член Организации российских библиофилов, главный редактор журнала "Библиофильские известия", редактор-составитель альманаха "Библиофил" (вып. 8), "Альманаха библиофила" (вып. 29).

Бородаев Юрий Сергеевич (р. 1923), доцент геологического факультета МГУ, кандидат геолого-минералогических наук. Библиофил, один из старейших и самых авторитетных коллекционеров экслибриса в России. Опубликовал около 300 работ по основной специальности (месторождения рудных ископаемых) и свыше 20, посвященных исследованию книжных знаков. Участник Великой Отечественной войны. Награждён орденом Отечественной войны I степени и другими наградами.

Быков Игорь Валентинович (р. 1966), инженер, библиофил, коллекционер. Член Московского клуба библиофилов, член Организации российских библиофилов. Автор публикаций в альманахах, сборниках.

Громов Александр Николаевич (р. 1941), по специальности инженер-радиотехник. В 1971-1978 гг. работал в Международном союзе электросвязи (Женева, Швейцария), затем в различных учреждениях системы Министерства связи. В настоящее время занимается бизнесом в области электросвязи. Библиофил. В личной библиотеке более 6 тысяч книг, из них более 2-х тысяч – пушкиниана, большое собрание миниатюрных изданий. Член Московского клуба любителей миниатюрных книг и Организации российских библиофилов, вице-президент Международного общества пушкинистов (Нью-Йорк, США).

Злочевский Гарольд Давидович (р. 1936), кандидат технических наук, старший научный сотрудник ОАО «ВНИИ АЛМАЗ», член Союза писателей Москвы, автор более 100 публикаций по библиофильской тематике, истории Москвы, Подмосковья, русской усадьбе, истории

общественных организаций в области краеведения, культуры и искусства, в том числе 4 книг. Член-учредитель Общества изучения русской усадьбы, член его Правления.

Исаченко Татьяна Александровна (р. 1957), кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки, специалист в области отечественной медиэвистики, связанной с изучением митрополичьего и патриаршего скриптория XVI–XVII вв. Автор более 200 научных работ и 5 монографий, популяризатор рукописной книги. Представлена к награждению Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации и Российского профсоюза работников культуры.

Колупаев Владимир Евгеньевич, (р.1964), выпускник МГИК в 1985 г. по специальности «Библиотекведение и библиография», специализация – ОПЛ (общественно-политическая литература), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник в НИО книговедение РГБ, печатался в профессиональных изданиях «Библиотекведение», «Библиография», «Мир библиографии», «Библиотечное дело», автор монографии «Русские в Магрибе» (Пашков дом, 2009). Научные интересы - изучение истории книги и культуры в целом Русского Зарубежья XX века.

Любченко Олег Николаевич (р. 1932), литератор, окончил факультет журналистики МГУ, работал в газетах, на радио. Выступал в защиту памятников старины и, в частности, русских старинных парков (статьи в газетах «Правда», «Советская культура»; альманахах: «Памятники Отечества», «Дворянское собрание». Автор историко-биографических книг, а также очерков и воспоминаний.

Ласунский Олег Григорьевич (р. 1936), литературовед, книговед, краевед, библиограф. Член Союза писателей, Союза журналистов, Археологической комиссии Российской Академии наук, заместитель председателя Союза краеведов России. Председатель Воронежского историко-культурного общества, учредитель кружка «Воронежский библиофил» (1972 г.). Инициатор создания и сопредседатель Всероссийской ассоциации библиофилов (ныне – Организация российских библиофилов). Автор множества работ о книгах и книжниках. Основные разделы своей библиотеки передал в дар: воронежское краеведение – в областную научную библиотеку имени И.С. Никитина; книговедение, библиографию, библиофилеведение, редкие издания XVIII–XX вв., книги с инскриптами, зарубежные издания – в научную библиотеку Воронежского государственного университета, где на основе этого собрания проводятся с 1999 г. ежедневные книговедческие чтения.

Никольская Светлана Николаевна (р. 1939), доктор филологических наук, лауреат Государственной премии СССР. Член Творческого союза художников России, Международной федерации художников ЮНЕСКО, Международного художественного фонда, член Союза литераторов России (секция авторской книги, «Новая книга»). Творческое направление: наивное искусство (живопись, графика), авторская рукописная книга. Участник тематических выставок в галереях и выставочных залах Москвы.

Ракитянский Анатолий Тихонович (р. 1941), журналист, издатель, член Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП), учредитель и член Совета Пушкинского общества Латвии, член Латвийского общества культуры, Правления общества книголюбов Латвии, учредитель рижского клуба «Библиофил» и секции миниатюрных книг. Член организации российских библиофилов. Автор библиографического каталога «Алексей Юпатов: художник, график, издатель (1911-1975)», издатель «Библиографии миниатюрных изданий Латвии», составитель и издатель сборника «Рижский библиофил».

Смирнов Геннадий Васильевич (р. 1937), библиофил, коллекционер. Член Московского клуба любителей миниатюрных книг. Лауреат литературной премии им. Д. Кедрина «Зодчие». Публиковался в газетах и журналах с сообщениями о миниатюрных книгах и книжных находках. Автор книг: «Мытищи. Былое», «Память и Памятники», «Были и небыли», «Осколочки». Им сделано несколько десятков публикаций о поисках и находках неизвестных книжных миниатюр.

Тетерин Александр Александрович (р. 1954). Окончил Ленинградский институт культуры им. Н.К. Крупской. По образованию – библиограф. Муниципальный служащий. Краевед, библиофил. Один из авторов альбома «Земля Тосненская. История и современность». Публикуется в периодической печати Ленинградской области.

Шустрова Людмила Владимировна (р. 1955), кандидат педагогических наук, председатель Исполкома Совета МСК, член Союза журналистов России. Главный редактор «Российского экслибрисного журнала», «Альманаха библиофила». Автор многочисленных публикаций в альманахах, сборниках и периодической печати, а также учебного пособия «Практическая стилистика русского языка».

Яценко Николай Ильич (р. 1934), штурман гражданской авиации, Президент Международного клуба друзей Сент-Экзюпери, Заслуженный работник культуры России. Член Союза журналистов России, член Правления ассоциации друзей Франции, член Организации российских библиофилов.

Альманах библиофила

Выпуск тридцать второй

Главный редактор Л.В. Шустрова
Корректор Н. Ларченко
Художественная верстка Г.В. Бабич

Сдано в набор 01.10.2008. Подписано в печать 10.12.2008.

Формат 60×84/16. Гарнитура NewBaskerville.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1.

Усл. печ. л. 14. Тираж 500 экз. Заказ № 6876.

Международный союз книголюбов
107031, Москва, ул. Пушечная 7/5, стр. 2
<http://www.knigoluby.ru>
e-mail: knigolub@co.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в филиале ОАО
«Ордена Октябрьской Революции, Ордена Трудового Красного Знамени
«Первая Образцовая типография».
115054, Москва, Валовая, 28